

Д.М.ПРОЭКТОР

ОРУЖЕНОСЦЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Д. М. ПРОЭКТОР

ОРУЖЕНОСЦЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

**ГЕРМАНСКИЙ
МИЛИТАРИЗМ
1919—1939 гг.**

**Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1971**

9 (м) 71
П84

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга посвящена истории германского милитаризма между двумя мировыми войнами.

Есть ли что-нибудь поучительное в такой истории? Есть, и много. В наши дни лагерь империализма превратил милитаризм в чудовище, которое пронизывает своими щупальцами всю жизнь общества. Гигантские военно-промышленные комплексы поглощают национальные богатства. Научно-техническая революция поставлена на службу войне. Воплощенный в агрессивных военных блоках, империалистический милитаризм постоянно грозит взорвать весь мир. Он отравляет своей идеологией, основанной на культе насилия, сознание той части человечества, которая живет в условиях капитализма.

Милитаризм — величайшее зло империалистического мира. К сожалению, его надо знать, чтобы уметь с ним бороться. И, как часто бывает, история способна здесь помочь в лучшем познании современности.

За два десятилетия, прошедшие от заключения Версальского договора до первых выстрелов второй мировой войны, германский милитаризм проявил себя в «классических» формах, если такое определение применимо к явлению, связанному с наиболее мрачными страницами истории империализма. Пожалуй, нет ни одного принципиального свойства современного милитаризма, которое, пусть в иных масштабах и формах, не проявилось бы в германском милитаризме 20—30-х годов.

Германский милитаризм выступал как знамя крайней реакции в годы, когда она собирала силы после своего поражения. Он способствовал созданию нацистской партии, объединился с монополиями, чтобы привести ее к власти, задушить рабочее движение, подавить демократию, установить фашистскую диктатуру. Он был одним из создателей третьего рейха, его оруженосцем, главным орудием подготовки войн за мировое господство германского империализма и фашизма. Он пропитывал своей идеологией мышление Германии, насаждал расизм и шовинизм, — словом, аккумулировал в те годы все наиболее реакционное, что присуще империалистическому милитаризму вообще. Его развитие точно и полно подтверждает известное ленинское определение: «Современный милитаризм — есть результат капитализма. В обеих своих формах он — «жизненное проявление» капитализма: как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних столкновениях... и как оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата...»¹.

Наша цель — на примере истории германского милитаризма 1919—1939 гг. показать, сколь опасен империалистический милита-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 187.

ризм, какие бедствия несет он человечеству и как важно вести с ним постоянную и непримиримую борьбу.

Действующих лиц нашего повествования мы условно назвали «оруженосцами». Однако это ни в коей мере не означает преуменьшения их роли в подготовке к развязыванию второй мировой войны. О том, что германский милитаризм стоял в центре всего военно-политического механизма, двигавшего мир к величайшей катастрофе, мы и пытаемся рассказать читателю.

ПУТЬ
К ФАШИСТСКОЙ
ДИКТАТУРЕ

I

Первая мировая война завершилась поражением германского империализма. Его попытка силой оружия переделить мир, завоевать европейскую и мировую гегемонию окончилась крахом. Четыре года держала фронты кайзеровская армия. В конце сентября 1918 г. ее руководители потребовали от правительства обратиться к Антанте с предложением о перемирии.

Последствия национальной катастрофы 1914—1918 гг., в которую вовлекли Германию империалистические силы, обрушились на трудящиеся массы. Голод, разорение, безработица, гнет репараций, катастрофическое падение марки, полное расстройство экономики и торговли вызвали к концу мировой войны массовый протест народа.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России оказала огромное влияние на подъем революционной борьбы во многих странах. В ноябре 1918 г. в Германии началась революция.

Историческая задача этой революции состояла в том, чтобы уничтожить монархию, обеспечить буржуазно-демократические преобразования, ликвидировать милитаризм, провести демократизацию государственного аппарата, экспроприировать юнкеров и военных преступников. Главной движущей силой Ноябрьской революции в Германии был рабочий класс. Ему предстояло в этой борьбе накопить революционный опыт и, установив прочный союз с крестьянами перейти к социалистической революции.

Под натиском революционных выступлений пала монархия Гогенцоллернов. 9 ноября кайзер Вильгельм II отрекся от престола. В тот же день Карл Либкнехт с балкона императорского дворца провозгласил Германию свободной социалистической республикой. Он приветствовал Советскую Россию и призвал «напрячь все силы, чтобы создать новый государственный порядок пролетариата».

В образовавшемся коалиционном правительстве лидерами стали правые социал-демократы, а канцлером — их глава Эберт. Он принял бразды правления в дни, когда революционные волны разливались по стране, Берлин находился в руках восставших рабочих и

солдат. Баварская и Бременская советские республики, революционные выступления рабочих, моряков, солдат в Киле, Гамбурге, Шверине, Любеке, Берлине, в Средней и Южной Германии, создание солдатских и рабочих советов, самоотверженное выступление стотысячной Красной армии Рура, борьба пролетариата Саксонии — все эти события убедительно говорили о том, что в Германии созревали предпосылки для победы пролетариата.

Успешное завершение революции могло направить Германию по исторической дороге, которая никогда бы не привела к фашизму. Но Коммунистическая партия Германии, созданная в начале 1919 г., еще не была зрелой, массовой, действительно большевистской организацией и не сумела возглавить революционное движение в национальных масштабах. Большинство рабочих находилось под влиянием оппортунизма. Недостаточная организованность пролетариата, предательство вождей правой социал-демократии, поддержка германской реакции империалистами Англии, США и Франции поставили революцию в трудное положение. Рабочий класс не смог сплотить все демократические силы, создать прочный союз с крестьянством. Поэтому главный вопрос революции — вопрос о власти не был сразу же решен рабочими в свою пользу. Революция, проведенная в известной мере пролетарскими средствами и методами, не вышла за пределы буржуазно-демократического переворота.

Тем временем кайзеровская армия распадалась. Революция нанесла милитаризму тяжелый удар. Военное поражение, обострение внутривнутриполитической обстановки привели армию к глубокому кризису. Войска выходили из повиновения реакционных командиров. Солдаты, возвращаясь на родину, расходились по домам. Революционный дух распространялся в солдатских массах, подрывая основы прусско-милитаристских порядков и традиций. Ничто не пугало так промышленную олигархию, феодальных землевладельцев, чиновничество и реакционное бюргерство, как ослабление и разложение армии — одной из главных опор диктатуры реакции. Страх правящей верхушки усугублялся условиями мира, продиктованными Антантой.

А условия этого мира, заключенного 27 июня 1919 г. в Версале, были для Германии тяжелыми. Германия отдавала Франции Эльзас-Лотарингию в границах 1870 г. Угольные копи Саарского бассейна также переходили в собственность Франции. Управление областью передавалось Лиге наций на 15 лет. На такой же срок Антанта оккупировала левый берег Рейна. Территория к востоку от реки на 50 километров подлежала демилитаризации. Районы Шлезвиг-Гольштейна присоединялись к Дании, Эйпен и Мальмеди — к Бельгии. Германия признавала независимость Польши и Чехословакии, отказывалась в пользу первой от некоторых районов Померании, Познани, части Западной и Восточной Пруссии. Данциг (польский город Гданьск. — *Д. П.*) переходил под контроль Лиги наций, которая сделала его вольным городом. Территорию Германии разделил Польский коридор, где Польша получала право контроля над

железнодорожными и морскими путями. Германия гарантировала независимость Австрии и отказывалась от всех колоний.

Всей своей тяжестью Версальский мир обрушился на немецких трудящихся.

Согласно военным статьям Версальского договора, вооруженные силы Германии, насчитывавшие 8 млн. человек, должны были быть распущены. Разрешалось иметь небольшой рейхсвер — армию в 100 тыс. человек. Воинская повинность была отменена, генеральный штаб запрещен. Военно-воздушные силы подлежали ликвидации. Германия лишилась права создавать военные резервы и накапливать запасы военнообученных. 10 дивизий, из них 7 пехотных и 3 кавалерийские, ни одного танка и самолета — такого состава армию имела право держать Германия по условиям Версальского договора. Численность военно-морского флота устанавливалась в 36 боевых судов (6 броненосцев, 6 легких крейсеров, 12 контрминоносцев и 12 миноносцев)¹.

Но не такое время переживала Европа, чтобы господствующие классы держав-победительниц обезоружили германскую реакцию перед угрозой смертельных для нее последствий революционного взрыва. Опасаясь торжества революции в центре Европы, победители сразу же пошди против собственных решений и позаботились о том, чтобы побежденные не торопились выполнять военные статьи Версальского договора. Кайзеровские полки требовались для борьбы с революцией, с «красной опасностью», которая страшила английскую, французскую и американскую буржуазию неизмеримо больше, чем побежденная германская армия. Уже в 1918 г. было подписано специальное соглашение, разрешавшее правительству Эберта для начала оставить в Прибалтике 75-тысячную армию генерала фон дер Гольца. С молчаливого согласия командования союзников немецкие соединения уходили с фронта не сдавая оружия. Их предполагалось бросить на борьбу с революцией.

В обстановке военного поражения и краха кайзеровской империи германский милитаризм представлял собой наиболее организованную силу, верную традициям вильгельмовской монархии. На эту силу и решила опереться международная и внутренняя реакция для осуществления своих контрреволюционных планов. Но германский милитаризм переживал трудные дни. Монархия — вдохновитель, опора и воплощение милитаризма — была свергнута. «Военная структура находится на пороге распада»², — горько сетовал один из баварских монархистов, довольно точно определив то состояние, в котором пребывала германская военная организация после поражения империи. Солдаты, возвращавшиеся с фронта,

¹ Германия должна была сдать союзникам на основе договора 6 млн. винтовок и карабинов, 105 500 пулеметов, 54 887 орудий и стволов, 14 014 самолетов, 27 757 авиамоторов и т. д.

² G. Seifert. Der Kaiser ging — die Generale bleiben. In: Des Volkes Feind. Berlin, 1961, S. 55.

не были похожи на гренадеров кайзеровской армии, которые четыре года воевали на Западе и Востоке. Целые формирования отказывались повиноваться командирам, во многих частях создавались солдатские советы. Милитаризм — как самая сильная опора германского абсолютизма — был тяжело потрясен¹. Но он выжил. События выдвинули к власти людей, которые, по словам Эберта, «ненавидели революцию как смертный грех»² и были готовы мобилизовать все силы для борьбы с ней.

Конечно, генералы, сидевшие в армейском руководстве принципиально отвергали республику. Но они не могли не понимать обстановку, складывающуюся после падения монархии. В революционной Германии приходилось на время менять тактику и приспосабливаться к новым условиям. Генерал Гренер, сменивший ушедшего в отставку начальника генерального штаба Людендорфа, вспоминал позже, что 10 ноября (т. е. на второй день после начала революции. — Д. П.) верховное главнокомандование сухопутных войск — ОХЛ (*Oberste Heeresleitung*) стояло перед необходимостью решить, что же следует предпринимать. «Я посоветовал фельдмаршалу (Гинденбургу. — Д. П.), — пишет он, — бороться с революцией в данное время не с оружием в руках, так как можно было опасаться, что при существующих настроениях в войсках подавление с помощью оружия может потерпеть неудачу. Я говорил ему: «Я считаю необходимым, чтобы верховное главнокомандование сухопутных войск вошло в союз с социал-демократией большинства»³.

Германские милитаристы учли, что цепляться за труп монархии значило утратить всякие перспективы в республике. Приходилось думать об установлении контактов с правительством Эберта.

Начало союзу было положено тогда же, 10 ноября 1918 г., после секретного телефонного разговора Эберта с Гренером. Канцлер предложил военной верхушке действовать совместно против революции. Гренер ответил: «Верховное командование армии и рейхсканцелярия должны выступить совместно против большевизма и левой радикальной части германских рабочих... Офицерский корпус надеется, что имперское правительство будет бороться с большевизмом и для этого отдаст себя в его распоряжение»⁴.

Генералы хотели прежде всего организовать «прочную государственную власть», которая стала бы главной опорой контрреволюции. Такая власть, по мнению реакции, могла быть установлена только при достаточно решительных совместных действиях воен-

¹ G. Seifert. *Op. cit.* S. 55.

² *Ibidem*, S. 56.

³ L. Berthold, H. Neef. *Militarismus und Opportunismus gegen die Novemberrevolution*. Berlin, 1958, S. 204.

Эти слова были сказаны Гренером на судебном процессе, получившем название «Удар кинжалом», в 1925 г. Речь идет о совете, данном Гинденбургу 10 ноября 1918 г.

⁴ O. E. Schüddkopf. *Das Heer und die Republik*. Hannover, 1955, S. 14.

ного командования и руководства социал-демократии. «Мы объединились, — говорил Гренер, — для борьбы против революции, для борьбы против большевизма»¹. Так образовался союз милитаристов и правой социал-демократии, основой которого были антикоммунизм и борьба с германской революцией.

Милитаристы сразу же выступили главными инициаторами кровавых расправ над революционными народными массами. Первоначально они не теряли надежд путем подавления революции прийти даже к восстановлению монархии. Позже Гренер писал о постигшем его разочаровании: вожди социал-демократии «свернули влево»². Милитаристы знали, что их авторитет резко подорван проигрышем войны, и поэтому хотели остаться в тени, добровольно сотрудничая с новым правительством, политический курс которого после краха надежд на реставрацию престола в общем их устраивал. Гренер объявил 10 ноября: верховное военное руководство «подчиняется правительству против независимых социал-демократов и спартаковцев»³.

Союз правых социал-демократов и реакционных военных кругов был освящен волей главы германского милитаризма фельдмаршала Гинденбурга. Обращаясь к армии 10 ноября 1918 г., он потребовал от солдат и офицеров, чтобы они в связи с «большевистской опасностью, грозящей родине», чувствовали себя «морально ответственными за спасение немецкой земли», несмотря на то что они с окончанием войны освобождены от данной ими присяги. «Я объявляю, — заявил Гинденбург, — что верховное командование армии хочет идти совместно с рейхсканцлером Эбертом... для того чтобы предотвратить распространение в Германии... большевизма»⁴. Так Гинденбург во главе германских милитаристов вступал в союз с правыми социал-демократами. Но он хорошо знал слова кайзера Вильгельма II: «Там, где марширует гвардия, не может быть демократии»⁵. Военное командование возглавило борьбу с революцией. «Именно генеральным штабом было начато осуществление всех важных военных, а частично и политических мер по сохранению капиталистического общественного строя, разработанных в тиши его кабинетов»⁶.

Главное командование сухопутных сил старалось обеспечить поддержку своим контрреволюционным планам и действиям со стороны основных масс армии. Это не всегда ему удавалось: революционные элементы армии активно противостояли реакции. В обо-

¹ O. E. Schüddkopf. Op. cit. S. 14—15.

² R. U. Phelps. Aus den Groener Dokumenten. In: Deutsche Rundschau, Juli, 1950

³ O. E. Schüddkopf. Op. cit. S. 16.

⁴ Volkmann. Der Marxismus und das deutsche Heer im Weltkriege. Berlin, 1925. S. 315—316.

⁵ O. E. Schüddkopf. Op. cit. S. 9.

⁶ Г. Ферстер, Г. Гельмерт, Г. Отто, Г. Шниттер. Прусско-германский генеральный штаб 1940—1965. М., изд-во «Мысль», 1966.

зах отходивших с фронта полков виднелись красные флаги. Когда 16 ноября верховное командование потребовало изъять эти флаги, многие командиры воспротивились приказу и вынудили высшее начальство отменить его¹. Тогда оно назначило на 1 декабря в Бад-Эмсе конгресс всех солдатских союзов полевых войск, надеясь «обуздать левых» и подчинить себе солдатскую массу. Но собрание в Эмсе использовали и левые элементы армии для пропаганды среди делегатов радикальных требований².

Чтобы ограничить распространение в армейской среде революционного духа и хотя бы на время удержать за собой солдат, главное командование созвало 18 декабря совещание «представителей офицеров армии». Собрав наиболее реакционные элементы, оно добилось принятия декларации о том, что «весь офицерский корпус будет лоялен к правительству Эберта», которое «обеспечивает спокойствие и порядок»³. Установив тесный контакт с новым правительством, военная верхушка стала выдвигать свои требования: полностью восстановить командную власть офицеров, распустить солдатские советы, созвать Национальное собрание⁴. А вскоре она двинула надежные воинские части с Западного фронта на революционный Берлин. Милитаристы и правые социал-демократы готовились к решающей схватке с революцией.

Вожди правой социал-демократии и германские милитаристы стали союзниками в тот решающий час, когда одной из главных задач Ноябрьской революции было обезоружить милитаризм и предать военных преступников суду германского народа. Историк из ГДР Зейферт справедливо пишет: «Пруско-германский милитаризм был с давних пор заклятым врагом рабочего движения и всех других демократических сил. Он не только подавлял их, но стремился превратить Германию в государство-тюрьму, в котором правила бы при помощи указов о чрезвычайном положении и при помощи штыков. Он бросил Германию в мировую войну и тем самым поставил под угрозу существование нации. Устранение милитаризма стало срочной национальной необходимостью. Тем чудовищнее оказалось то, что вожди правой социал-демократии брались защищать генералов, которые послали на бессмысленную смерть миллионы людей»⁵.

¹ O. E. Schüdderkopf. Op. cit. S. 30.

² Основой этих требований вскоре стали так называемые «семь гамбургских пунктов», принятых 18 декабря 1918 г. на конгрессе рабочих и солдатских советов. Первый пункт гласил: «Командная власть в армии и на флоте осуществляется народными уполномоченными под контролем исполнительного совета». «Пункты» упраздняли знаки различия, кокарды и т. д. Обширные полномочия предоставлялись солдатским советам, которые, в частности, избирали командиров. (H. Völt. Dokumente der Deutschen Politik. Bd. III. Teil 1, Berlin, 1942. S. 416—418). Этот документ вызвал резкий протест Гинденбурга (см. O. E. Schüdderkopf. Op. cit. S. 38).

³ O. E. Schüdderkopf. Op. cit. S. 30.

⁴ См. Г. Ферстер и др. Указ. соч., стр. 198.

⁵ G. Seifert. Op. cit. S. 57.

Наиболее решительно борьбу против милитаристов вел союз спартаковцев. Руководящие представители немецких левых групп — Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Франц Меринг, Вильгельм Пик, возглавляя антибуржуазные и антимилиитаристские выступления трудящихся, успешно отбивали контрреволюционные удары. Когда была основана Коммунистическая партия Германии, антимилиитаристская борьба получила широкую базу и значительно усилилась.

Ярким выражением той боязни, которую испытывал милитаризм перед организованным компартией движением трудящихся, следует признать тот факт, что начиная с январских боев 1919 г. против революционных рабочих реакция бросает уже не «разложившиеся» фронтовые части, а особые «добровольческие отряды» — банды убийц и ландскнехтов.

Идея создания «отборных войск» (по выражению Шюддекопфа — *Die Elitetruppen*) зародилась в главном командовании армии осенью 1919 г., на монархической основе¹. Первоначально эти формирования предназначались для того, чтобы с их помощью возвратить кайзера и восстановить империю. Когда прусский министр внутренних дел Дреус посетил 1 ноября 1918 г. Вильгельма II перед его отречением, последний заявил о своем намерении «собрать войска, чтобы с ними вернуться и помочь правительству утвердить в стране шорядок»². Однако вскоре стала ясной неосуществимость такого плана. Германские милитаристы поняли, что потеряют армию и вообще лишатся будущего, если пойдут наперекор событиям и попытаются, подобно французским роялистам, вернуть монархический строй. 8 ноября рейхсканцлер принц Баденский говорил: «Или войска вступят в борьбу против большевистского путча и будут морально поддержаны большинством социалистов и теми, кто за ними стоит, или войска выступят против мощного народного движения, которое требует отставки кайзера. В первом случае окажется возможным подавить восстание, во втором — придется вести гражданскую войну»³.

Сомнений быть не могло. Милитаристы не чувствовали за собой достаточных сил, чтобы победить в гражданской войне. Они избрали путь «борьбы против большевизма». Именно этой цели должны были служить «отборные войска», предназначенные заменить мало надежных в борьбе против демократии, в большинстве своем усталых и безразличных солдат.

После обсуждения этого вопроса в ОХЛ и в высших штабах Гинденбург 24 ноября отдал приказ сформировать первые «отборные

¹ Мысль о создании «корпусов» была высказана впервые в конце октября 1919 г. офицерами главного командования.

² О. Е. Schüddekopf. *Op. cit.* S. 42.

³ Первая альтернатива, собственно, и была основой союза Гренера и Эберта. Для его поддержки и создавались особые войска. (См. О. Е. Schüddekopf. *Op. cit.* S. 42).

отряды» сначала на Востоке, против польского национально-освободительного движения. Правительство Эберта немедленно поддержало инициативу военных. 3 декабря оно опубликовало декрет о создании «добровольческого фольксвера». В начале января 1919 г. началось формирование первых «добровольческих корпусов» («фрей-корпс»), ставших вскоре самым опасным оружием в руках контрреволюции.

Первым создал «полевой охотничий корпус» командир 214-го пехотного полка генерал-майор Меркер, получивший 12 декабря 1918 г. на то разрешение своего начальника — командира 14-го резервного корпуса¹. Вскоре по инициативе других офицеров было сформировано еще несколько подобных соединений, главным образом в восточных районах страны («добровольческий корпус» лейтенанта Россбаха в крепости Грауденц, «полк Рейнгардта» в Берлине и др.)². Добровольческие формирования росли, как грибы после дождя. В начале 1919 г. они насчитывали уже более 400 тыс. человек. Их действия направлялись правительством Эберта, в составе которого военными вопросами ведал Носке — палач революции.

Облик и цели «добровольческих корпусов» неплохо видны из воззвания генерала Меркера (январь 1919 г.) по поводу формирования «кистребительного корпуса»: «Место правительства кайзера заняло правительство рейхсканцлера Эберта. В настоящее время оно находится в тяжелейшем положении, так как совершенно не располагает вооруженной силой. В последующие четырнадцать дней армия будет распущена. Однако ему необходима сила для борьбы за границы рейха, а также для внутренней борьбы.

На востоке большевистская Россия, поляки и чехи стоят у германской границы и угрожают ей. Внутри рейха все идет кувырком. Везде грабёж, везде беспорядок, нигде больше нет внимания к закону и праву, нет заботы о личной и государственной собственности».

Далее дается совершенно невежественная, удивительная по тупости «оценка» внутреннего положения: «И прежде всего правительству Эберта угрожают группы спартаковцев Либкнехта и Розы Люксембург. Эта угроза является дьявольской. Роза Люксембург является женщиной-чертом... Эта группа стремится прежде всего воспрепятствовать созыву национального собрания, так как национальное собрание должно достигнуть того, чего эти люди не хотят, а именно мира, спокойствия и порядка в стране.

Роза Люксембург может сегодня безнаказанно погубить Германию, ибо в рейхе нет силы, которая могла бы ей противостоять.

¹ F. Stuhlmann. Deutsche Wehrmacht. Berlin, 1933, S. 72.

² Шюддекопф считает, что «добровольческие корпуса» формировались для решения двух задач: внешней и внутривойсковой. Не исключено, что защита границ также предусматривалась ими, но главной задачей была, конечно, «борьба против большевизма» внутри страны, что признает и сам автор, говоря о возможности соединения обеих задач в одну — «борьбу с большевизмом» (см. O. E. Schüddekopf. Op cit. S. 43).

Поэтому мы обязаны защищать границы рейха, обязаны позаботиться о внутреннем спокойствии и порядке»¹.

Этот документ выражал идеологическую тенденцию германского милитаризма: появив угрозу власти империалистических сил и своему собственному господству в стране, он мобилизуется для спасения реакции. Быстро организуемые офицерами и генералами «добровольческие корпуса», различные отряды и банды отличались особой жестокостью, крайне агрессивным антикоммунизмом, стремлением к диктатуре и монархическому образу мышления. Законномерно, что, когда весной 1919 г. «добровольческие корпуса» встретились с фашистской партией и Гитлером, они приняли его программу и, вступая в ряды нацистов, составили поначалу ядро фашистского движения.

В начале 1919 г. под руководством генералов Людендорфа и фон дер Гольца был создан реваншистский «Национальный союз германских офицеров», который провозгласил своей ближайшей целью установление в стране монархической диктатуры. В состав союза впоследствии вошли такие организации, как «Стальной шлем», «Фронт национального единства», «Союз национальных солдат». Позже «Стальной шлем» превратился в самостоятельную организацию фашистского типа. Главной ее целью являлась «борьба против коммунизма».

Другой крупной организацией кайзеровских офицеров стал созданный в конце 1918 г. под руководством Гинденбурга так называемый «Германский офицерский союз». Он объединял до 100 тыс. человек. «Восстановление могущественной Германии» и подготовка реванша были его главной заботой. Имелись также провинциальные «Вюртембергский союз офицеров», «Саксонский союз офицеров» и т. д. Офицерские союзы стали оплотом германского милитаризма, эффективной формой политической, сословно-кастовой организации офицерства для борьбы с революцией.

Значительную часть рядового состава кайзеровской армии сразу же после войны милитаристы объединяли солдатскими союзами. Их численность непрерывно увеличивалась. Солдатские союзы имели оружие, свою форму и эмблемы. Весной 1919 г. вновь появились «союзы воинов», существовавшие еще в 70-х годах XIX столетия. Привлекая в «солдатские союзы» бывших военнослужащих обещаниями содействовать в получении пенсий и различной помощи, милитаристы смогли в 1919 г. довести их численность до 1,7 млн. человек. В конце 1927 г. их насчитывалось уже до 2 млн. человек.

«Добровольческие соединения» создавались в провинциях, главным образом на основе войсковых частей, под руководством генералов и офицеров старой армии. Так, в Баварии появилось свыше десяти «добровольческих корпусов». Наиболее крупным из них счи-

¹ M a e r k e r. Vom Kaiserheer zur Reichswehr. Leipzig, 1921, S. 64.

тался корпус «Оберланд», возглавляемый генералом Эппом, объединявший несколько десятков тысяч человек. Эпп провозглашал необходимость установления старых монархических порядков. Из состава «Оберланда» выделялись отдельные части для подавления народного движения в различных районах Баварии и за ее пределами. «Добровольческие соединения» формировались и в городах. Особо активной была «организация Гинденбурга» в Ганновере, объединявшая все милитаристские союзы города, имевшая свой мобилизационный план¹.

К «добровольческим корпусам» примыкали студенческие организации, спортивные союзы и так называемые отряды гражданской самообороны — эйнвонерверы. Последние приближались к организации типа ополчения. Их создавали в городах и деревнях реакционно настроенные бывшие военнослужащие, мелкие буржуа, торговцы, зажиточные крестьяне и пр.

Политическая цель отрядов видна, например, из текста устава баварских «эйнвонерверов». Основной пункт устава гласил, что члены отрядов должны «всеми силами препятствовать свержению существующего правового порядка». Главная задача — борьба с революционным движением. В начале 1919 г. в «эйнвонерверах» насчитывалось до 500 тыс. человек. Наиболее многочисленные и сильные баварские отряды объединял бывший кайзеровский офицер доктор Эшерих. В мае 1920 г. «организация Эшериха» (сокращенно «Оргеш») стала общегерманским контрреволюционным военным союзом со штабом в Мюнхене. «Оргеш» воспитывал своих членов в духе крайнего национализма. Он имел много точек соприкосновения с зарождающейся фашистской партией. В 1920 г. организация стала настолько многочисленной, что могла развернуть до 20 дивизий. По численности она далеко превосходила официально существовавший рейхсвер. «Оргеш» имел четкие организационные формы. Его штабы разрабатывали мобилизационные планы и тактику боев. В 1921 г. эта реакционная организация распалась. Однако «Оргеш» сделал очень много для собирания, организации и подготовки военных сил по всей Германии. Его воинствующий национализм носил открыто фашистский характер.

Аналогичными были и такие военные организации фашистского типа, как прусский «Союз праведных», выступавший под девизом «С богом, за короля и отечество», саксонские «Братья из камня», «Серебряный щит» и другие. Среди всех этих крайне правых союзов наиболее разбойничий характер носила «организация Эрхардта», в состав которой входили только фронтовые офицеры. Целью ее провозглашалось физическое истребление прогрессивных деятелей Германии. Организация имела специальные боевые группы, которые совершали политические убийства, нападали на рабочие организации и собрания, громили демократические клубы, редакции газет

¹ Weißbuch über die Schwarze Reichswehr. Berlin, 1925, S. 21.

и т. д. Банды Эрхардта считали своим призванием изолировать трудящихся от прогрессивных организаций при помощи террора.

И наконец, в Германии поднималась еще одна военная сила: фашистские штурмовые отряды СА и СС.

«Добровольческие корпуса», отряды, союзы, группы и формирования получали широкую финансовую и моральную поддержку монополистов, предпринимателей, помещиков, зарубежной реакции. «Немецкая национальная народная партия», состоявшая из представителей монополистического капитала и юнкеров, щедро финансировала вооруженные банды. Американские империалисты в этой игре тоже имели немалую ставку. Одна американская военная миссия, находившаяся в 1919 г. в Прибалтике, дала понять немецким генералам о своем намерении помогать им. Руководитель миссии подполковник Грин писал в апреле своему правительству: «Так как Германия держит войска готовыми для борьбы с большевиками, то самым важным является, чтобы Германии были предоставлены соответствующие возможности для снабжения этих войск».

В начале 1919 г. реакция перешла в наступление. К Берлину были подтянуты «добровольческие корпуса» и регулярные части. Под руководством Носке они в упорных, длительных боях сломили героическое сопротивление рабочих. В Берлине погибло более 300 трудящихся. Злодейское убийство К. Либкнехта и Р. Люксембург увенчало преступления контрреволюции в столице. По всей стране свирепствовал белый террор. Милитаристские банды бесчинствовали в Рурской области, в Средней и Южной Германии. Когда в марте на улицах Берлина снова выступили революционеры, над ними была учинена жестокая расправа. Было убито более 1000 рабочих.

В ходе подавления революции окончательно сложилось полное единство и четкое взаимодействие милитаризма и правой социал-демократии.

Для того чтобы скорее оформить создание официальной «новой» армии и еще сильнее связать контрреволюционный милитаризм с государством, заседавшее в Веймаре Национальное собрание 6 марта 1919 г. издало закон об образовании «временного рейхсвера» — вооруженных сил республики в рамках Версальского договора. Они должны были состоять из двадцати четырех бригад и комплектоваться добровольцами. Немедленно ряд «добровольческих корпусов» был переведен в рейхсвер. Корпус Меркера превратился в 16-ю бригаду рейхсвера, корпус полковника Рейнгардта — в 15-ю, корпус генерала фон Гюльсена — в 3-ю, баварский стрелковый корпус полковника Эппа — в 21-ю бригаду.

Следовательно, фундамент «новой» армии образовали контрреволюционные банды. У руля правления этой армии оставались старые кайзеровские генералы, монархисты и реакционеры с головами до пят. Один из них — командующий 1-й группой войск (Берлин) Лютвиц — потребовал у Носке «участия войск в строительстве государства, причем не только в военных вопросах, но и в принятии всех

основополагающих государственно-политических решений»¹. Меркер, монархист и реакционер, говорил о Лютвице: «Его сиятельство фон Лютвиц является старопрусским офицером старой закваски... роялистски мыслящий дворянин... Он глубоко и ярко противопоставляет себя новому времени». И эти люди теперь рвались к кормилу власти.

Так выглядели воинственные представители вильгельмовской реакции в создаваемой республике, где, по откровенной оценке лидеров правой социал-демократии, «социализм маршировал». «Военный закон» от 6 марта указывал, что офицеры рейхсвера должны набираться из числа тех, кто «во время войны служил с отличием и проявил себя в добровольных частях, включаемых в рейхсвер». Активность в борьбе с революцией была наилучшей аттестацией для офицера «новой» армии.

Милитаризм окреп, он снова возвращал свои позиции, неуклюже пытаясь рядиться в республиканские одежды. Характерный разговор приводит Шюддекопф в своей книге «Армия и республика»: «Когда один социал-демократический лидер высказал высокопоставленному офицеру сожаление по поводу частой смены офицеров на высших командных постах, тот ответил: «Вы ошибаетесь! Не наступает вообще никакой смены. Постоянно появляется все тот же самый». Да, действительно, появлялись все те же самые генералы, верховный глава которых Гинденбург хвалился, что для него «война так же хороша, как курортное лечение». Они стали чувствовать себя в республике почти так же, как в монархии. Командир одного из «добровольческих корпусов» Франке писал в 1921 г.: «Мы действительно стали государством в государстве... Замкнутой в себе серо-полевой массой однородного духа, опять, как в мирное время, целиком полной послушания, дисциплины, порядка, прусского чувства долга... Механизм снова функционирует целиком и полностью, до последнего колесика... Мы вернулись ко всем признакам прусского милитаризма».

Германский милитаризм, выпестованный второй империей, ни в чем не изменился, когда перешел в Веймарскую республику. Он сменил лишь вывеску.

III

Курс, принятый правосоциалистическими лидерами, натолкнул на растущее сопротивление демократических сил, которое выражалось главным образом в антимилитаристских массовых выступлениях трудящихся. Ими руководила Компартия Германии — революционная партия немецкого пролетариата.

На своем учредительном съезде, закончившемся 1 января 1919 г., КПГ приняла марксистскую программу, провозгласившую целью

¹ Г. Ферстер и др. Указ. соч., стр. 205.

победу социалистической революции и установление диктатуры пролетариата. «Историческое значение создания КППГ, — говорится в тезисах ЦК СЕПГ о Ноябрьской революции, — состоит в том, что в немецком рабочем движении произошел полный разрыв с оппортунизмом и тем самым был заложен фундамент для создания марксистско-ленинской боевой партии немецкого пролетариата»¹. Партия выступала как носительница традиций антимилитаристской борьбы рабочего класса Германии. Она уже в те дни неоднократно предостерегала от иллюзии, будто милитаризм можно контролировать, укротить или заставить служить демократическим идеалам. Понадобилось всего лишь около года, чтобы предостережения Коммунистической партии на этот счет подтвердились целиком и полностью. Милитаристы предъявили коалиционному правительству свой счет.

Стремление свергнуть республику и установить военную диктатуру владело умами военщины еще с конца 1918 г. Но если более осторожные из высших руководителей армии (Гренер, Шлейхер, Сект и другие) считали переворот несвоевременным, то крайние монархисты и контрреволюционеры Людендорф, Лютвиц, генеральный директор сельского хозяйства Капп, руководители «добровольческих корпусов» и другие не собирались выжидать.

13 марта 1920 г. начался путч, направленный против республики. Ночью бригада Эрхардта вступила в Берлин, неся черно-белокрасные флаги, знаки свастики на стальных шлемах. Она шла, чтобы свергнуть республику и поставить у власти военное «правительство действия» во главе с Каппом. Гарнизон Берлина поддерживал путч. Генерал Сект, исполнявший обязанности начальника генерального штаба, заявил: «Войска не будут стрелять в войска». Правительство бежало. Только решительная генеральная забастовка рабочего класса, единодушно выступившего на защиту республики, спасла ее в тот день. Очень скоро с правительством военных заговорщиков было покончено.

Антикоммунизм был главным лозунгом в программе действий немецкого милитаризма. Предложения лидеров Коммунистической партии социал-демократам создать единый антимилитаристский фронт встречали отказ. Правительство Эберта способствовало усилению процесса милитаризации Германии, который мог вести только к новой катастрофе. За спиной милитаристов стояли влиятельные круги монополистического капитала, заинтересованные в укреплении рейхсвера и в неограниченном вооружении.

Одновременно с формированием легального рейхсвера германская реакция создавала так называемый «Черный рейхсвер» — различные нелегальные воинские части, примыкавшие к рейхсверу и руководимые им. Они были преемниками распущенных вскоре реакционных милитаристских организаций, союзов и «добровольческих корпусов». «Черный рейхсвер» служил резервом правительства и

¹ «Вопросы истории», 1958, № 11, стр. 15.

крупной буржуазии в борьбе с рабочим движением, масштабы которого возрастали настолько, что лидеры реакции начинали сомневаться в способности рейхсвера справиться с ним. Другим не менее важным назначением «черных формирований» была подготовка скрытых кадров для будущей массовой армии. В «Черном рейхсвере» были заинтересованы милитаристы, монополии, юнкера. Всех их объединяло стремление руками «Черного рейхсвера» нанести удар рабочему движению, главным образом КПГ. В этом никто не сомневался¹.

В сентябре — октябре 1923 г. политическое положение обострилось. Единственным выходом представлялся захват политической власти рабочим классом.

«Черный рейхсвер», милитаристы и буржуазные правые партии держали курс на военную диктатуру. Президент Эберт объявил чрезвычайное положение. Исполнительная власть перешла в руки рейхсвера, а его главнокомандующий наметил планы установления диктатуры. В меморандуме главкома говорилось: «Подавление всех планов, направленных против основ государства и против установленного государственного порядка, необходимо осуществлять путем применения силы, которой располагает государство... Необходимо решительно отвергнуть все марксистские теории и действия, в частности всяческие устремления к социализации... Профсоюзы ликвидируются и заменяются комиссиями профессий».

Гамбургские рабочие под руководством Эрнста Тельмана дали реакции решительный бой. Их вооруженное восстание, начатое 23 октября против превосходящих сил полиции и рейхсвера, было славной страницей в истории антимилитаристской борьбы. Свыше трех дней атаковали части «Черного рейхсвера» баррикады в рабочих кварталах и каждый раз откатывались назад. Эрнст Тельман дал блестящую оценку действиям своих боевых товарищей: «Они стреляли три дня и три ночи. Они наступали, они отступали, но они не сдавались. Они спасли честь коммунистической Германии. Они были заслуженными борцами немецкого рабочего класса». Но гамбургские рабочие оказались изолированными из-за предательства реформистских сил и в конечном итоге должны были прекратить свою успешно начатую борьбу.

Объявленное президентом чрезвычайное положение шло на пользу только милитаристским силам. Когда гамбургские революционеры взяли за оружие и боролись за социалистическую Германию, рейхсвер вступил в Саксонию и Тюрингию. Вопреки конституции, он сверг рабочие правительства. Организации КПГ были запрещены,

¹ Например, председатель совета министров Саксонии социал-демократ Цайгнер подтвердил это в письме, адресованном имперскому правительству: «Эти организации («Черного рейхсвера». — Д. П.) для обороны против внешнего врага вообще непригодны и для этого они вовсе и не созданы. Они созданы только для борьбы внутри, и здесь они означают огромную силу. У нас есть сведения о том, как члены этих организаций намерены себя вести в случае внутренних беспорядков».

началось их преследование. Реакция ликовала. Подавив революционное движение рабочих, рейхсвер стал решающей силой в государстве. Он упрочил политическое господство буржуазии.

IV

Германские милитаристы, воротилы финансового капитала и промышленных корпораций, земельные аристократы старались укрепить рейхсвер, чтобы как можно скорее превратить его в основу будущей армии реванша.

Вскоре после того как 28 июня 1919 г. в зеркальном зале Версальского дворца был подписан мирный договор между Антантой и Германией, генералы рейхсвера стали думать о подготовке новой войны, которая, по их расчетам, должна была стать только реваншистской войной. Бывший первый генерал-фельдмаршал гитлеровского рейха Бломберг, давая показания на Нюрнбергском процессе, говорил, что немецкий генералитет рассматривал реваншистскую войну как свою «священную обязанность... Это был один из главных поводов тайно осуществлявшегося перевооружения, которое началось примерно за десять лет до прихода к власти Гитлера»¹. Но ограничения Версальского мирного договора сузили свободу действий немецкого милитаризма. Именно в те годы он приступил к упорной, длительной, кропотливой работе, которая привела к воссозданию военной мощи Германии, к развертыванию из 100-тысячного рейхсвера многомиллионной армии Гитлера.

Официальная структура германского рейхсвера в начале 20-х годов представляла собой следующую картину. Во главе вооруженных сил стоял министр рейхсвера, подчинявшийся президенту. Министерство рейхсвера имело два управления: войсковое и морское. Вооруженные силы состояли из двух групп армий: 1-я (штаб в Берлине) имела 4 пехотные дивизии (№ 1—4) и 2 кавалерийские (№ 1, 2); 2-я (штаб в Касселе) — 3 пехотные дивизии (№ 5—7) и кавалерийскую (№ 3). Территория страны была разделена на семь округов, командующими которых являлись командиры пехотных дивизий, расположенных в каждом округе (дивизионные округа)². Всего рейхсвер официально насчитывал: пехотных дивизий — 7, кавалерийских дивизий — 3, пехотных полков — 27, пулеметных рот — 63, кавалерийских полков — 18, эскадронов — 97, артиллерийских полков — 7, саперных батальонов — 7 и т. д.³. От старого флота осталось 8 крейсеров.

Первый и, пожалуй, важнейший этап воссоздания военной системы Германии связан с деятельностью генерала Секта, назначенного 5 июля 1920 г. начальником управления сухопутных войск (фактически это была замаскированная должность начальника генерального штаба).

¹ IMG Bd. XXXII, S. 464

² F. Stuhlmann. *Op cit.* S. 75—80.

³ *Ibidem*, S. 79.

Пятидесятидвухлетний генерал Сект выдвинулся в первую мировую войну как хорошо подготовленный генштабист. Он был фигурой, чрезвычайно подходящей правящей верхушке в политической ситуации начала 20-х годов. Консерватор в своих общественных взглядах, он вместе с тем был лишен солдафонской прямолинейности предшественника — генерала Рейнгардта, умел лучше многих своих коллег применяться к обстановке. Секта выдвинуло «демократическое правительство» как выходца не из Пруссии, этого «монархического гнезда», а из Силезии; он не был «прусским юнкером и лейтенантом», как Гренер или Рейнгардт, а слыл «человеком широких взглядов» и, по выражению его биографа Рабенау, «легитимным монархистом». До нового назначения Сект занимал посты начальника штаба группы армий «Север» (11 января — 18 марта 1919 г.), «комиссара военного министерства» в составе немецкой мирной делегации (21 марта — 28 мая 1919 г.), а с 1 октября 1919 г. до 5 июля 1920 г. исполнял обязанности начальника войскового управления нового министерства рейхсвера.

Переворужение осуществлялось под лозунгом, выдвинутым Сектом: «Нам нужно снова стать сильными, а как только мы вернем себе силу, то мы, конечно, вернем себе все, что мы потеряли»¹. Для того чтобы достигнуть цели, руководство рейхсвера поставило перед собой две главные задачи: во-первых, сделать все возможное для создания ничем не ограниченной, не связанной никакими парламентскими формами военной диктатуры, обеспечить подавление и лишение прав рабочего класса; во-вторых, тайно восстановить вооруженные силы в обход существующих ограничений и заблаговременно создать инструмент реваншистской агрессивной войны. Увеличение численности рейхсвера, конструирование, испытание и развитие запрещенных видов вооружения, подготовка ряда отраслей промышленности к военному производству — все это входило во вторую задачу. Создание министерства рейхсвера 1 октября 1919 г. и управления сухопутных войск позволило милитаристам вновь обрести свой собственный организационный центр, который мог возглавить всю работу².

После разгрома путча Каппа правые социал-демократы назначили министром рейхсвера бывшего министра строительства, в прошлом обербургомистра Нюрнберга, Отто Гесслера, который в последние несколько лет тесно сотрудничал с Сектом. Под руководством Секта управление сухопутных войск превратилось в тайный генеральный штаб. Восстановив этот мозговой центр, новый начальник управления оказал неоценимую услугу германскому милитаризму. Более того, Сект возглавил на ранних этапах всю обширную

¹ G. Hallgarten. Hitler, Reichswehr und Industrie. Frankfurt/M., 1955, S. 83.

² Министерство рейхсвера заняло помещения в Берлине на Бендлерштрассе, 13—14. С тех пор название этой улицы стало синонимом военного центра германских милитаристов.

работу по тайному перевооружению Германии и созданию вооруженных сил. Он и его сотрудники выработали особые приемы строительства армии в условиях формальных ограничений, позволившие при попустительстве и поддержке вчерашних победителей создать армию реванша и агрессии. Понятно, что на протяжении всей истории третьего рейха германские военные считали семилетний период деятельности Секта особой «эрой» на пути развития армии.

С точки зрения политической Сект и его сподвижники ни в какой мере не отличались от тех «закоренелых монархистов» из Пруссии, которых якобы желали устранить стоявшие у власти правые социал-демократы. Сект яро ненавидел республику даже в ее крайнем ограниченном веймарском варианте и, по существу, «был монархистом не меньшим, чем сами Гогенцоллерны»¹. Он, как и другие, лишь временно смирился с обстановкой, понимая, что монархию пока вернуть нельзя. Но с республикой он, по собственному выражению, «сотрудничал с отвращением в сердце и с проклятием на языке». Парламент он считал «раковой язвой времени»². Однако, сотрудничая с республикой, Сект старался не идти на авантюры, к которым были так склонны многие его соратники. На одном из заседаний рейхскабинета в 1922 г. Сект заявил: «Господа, в Германии никто не может устроить путча, кроме меня. Но я разъясняю вам, что я его не предприму»³.

Политическим идеалом Секта была военная диктатура фашистского типа. Он готовил армию для служения именно такой диктатуре, в приходе которой не сомневался. В рамках республики он стремился всячески удержать, отгородить армию от надвигавшейся гражданской войны, отделить ее стеной от политики «демократов», замкнуть в самой себе и в конечном счете сделать армию «государством в государстве». «То, что мы хотим, — это благо отечества. Армия — краеугольный камень и фундамент будущего развития»⁴, — писал Сект в конце 1919 г.

Требуя от правительства средств для армии, он старался не допускать никакого парламентского или правительственного контроля за их расходованием. «Рейхсвер стоит за мной», — говорил зимой 1923/24 г. этот фактический главнокомандующий рейхсвером. Шюддекопф пишет: «С военной точки зрения это означало: военная элита, с политической — государство в государстве».

«Аполитичность» Секта была для германских милитаристов лучшей политикой. Не существовало в тех условиях для военщины лучшего идеологического прикрытия, чем линия «государство в государстве», чем «аполитические» установки Секта и его сподручных.

Вожди германского милитаризма в Веймарской республике, отрывая солдат от внутривнутриполитической жизни, превращая их в «авто-

¹ Rabenau. Seekt. Aus seinem Leben 1918—1936. Leipzig, 1940, S. 187.

² Ibidem, S. 122.

³ Ibidem, S. 341—342.

⁴ O. E. Schüddekopf. Op. cit. S. 122.

номную сферу в государстве»¹, готовили армию к механическому восприятию будущей диктатуры, ее политики, ее идеологии.

Когда Сект занял пост начальника войскового управления министерства рейхсвера, он направил усилия прежде всего на восстановление в Германии авторитета армии, поколебленного военным поражением. Именно в эти годы усиленно культивировался лозунг об «ударе пожом в спину», означавший, что в капитуляции Германии виновна не германская армия, не германская военная теория и не традиции германского милитаризма, а «предатели», засевшие в тылу.

«Армия осталась непобежденной в бою» — эти слова, сказанные Эбертом в декабре 1919 г. при вступлении войсковых частей и фрейкоровцев в Берлин, стали исходным лозунгом реваншистской пропаганды, которую развернули милитаристы и националисты в 20-е годы. Ее важнейшую часть составляло насаждение прусско-милитаристских «военных традиций».

Эту область воспитания армии возглавили наиболее реакционные элементы германского милитаризма, что наложило неизгладимый отпечаток на все сферы «идеологической» работы в рейхсвере.

Прежде всего руководители рейхсвера обратились к истории войн Пруссии — Германии. Характерный для немецкой военщины взгляд на историю нашел наиболее полное воплощение в формуле Секта: «Мировая история во внешнем своем проявлении всегда, по существу, была военной историей»². Подтверждая, таким образом, давний тезис немецкой реакционной философии о решающей роли войны в общественной жизни, он приходил к выводу: основой строительства армии должны быть «крепкие» военные традиции. Героизм любой эпохи, заявлял Сект, важен для современников, но «если прежде славилась отдельные люди, то в эпоху постоянных армий славятся воинские подразделения, которые участвовали в подвигах, знамена, знаки отличия, имена...»³.

И вот уже в начале 20-х годов по всей Германии возникают один за другим так называемые традиционные союзы во главе с бывшими офицерами и генералами кайзеровской армии. Объединенные в общегерманский солдатский союз «Кифхойзербунд», они устраивают массовые митинги по любому поводу, связанному с минувшей войной, будь то годовщина сражения или открытие памятника погибшим в какой-нибудь деревне. Отряды ведут широкую работу среди бывших военных и главное — занимаются пропагандой реваншистских взглядов. На тысячах сборищ союзов уже тогда звучали требования не соглашаться с поражением 1918 г., готовить реванш; нередко раздавались призывы к диктатуре, слова преданности кайзеру. Бывшие офицеры генерального штаба объединились в «общество Шлиффена», а морские офицеры — в «Скагеррацкое общество».

Массовая организация фронтовиков «Стальной шлем», основанная в 1919 г., очень скоро превратилась в главный заповедник реак-

¹ Цит. по Rabenau. Op. cit. S. 468.

² O. E. Schüddekopf. Op. cit. S. 71.

³ Ibidem, S. 59—60.

ционной военщины, источник реваншистской пропаганды и антиреспубликанских выступлений. В рамках «Стального шлема», почетным председателем которого был сам президент фельдмаршал Гинденбург, объединились наиболее реакционные элементы германского милитаризма.

Среди других военных организаций, призванных сохранять «традиции», наибольшей известностью пользовались «Младогерманский орден», выступавший под лозунгами антикоммунизма, реванша, возвращения германских колоний; «Национальный союз немецких офицеров», провозглашавший «создание обороноспособной и могущественной великой Германии»; «Германский офицерский союз», союз «Викинг» и ряд других. Прав В. Мюллер, когда пишет, что силы, действовавшие во всех союзах, «по существу, не отличались от элементов, создавших нацистскую партию»¹.

Все делалось так, чтобы в новой, послевоенной обстановке, насыщенной революционными грозами, сохранялись все атрибуты германского милитаризма. Улицы Берлина, как и в былые времена, стали оглашаться бравурными маршами. Под Бранденбургскими воротами шли моряки в «День сражения у Скагеррака», по улицам Дрездена гарцевали эскадроны в «День кавалерии», шла прусским шагом пехота в «День Лейтена» и в «День Танненберга». Как и прежде, парады открывали роты знаменосцев. Лес флагов символизировал «победы германского оружия».

Такими путями в армии сохранились старые традиции милитаризма, чуждые действительным историческим требованиям жизни Германии.

V

Создатели рейхсвера рассматривали 100-тысячную армию как временное явление, как форму, в рамках которой можно скрытно, в обход версальских условий, готовить массовые вооруженные силы. Подчинив этой задаче всю свою работу, верхушка рейхсвера вместе с тем смогла занять важнейшее место в системе правительственного аппарата и решающим образом влиять на государственные дела. Ее положение ничем не отличалось от генерального штаба кайзеровских времен. Все руководство армией Веймарской республики находилось в руках начальника управления сухопутных войск, скрытно выполнявшего функции начальника генерального штаба. Его авторитет стоял намного выше министра рейхсвера — гражданского лица, служившего главным образом для «демократического представительства».

Управление сухопутных войск занималось вопросами разработки военной доктрины, стратегическим планированием, разведкой, созданием уставов и наставлений, руководило боевой подготовкой, в

¹ Мюллер Винценд. Я нашел подлинную родину. Записки немецкого генерала. Перевод с немецкого. М., изд-во «Прогресс», 1964, стр. 155.

частности обучением офицеров генерального штаба. Центральным отделом управления считался так называемый войсковой отдел (труппенамт), включавший четыре подотдела: Т-1 (оперативный), Т-2 (организационный), Т-3 (разведывательный), Т-4 (подготовка войск). Кроме основного отдела существовало еще четыре отдела, ведавшие кадрами, инспекцией войск, вооружением и хозяйственными вопросами. Генерал Эрфурт, занимавший с 1910 по 1945 г. различные посты в генеральном штабе, писал по этому поводу: «Войсковое управление, первым начальником которого был Сект, по его замыслу должно было стать носителем традиций большого генштаба; это управление очень быстро приобрело традиции школы единого оперативного мышления»¹. Внутри труппенамта создавались особые группы — первичные ячейки будущих органов руководства запрещенными Версальским договором родами войск. Так, под руководством капитана Вильберга в подотделе Т-2 возникла группа, которая руководила строго секретными мероприятиями по развитию военно-воздушных сил. В ней работал, в частности, будущий гитлеровский фельдмаршал, тогда майор, Кессельринг².

В состав управления сухопутных войск была отобрана «элита» генштабистов первой мировой войны. Среди них — подполковник Штюльпнагель, генералы Хассе, Геие, полковник Ветцель, майор Шлейхер и другие. Отбор производился не только по профессиональным качествам, но в первую очередь — по политическим. Что это значило, видно хотя бы из письма генерала Гренера к Носке 24 августа 1919 г.: «Не будет слишком много сказано, что если нас до настоящего времени не коснулся большевизм, то это заслуга офицеров генерального штаба»³. И поскольку «самые ценные» кадры немецкого милитаризма были спасены и устроены в руководящем военном аппарате Веймарской республики, постольку немецкая монополистическая буржуазия получила «надежный» военный орган как для целей внутрисполитических, так и для подготовки новых агрессивных войн.

Структура рейхсвера к началу 1924 г. уже полностью установилась⁴. Она была продумана таким образом, чтобы в будущем без особой организационной ломки можно было развернуть на имеющейся базе массовые вооруженные силы. За основу организации принималась кайзеровская армия по ее состоянию на 1 августа 1914 г. Командование рейхсвера создало две группы армий и семь округов, каждый из которых включал пехотную дивизию. Дивизия условно соответствовала старому округу, полк — армейскому корпусу, батальон — прежней дивизии, рота — полку. Количество пехотных полков рейхсвера полностью соответствовало довоенному числу армейских корпусов. Полки располагались, за малым исключением,

¹ W. Erfurth. Die Geschichte des deutschen Generalstabes. Göttingen, 1957, S. 123.

² W. Görlitz. Der deutsche Generalstab. Frankfurt/M., 1953, S. 197.

³ Groener-Geuer. General Groener. Frankfurt/M., 1955, S. 387.

⁴ O. E. Schüddekopf. Op. cit. S. 196.

в тех же пунктах, что и старые корпуса. «Маленькая» 100-тысячная армия имела уже в 1925 г. необычайно многочисленный командный состав: 32 генерала пехоты, кавалерии и артиллерии, 49 генерал-лейтенантов, 162 генерал-майора, 175 полковников, 170 подполковников, 680 майоров, 1044 капитана и т. д. Право, предоставленное Версальским договором иметь 4 тыс. офицеров, использовалось так, чтобы в их числе оставались только наиболее квалифицированные кадры. Командиров подразделений можно было всегда подготавливать в скрытно функционировавших военных школах.

Для пополнения офицерами генерального штаба каждая пехотная дивизия имела их по 25 человек (в старой армии — 2), каждая бригада — по 4, каждая из групп армий — по 30. Всего в 1925 г. в армии служили 291 офицер генерального штаба — почти столько же, сколько насчитывал кайзеровский большой генеральный штаб в 1914 г.¹ Рейхсвер периодически неофициально призывал молодежь для прохождения в различных гарнизонах 4—6-недельного курса военного обучения. Для подготовки войск широко использовались старые, существовавшие с 1890 г., а после войны дооборудованные учебные поля и полигоны в Куммерсдорфе, Ютербоге, Цоссене, Ордруфе, Клаусдорфе и другие — всего 14 учебных полей².

Подчинявшиеся министру рейхсвера начальники управлений сухопутных войск и военно-морских сил фактически являлись главнокомандующими армией и флотом. В управлении сухопутных войск в обстановке полной секретности разрабатывался план мобилизационного развертывания. Для проведения нелегальной военной работы на местах, и в частности для учета военнослужащих, сохранялись окружные комиссариаты. Каждый солдат рейхсвера готовился таким образом, чтобы мог выполнять функции командира отделения или командира взвода, а унтер-офицеры — командиров взводов и рот³.

Чтобы подчинить рейхсвер фашистскому влиянию, Гесслер способствовал созданию в 1926 г. специального военно-политического отдела, подчиненного непосредственно ему, министру. Отдел возглавил будущий сподручный Гитлера Шлейхер.

Штабы войсковых соединений и округов получили двойную организацию: помимо основного штаба существовал еще и неофициальный штаб — для подготовки дублирующих кадров. Оба штаба параллельно занимались боевой подготовкой. В округах нелегально развернулась переподготовка строевых офицеров, которая велась в соответствии с новыми требованиями военного дела.

Ввиду сравнительной малочисленности вооруженных сил отбор кандидатов на штатные офицерские должности отличался особой тщательностью, что позволяло комплектовать войска наиболее «надежными», т. е. архиреакционными по своим взглядам, фанатично

¹ В 1914 г. большой генеральный штаб имел 296 офицеров.

² F. Stuhlmann. Op. cit. S. 163.

³ В рейхсвере насчитывалось около 40 тыс. унтер-офицеров, которые готовились к замещению должностей командиров взводов и рот.

преданными милитаризму и вместе с тем хорошо подготовленными в военном отношении офицерами генерального штаба. В начале 20-х годов на различных должностях служили почти все будущие высшие командиры гитлеровской армии. Будущий генерал-фельдмаршал Браухич в 1920—1925 гг. в чине майора занимал должность в отделе боевой подготовки министерства рейхсвера. Подполковник Бок, будущий командующий группой армий, в 1928 г. служил начальником штаба 3-й пехотной дивизии, будущий командующий танковой армией и группой армий Клейст в чине майора — начальником штаба 2-й кавалерийской дивизии. Гитлеровские фельдмаршалы Лееб и Кейтель начали службу в рейхсвере, первый начальником штаба 2-й пехотной дивизии, второй — командиром 7-й батареи 6-го артиллерийского полка. Рунштедт в 1923 г. в звании полковника служил начальником штаба 3-й кавалерийской дивизии, Манштейн был капитаном в 5-м пехотном полку. Кессельринг с 1925 г. работал в административно-хозяйственном управлении рейхсвера, Лист командовал в 1923 г. 3-м егерским батальоном и т. д. В офицерском корпусе рейхсвера были широко представлены выходцы из старинных прусских аристократических семей, родоначальников прусской военной касты. В рейхсвере одновременно служили шесть Шверингов — потомков старинной «военной» фамилии, пять Штюльпнагелей, четыре Клейста, три Витцлебена, два Мантейфеля и т. д.¹

Создание аппарата руководства и сохранение опытных кадров позволило министру рейхсвера, с полного одобрения правительства, развернуть военную подготовку населения. Военные союзы, несмотря на их формальное запрещение в 1921 г., продолжали существовать в скрытой форме, готовя рядовой состав будущей массовой армии. По самым скромным подсчетам, Германия уже в 1926 г. могла выставить свыше 3 млн. солдат, в том числе более 2 млн. из старой кайзеровской армии и 96 тыс. из рейхсвера. Резерв составляли миллионы членов различных милитаристских организаций.

Рейхсвер постепенно завоевывал важные политические позиции в государстве. Его представители находились всюду: в министерствах, управлениях, на предприятиях, в торговых, спортивных, профсоюзных и культурных организациях. Они влетались в ткань государственного организма, распространяя милитаристский дух. Рейхсвер становился, как того и желали милитаристы, «государством в государстве». Без участия его руководителей все реже принимались важные политические решения. Представители рейхсвера влияли на внешнюю политику, на составление бюджета государства, на развитие экономики, на деятельность политических партий, на выборы президента, на различные перемещения в правительстве и т. п.

В середине 20-х годов среди руководящих военных органов первостепенную роль стал играть военно-политический отдел министер-

¹ W. Görlitz. Op. cit. S. 370.

ства рейхсвера, возглавляемый подполковником Шлейхером. Оставаясь в тени, Шлейхер фактически дирижировал многими важными политическими делами в стране. Он в немалой степени путем различных закулисных сделок содействовал принятию рейхстагом в 1924 г. плана Дауэса. При активнейшем участии Шлейхера был заключен в 1925 г. антисоветский Локарнский пакт. Поддерживая тесную связь с промышленниками, имперским сельскохозяйственным союзом, с руководителями «Стального шлема», «Младогерманского ордена» и т. д., он обеспечивал влияние военных кругов на экономику страны. Когда в феврале 1925 г. умер Эберт, поддержка Шлейхером кандидатуры Гинденбурга сыграла важную роль при выборах нового президента, причем Шлейхер помогал избранию «старого господина» вопреки своему начальнику Секту, который также добивался поста президента. С избранием Гинденбурга рейхсвер и правые силы в стране получили «надежную опору».

Шлейхер выступал как военный политик. Лавируя и приспосабливаясь к республиканским порядкам, он сумел еще больше усилить политические позиции германского милитаризма в трудной для него обстановке, когда приходилось считаться с буржуазным парламентаризмом.

После отставки в 1928 г. министра рейхсвера Гесслера на его место пришел генерал Гренер. В его назначении немаловажную роль сыграл все тот же Шлейхер, поддерживавший с Гренером дружеские отношения еще со времен войны.

Теперь Шлейхер получил возможность осуществить свой давний план: создать в министерстве рейхсвера «управление министерства», состоящее из политического, контрразведывательного, юридического отделов и отдела кадров. Возглавив в марте 1929 г. это управление, Шлейхер, теперь уже генерал, а через него верхушка армии стали в еще большей мере влиять на различные сферы деятельности государства, прежде всего на его экономику и политику.

Они стали настойчиво требовать быстрого увеличения армии. Так, в записке министерства рейхсвера от 6 ноября 1926 г. прямо ставился вопрос о необходимости отмены статей Версальского договора, касающихся ограничения воинской обязанности¹. Гренер в меморандуме «О военно-политическом положении германского рейха в конце 1928 г.», нарочито преуменьшая военные силы Германии, официально требовал усиления вооружений. «Если наши границы действительно прочны, то они стали такими благодаря тому, что

¹ В записке говорилось: «12-летняя служба при наличии лишь 4000 офицеров на 96 000 рядовых не допускает полного развития содержащихся в ней возможностей. Следовательно, если мы в настоящее время даже мирились с такими условиями, то нам нужно постоянно стремиться к тому, чтобы позже устранить основы этого невозможного закона о воинской обязанности путем снижения срока службы, увеличения офицерского корпуса, наконец, путем устанавления военной системы, более соответствующей немецкому характеру».

государство снова приступило к развитию своей мощи, прежде всего вермахта... Страна, располагающая сильной бомбардировочной авиацией, в случае войны не задумываясь нападет своими бомбардировщиками на экономические и военные центры государства, которое не имеет ВВС... И если мы не хотим, чтобы боеспособные державы бесперомонно обходили наши многосторонние интересы, которые везде распространяются за **пределами границ** (подчеркнуто нами. — Д. П.), мы должны создать возможность защищать свои интересы силой»¹. Этот недвусмысленный и открытый призыв к неограниченным вооружениям в целях агрессии лишь в незначительной степени отражал ту обширную работу по тайной подготовке вооруженных сил реванша, которую настойчиво вели германские милитаристы.

Ремилитаризация Германии была бы абсолютно невозможна без активного участия монополистического капитала и без его союза с военщиной. Международный империализм стремился в годы временной, частичной стабилизации капитализма превратить Германию в военный кулак, направленный на Советский Союз. И с этой целью он интенсивно восстанавливал германский военно-промышленный потенциал.

После первой мировой войны союзные войска не оккупировали Германию. Ее территория не подверглась разорению подобно странам, которые топтал кайзеровский военный сапог. Промышленные районы, представлявшие собой арсенал германского милитаризма, оставались нетронутыми. Преобладающее влияние в государстве по-прежнему имели финансовые магнаты и владыки Рура, оставленные Веймарской республикой на вершинах экономического господства. Возродился и получил новый смысл старый блок промышленной олигархии, военщины и земельной аристократии, направлявший экономику и политику страны. Этот блок быстро восстановил свои международные связи. После принятия плана Дауэса американские и английские займы широким потоком хлынули в германскую экономику. По данным государственного, общественного деятеля и историка ГДР А. Нордена, за период 1924—1930 гг. общие вложения в германскую промышленность достигали 63 млрд. марок, из них более 30 млрд. марок приходилось на займы, полученные главным образом от США².

Если в 1926 г. американские вложения в экономику Германии составили 4,1 млрд. марок, то в 1929 г. они достигли уже 11,7 млрд. Планы Дауэса и Юнга обеспечивали преобладающее влияние в германской экономике английских и американских монополий. Происходило все более тесное объединение промышленных концернов Германии, США и Англии. Широкие соглашения с американскими и английскими химическими компаниями заключил известный концерн «И. Г. Фарбениндустри». По договору, подписанному еще в

¹ О. Е. Schüddkopf. Op. cit. S. 253.

² А. Норден. Уроки германской истории. М., Изд-во иностранной литературы, 1948, стр. 75.

1926 г., мировой рынок пороха был поделен между «И. Г. Фарбениндустри», американским концерном Дюпона и английским «Империалкэмикл индастрис»¹.

Американский концерн «Стандарт ойл» владел почти 90 процентами всех капиталов «Германо-американской нефтяной компании». Большинство германских автомобильных заводов Оппеля стало принадлежать американскому «Дженерал моторс». Морган овладел значительной частью капиталов возрождавшихся германских авиационных заводов. Крупные капиталы германской «Всеобщей электрической компании» контролировались американскими и английскими фирмами. Банки Англии и США давали огромные кредиты для развития немецкой военной экономики. Так, лондонский банк Шредера в 1924—1928 гг. вложил в германскую промышленность около 24 млн. долларов. Пушечный король Крууп только в 1924 г. получил от двух нью-йоркских фирм на развертывание военного производства 10 млн. долларов. Английские займы, официально предоставленные в 1924—1928 гг. Германии, достигали суммы 187,5 млн. долларов, что составляло 11,5 процента общей суммы иностранных кредитов, полученных Германией за эти годы².

В 1928—1930 гг. поддержка германской военной экономики американскими, английскими и французскими капиталистами усиливается еще в большей степени³.

В 1928 г. «Стандарт ойл», вступивший в тесный контакт с «И. Г. Фарбениндустри», взял на себя обязательство поддерживать его интересы во всех странах. Все более усиливаются его связи с концерном Форда, «Национал-сити банком» и другими крупнейшими монополиями США. «И. Г. Фарбениндустри» в конце 20-х годов получал от своих заграничных филиалов прибыль до 250 млн. марок в год. Щедрая помощь из-за океана позволила концерну обеспечить быстрое развитие главных видов продукции химической промышленности. Из 43 производимых им основных продуктов 28 имели первостепенное значение для вооруженных сил⁴.

В конце 20-х годов в германской промышленности усилился процесс монополизации. Он развивался особенно быстро в областях, имеющих отношение к военной экономике. В чугунолитейной промышленности в 1929 г. три концерна производили 69 процентов всего чугуна, причем один из них — «Стальной трест», получивший американские долгосрочные займы, — 43 процента⁵. В сталелитейной промышленности из 49 заводов 7 крупнейших выпускали 80,5 про-

¹ А. Норден. Указ. соч., стр. 121.

² Л. В. Поздеева. Англия и ремилитаризация Германии 1933—1936 гг. Изд. АН СССР, 1956, стр. 55.

³ Подробнее об этом см. В. Д. Кульбакин. Очерки новейшей истории Германии. М., Соцэкгиз, 1962, стр. 214—221, 258—260.

⁴ Р. Сэсюли «И. Г. Фарбениндустри». М., Изд-во иностранной литературы, 1948, стр. 42.

⁵ А. Норден. Указ. соч., стр. 77.

цента всей стали¹. В таких условиях широко развернулось военное производство, носившее до поры до времени нелегальный характер.

Уже в 1927—1929 гг. заводы «Рейнметалл» во все возрастающих размерах стали выпускать пушки и пулеметы. Цейс расширял производство артиллерийских оптических приборов. «И. Г. Фарбениндустри» снабжал рейхсвер взрывчатыми веществами, смазочными маслами, синтетическим горючим. Многочисленные филиалы авиационных фирм Хейнкеля, Юнкерса и Дорнье, расположенные в Швеции, Испании, Дании, Швейцарии и других странах, изготавливали военные самолеты. Автомобильные и моторостроительные заводы переключали часть своих мощностей на выпуск бронев автомобилей, а позже и танков.

Своим обычным ремеслом занялся Крупп, подписавший выгодные картельные договоры с «Дженерал электрик» и с американской стальной корпорацией. Еще в 1926 г. пушечный король изготавливал под видом тракторов танки, правда в незначительном количестве. В 1941 г. он откровенно рассказывал про эти годы: «Если Германия... когда-нибудь захочет или сумеет сбросить с себя цепи Версаля, тогда Крупп должен быть готовым... Я хотел и должен был предприятие «Крупп» сохранить на будущее в замаскированном виде... Даже везде шнырявшие союзнические комиссии были обмануты; навесные замки, молочные бидоны, кассовые аппараты, машины по изготовлению кувшинов, мусорные автомашины и другой «мелкий хлам», который мы изготавливали, действительно не вызывал подозрений»². К 1929 г. фирма Круппа отказалась от производства непривычного для нее «мирного хлама» и вновь перешла на выпуск тяжелых пушек, танков, брони, пулеметов, авиабомб. Филиалы заводов Круппа изготавливали военную продукцию в Швейцарии, Австрии, Голландии и в некоторых других странах.

Заводы БМВ и «Даймлер-Бенц» непрерывно увеличивали выпуск автомобилей. В 1929 г. в Германии было продано 120 тыс. автомашин. Быстрая «автомобилизация» значительно облегчила впоследствии гитлеровцам создание моторизованных соединений вермахта.

Многочисленные факты неоспоримо доказывают, что к 1929 г. почти все основные промышленные предприятия Германии осуществляли массовое производство вооружения под руководством скрытого генерального штаба. Все это делалось при молчаливом согласии официальных властей Англии и США. В конце концов побежденная, «строго ограниченная» в области вооружений статьями Версальского договора, Германия в 1929 г. становится главным поставщиком оружия для многих стран Европы и Америки, в том числе и для некоторых стран-победительниц. Как сообщает американский исследователь Сэсюли, в 1929 г. 13 стран, включая Фран-

¹ J. W. Wheeler-Bennett, *Die Nemesis der Macht*, Düsseldorf, 1954, S. 164—165.

² *Ibidem*, S. 164—165.

цию, сообщили Лиге наций о том, что основное вооружение они получают от Германии¹.

К 1929 г. германский империализм полностью вернул утраченные в результате войны мировые экономические позиции. По ряду показателей промышленного производства он обогнал Англию. Так, в 1929 г. Англия выплавляла 9,8 млн. тонн стали и 7,7 млн. тонн чугуна, а Германия — соответственно 16 млн. и 13,2 млн. тонн и заняла второе место в мире. Германия быстро увеличила выработку электроэнергии, которая к 1928 г. более чем в 5 раз превосходила довоенный уровень. Автомобилестроение по сравнению с 1913 г. увеличилось в 7 раз, производство алюминия — в 32 раза. В 1929 г. экспорт германских товаров превзошел импорт и по своему объему занял третье место в капиталистическом мире после США и Англии. Дешевые германские товары успешно конкурировали на европейских и восточных рынках с английскими. В итоге к 30-м годам Германия вновь стала опаснейшим конкурентом Англии. В эти же годы все громче стали раздаваться голоса магнатов немецкой крупной промышленности о необходимости превращения Германии в колониальную империю, прежде всего за счет Англии, путем войны за новый передел мира.

Непрерывно увеличивался военный бюджет Германии. Если в 1924 г. он составлял 351 млн. 485 тыс. золотых марок, то два года спустя достиг 481 млн. 419 тыс. Это приближалось к половине военного бюджета 1913 г., когда Германия имела не стотысячную, а миллионную армию.

Возрождение экономической базы германского милитаризма создавало необходимые материальные предпосылки к развертыванию в недалеком будущем крупных, вполне современных вооруженных сил, способных стать инструментом «большой войны».

VI

Главное содержание всей деятельности руководителей германского милитаризма в 20-е годы составляли нелегальная подготовка развертывания массовых вооруженных сил, обучение кадров, постепенное перевооружение армии, флота, авиации.

В центре внимания министерства рейхсвера и тайного генерального штаба находились вопросы, связанные со скрытым развертыванием сухопутных сил.

Еще 13 января 1921 г. управление сухопутных войск разработало «Основные соображения по восстановлению вооруженных сил», в которых предусматривалось осуществить меры для быстрого увеличения рейхсвера с 7 пехотных дивизий до 14, а затем — до 21². В 1923 г. рассматривались планы доведения армии даже до 63 ди-

¹ Р. Сэсюли. Указ. соч., стр. 71.

² R a b e n a u. Op. cit. S. 475.

визий. Тогда, говорил Сект, армия сможет «активно вторгнуться в политическую калькуляцию»¹.

Центральной проблемой скрытой подготовки массовой армии была проблема создания для нее многочисленных резервов. У милитаристов имелись две возможности. Первая: ввести систему запасных и путем регулярного увольнения прошедших службу военн-обязанных накопить в необходимом количестве обученный резерв. Это был в условиях версальских ограничений наиболее сложный путь. Существовала и другая возможность: иметь рядом с легальными соединениями нелегальные. Здесь речь могла идти, во-первых, о «Черном рейхсвере», во-вторых, о многочисленных отрядах, союзах, бандах, которые с 1918 г. завоевывали все больший «авторитет» и были всегда готовы войти в подчинение рейхсвера. Наконец, существовал еще один способ накопления резервов — использовать официально разрешенные пограничные войска, под вывеской которых можно было держать значительную часть обученных кадров.

Руководители рейхсвера использовали, правда в различной степени, все три возможности. Что касается пограничных войск, то они стали ширмой для подготовки многочисленной армии прикрытия. С 1924 г. в каждом округе имелся офицер генерального штаба, ведавший вопросами усиления пограничных войск («грениц-шутц»). Эти войска увеличивали свою численность сверх всяких дозволенных норм, создавали тайные склады оружия.

Важным резервом сухопутных сил стали полицейские формирования, в которых служили подготовленные офицеры и унтер-офицеры кайзеровской армии. Полиция насчитывала до 200 тыс. человек, была организована и вооружена по армейскому принципу и проходила регулярную боевую подготовку.

Однако главные надежды руководители рейхсвера возлагали на многочисленные солдатские и офицерские союзы, на «Черный рейхсвер» и на «националистические формирования» — так теперь назывались «добровольческие корпуса». Очень скоро рейхсвер был опутан черными соединениями. Они представляли собой основной его резерв.

Под «Черным рейхсвером» теперь понимались в широком смысле все вооруженные формирования вне армии, солдатские и офицерские организации. Существовало и более узкое понимание «Черного рейхсвера» — как особых команд, созданных в 1922 г. Сектом для подавления левых элементов в стране.

Используя страх господствующих кругов Западной Европы и США перед революционным движением, германские генералы, крупные капиталисты и помещики сохранили основные военные кадры. Армия была распущена, но она жила. Под официальной вывеской 100-тысячного рейхсвера постепенно ковались новые вооруженные силы. От победителей очень легко удалось скрыть десятки тысяч

¹ О. Е. Sch ü d d e k o p f. Op. cit. S. 122.

пулеметов, сотни орудий, несколько миллионов винтовок, которые предназначались для будущих германских дивизий.

В Германии после войны было около 40 тыс. кадровых офицеров и до 140 тыс. офицеров запаса. Чтобы сохранить офицерские кадры, помимо «добровольческих корпусов», офицерских союзов и т. п. создавались так называемые ликвидационные бюро для «ведения текущих дел» при расформировании различных штабов. Уже к лету 1919 г. под предлогом упразднения 21-го армейского корпуса появилось 99 ликвидационных штабов и несколько тысяч ликвидационных бюро, объединивших многие тысячи офицеров.

В мае 1919 г. в стране насчитывалось 2206 полувоенных учреждений с 116 тыс. человек, в числе которых имелось большое количество офицеров. Все эти многочисленные организации впитали и сохранили основные кадры кайзеровской армии, объединили крайне правые элементы и превратились в школу воспитания военщины в духе фашизма и реванша. Они сделались резервуаром будущей массовой армии, духовным заповедником милитаризма. Позже, когда союзы пришлось формально ликвидировать, основная часть их членов, прежде всего офицеры, влилась в государственный и промышленный аппарат, в различные организации и учреждения и продолжала свою деятельность.

Уже в 1930 г. был введен план развертывания армии, разработанный Манштейном (будущим гитлеровским фельдмаршалом), предусматривавший создание «ударной армии» в составе 21 дивизии и «армии прикрытия» — более 30 дивизий. Появление такого плана стало возможным лишь в результате всей предшествующей работы руководителей германской военщины по накоплению скрытых резервов.

Военно-морской флот Германии по условиям Версальского договора был ограничен несколькими не имевшими никакого боевого значения устаревшими судами. Вновь строящиеся корабли для замены пришедших в полную негодность не могли превышать 10 тыс. тонн водоизмещения. Иметь подводные лодки флоту строжайше запрещалось. Большинство укреплений и военно-морских баз подлежало разрушению.

С такими же дальними расчетами и также скрытно, как в подготовке сухопутных сил, милитаристы воссоздавали в годы Веймарской республики военно-морской флот. Командующий германским флотом (1928—1943 гг.) адмирал Редер позже писал: «Мы никогда не смогли бы за немногие годы, с 1933 по 1939-й, создать боеспособный флот, если бы прочный фундамент не был бы создан в годы Веймарской республики»¹.

Еще в 1919 г. моряки скрыли от союзнических комиссий 119 орудий береговой артиллерии в Боркуме, Вильгельмсхафене, Куксгафене и в других местах². 153 орудия и 52 миномета, которые

¹ E. Raeder. Mein Leben. Bd. II. Tübingen, 1957, S. 15.

² ЦГАОР, ф. 7445, оп. 2, д. 167, лл. 74—75.

оказалось невозможным утаить, были переданы в арсеналы сухопутных войск¹. На острове Гельголанд осталась нетронутой военно-морская база.

Чтобы сберечь кадры военных моряков, подготовить новые и наладить производство военно-морской техники, командование флотом уже в 20-е годы развернуло кипучую деятельность.

В состав руководящего органа (управление военно-морского флота) были отобраны лучшие офицеры кайзеровского главного морского штаба. При столь же строгом отборе комплектовались экипажи немногочисленных кораблей и береговые службы. Группа морских офицеров во главе с корветтен-капитаном Лютцовым — начальником штаба морских баз Северного моря, разъезжала по Северной Германии, собирала средства, вербовала добровольцев, получала доклады о настроениях и планах бывших военных моряков. В 1924—1925 гг. Лютцову и его ближайшему помощнику капитану генерального штаба Зоденштерну удалось привлечь 600 добровольцев². Порттовый город Киль стал центром деятельности различных военных союзов, состоявших из бывших моряков. Под руководством адмирала Доминика здесь были объединены местные «патриотические» организации — банды Эрхардта, «Стальной шлем», солдатские союзы. Они включали опытных офицеров флота.

Особенно активная деятельность по тайной подготовке большого военно-морского флота была начата с 1923 г.³ Появились первые планы развертывания флота. Для боевой подготовки личного состава стали проводиться дальние плавания. Так, в 1926 г. устаревший крейсер «Гамбург» прошел до берегов Южной Америки. Крейсер «Берлин» в 1927 г. совершил полуторалетнее плавание через несколько морей и океанов, имея на борту курсантов морских школ. Было налажено обучение военных моряков в различных «спортивных клубах».

Характерным примером деятельности германских милитаристов по воссозданию флота можно считать работу, проведенную капитаном Леманом. Его «деятельность» вылилась впоследствии в скандальный процесс.

Капитан Леман, начальник отдела морских перевозок военно-морского руководства, даже в среде германских моряков слыл, по выражению адмирала Фрике, фанатиком. Это был фанатик реванша и новых захватнических войн. Он действовал свободно и нагло, пользуясь попустительством союзников. В 1919 г. Леман организовал захват и сохранение 18 судов, подлежащих конфискации. Сохранив их от уничтожения, он затем провел их модернизацию⁴. Совместно с капитаном Канарисом, будущим адмиралом и руководителем гитлеровской военной контрразведки, Леман посетил Испанию,

¹ ЦГАОР, ф. 7445, оп. 2, д. 167, л. 10.

² Там же, л. 21.

³ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах. М., Госюриздат, 1958, т. II, стр. 50.

⁴ ЦГАОР, ф. 7445, оп. 2, д. 167, л. 26.

где договорился о покупке эсминцев и 1000 торпед¹. Поддерживаемый субсидиями министерства рейхсвера, он вступал вкладчиком в различные пароходные компании, включая иностранные, и направлял их деятельность по пути, нужному для военного ведомства². Он участвовал в различных акционерных обществах, производивших материалы, необходимые флоту, финансировал строительство танкеров, подкупал кинофирмы для выпуска «патриотических» фильмов, основывал нефтяные компании и т. д.³. Спекуляции Лемана обошлись Веймарской республике в 26 млн. марок.

Обширные работы были развернуты по тайному созданию подводного флота в обход Версальского договора. Уже в 1920 г. верфи «Германия-верфь» и «Вулкан-верфь» передали в Японию чертежи проектов новых крупных подводных лодок («У-142» и «У-117»). Их строительство началось на верфях Кавасаки под руководством главного конструктора «Германия-верфь» Техеля, а спуск проходил при участии офицера германского флота Бройтигама⁴.

В 1922 г. военно-морскому руководству удалось организовать в Гааге немецкое конструкторское бюро подводных лодок под видом мирной голландской инженерной организации. Это бюро, получившее название ИС, объединило всех немецких конструкторов подводного флота для практических работ по проектированию подводных лодок на уровне последних достижений техники⁵. Оно добивалось в целях практики заказов на строительство подводных лодок для иностранных государств, договаривалось о сооружении по своим проектам лодок для Германии на верфях Финляндии, Испании, Аргентины.

Особую энергию проявлял в этом деле Канарис, установивший тесные контакты с испанским флотом. На верфях Кадикса для будущих германских ВМС по проектам ИС была построена первая 750-тонная подводная лодка⁶. В результате, когда в марте 1935 г. Германия объявила о разрыве условий Версальского договора, она уже через полгода спустила на воду 12 подводных лодок с обученными экипажами⁷.

Версальские ограничения не помешали германским милитаристам развернуть строительство и надводного флота.

В 1924—1925 гг. рейхстаг дал согласие на закладку полуфлотилии торпедных катеров. В 1925 г. был заложен крейсер «Кенигсберг», в 1926 г. — крейсеры «Кельн» и «Карлсруэ», в 1927 г. —

¹ ЦГАОР, ф. 7445, оп. 2, д. 167, л. 26.

² Так, будучи в 1928 г. одним из основателей и вкладчиков Балтийского пароходства парусных судов в Любеке, Леман использовал эту организацию для строительства моторных парусных судов и обучения военных моряков (ЦГАОР, ф. 7445, оп. 2, д. 167, л. 28).

³ Там же, лл. 31—34.

⁴ Там же, л. 36.

⁵ Бюро ИС работало под наблюдением начальника штаба военно морского руководства адмирала Бенке.

⁶ ЦГАОР, ф. 7445, оп. 2, д. 167, лл. 38—39.

⁷ Там же, л. 36.

крейсер «Лейпциг», в 1928 г. — броненосец «Пруссия». Через год крейсера «Кельн», «Карлсруэ» и «Кенигсберг» сошли со стапелей.

В августе 1928 г. после долгих дебатов рейхстаг проголосовал за постройку броненосца «А» — первого из четырех крупнейших кораблей этой серии. В мае 1931 г. корабль был спущен на воду под названием «Дойчланд»¹. Новое судно принадлежало к новому классу кораблей, к так называемым «карманным» линкорам (тяжелым крейсерам). Вскоре началось строительство еще двух аналогичных судов: «Адмирал Шеер» и «Адмирал граф Шпее». Они превосходили по скорости хода и отчасти по мощи вооружения большинство крупных военных кораблей в мире.

По плану военно-морского строительства на 1931—1936 гг. предусматривалось построить 3 броненосца, 4 эскадренных миноносца, 5 торпедоносцев, 6 минных тральщиков, 13 вспомогательных судов и, кроме того, провести модернизацию ряда устаревших кораблей.

Строительство флота, проводимое под общим руководством Редера, позволило германским милитаристам к 1933 г. подготовить для Гитлера значительные по численности и мощи средства ведения войны на море.

Учитывая быстро возрастающее значение авиации, германское военное руководство в обход ограничений Версальского договора тайно проводило большую работу по созданию многочисленных и хорошо оснащенных военно-воздушных сил.

Некоторые современные западногерманские военные писатели утверждают, будто к развитию новых видов вооружения, и в первую очередь авиации, Германия приступила лишь после прихода к власти Гитлера.

Но факты показывают, что именно в области подготовки авиации германские милитаристы сделали очень многое задолго до 1933 г. Без этой нелегальной работы гитлеровцы впоследствии не смогли бы создать свои люфтваффе.

В начале 20-х годов министерству рейхсвера удалось сохранить командные кадры германской авиации во главе с начальником штаба ВВС Томсеном².

С 1920 г. в семи военных округах были созданы замаскированные штабы военно-воздушных сил, которые секретно проводили переподготовку бывших летчиков и готовили новые кадры для авиации. В каждый из них входил один референт по авиации, два его помощника и офицер по радиосвязи с небольшой лабораторией.

По требованию военной верхушки для обеспечения секретности был создан отдел авиации в министерстве транспорта; министерство внутренних дел открыло специальные центры противовоздушной обороны.

¹ ЦГАОР, ф. 7445, оп. 2, д. 167, л. 36.

² Еще в марте 1920 г. при войсковом управлении министерства рейхсвера Сект создал секретное отделение воздушной обороны, в функции которого входила организация и подготовка кадров ВВС.

Ввиду запрета Германии иметь собственную авиационную промышленность, немецкие авиационные фирмы постепенно перенесли свою деятельность за границу. Юнкерс и Хейнкель строили самолеты в Швеции, Рорбах — в Голландии, Дорнье — в Швейцарии и Италии. Еще в 1923 г. правительство Эберта решило отпустить министерству рейхсвера деньги на закупку самолетов. Голландия продала около 50 новейших самолетов типа «фоккер». Фирма Хейнкеля в Варнемюнде получила заказ на конструирование войскового разведчика.

Рейхсвер сумел организовать подготовку военных летчиков, используя для этой цели различные гражданские организации. Акционерное общество «Спортивная авиация» («Шпорт-Флуг») располагало семью летными школами в военных округах. В этих школах проходили систематическую тренировку бывшие военные летчики и, кроме того, обучалась молодежь, главным образом студенты.

Летная школа «Морской орел» в Варнемюнде готовила из младших морских офицеров летчиков и летчиков-наблюдателей морской авиации. В школе кроме тактики и летного дела изучались морская навигация, радиопеленгация, минно-торпедное дело и другие военные дисциплины. Общество «Севера» (позднее преобразованное в «Общество воздушной службы») первоначально занималось вопросами артиллерийской противовоздушной обороны, а позже скрытно переключилось на боевую подготовку летчиков военно-морской авиации.

Начиная с 1925 г. тайное строительство ВВС в Германии приобретает широкий размах и организованный характер. В министерстве рейхсвера «группа Т-2» возглавила всю работу по созданию авиации. Эта группа превратилась в своего рода небольшой генеральный штаб ВВС, хорошо связанный с руководством армии. Располагая собственным годовым бюджетом в сумме около 10 млн. рейхсмарок, она разрабатывала планы развития авиации на длительные сроки. В частности, эта группа составила четырехлетний план развития ВВС на 1925—1929 гг. Денежные средства поступали из тайного («синего») бюджета, который создавался из общего бюджета рейхсвера и не подлежал контролю рейхстага.

Первой целью работы группы являлось формирование около 80 эскадрилий войсковой разведывательной авиации, одной группы истребителей и одной группы бомбардировщиков. Вскоре под руководством группы развернулись работы по моторо- и приборостроению. Средства в сумме 4—5 млн. марок в год выделяло из своего бюджета министерство транспорта.

С 1925 г. круг лиц, привлекаемых к строительству ВВС, расширился. На работу в управление рейхсвера поступали под видом офицеров сухопутных войск и служащих бывшие командиры военной авиации, а также авиационные инженеры и конструкторы. Быстро развивалась гражданская авиация. Она становилась важным источником пополнения кадров военно-воздушных сил.

С 6 января 1926 г. действовавшие до сих пор отдельно авиа-транспортные предприятия «Дойче люфтреедерай», «Юнкерс-люфт-феркер» и «Аэро-лloyd» были объединены в акционерное общество «Дойче люфтганза». Финансируемая государством, эта организация приступила к планомерному воссозданию широко разветвленной сети воздушных сообщений внутри страны и за границей и к тайному обучению на этих линиях военных летчиков.

Деятельность «Люфтганзы» с годами значительно расширилась. Эта организация стала играть главную роль в приобретении будущими военными летчиками опыта полетов на дальние расстояния днем и ночью. «Люфтганза» обладала сильным аппаратом управления, возглавляемым будущим гитлеровским фельдмаршалом Мильхом. В состав организации входили главным образом военные летчики мировой войны. Общий налет самолетами «Люфтганзы» в 1928 г. превысил 1 млн. километров.

Примерно в 1929—1930 гг. началось предварительное комплектование летного отряда, соответствовавшего авиационной дивизии¹.

Министерство рейхсвера планировало в 1928 г. на первом этапе развертывания ВВС организовать производство 2293 самолетов для сухопутных сил и 750 самолетов морской авиации. Однако лимитировала нехватка авиамооторов. Имевшиеся в Германии в 1928 г. 23 моторостроительные фирмы выпускали меньше моторов, чем планировал рейхсвер. Не хватало авиационного горючего и особенно масел, авиационных бомб и различного снаряжения.

Но, несмотря на эти трудности, строительство новых ВВС расширялось. К 1931 г., по самым скромным подсчетам, Германия имела 15 готовых боевых эскадрилий. Развитию ВВС способствовала отмена 29 ноября 1930 г. запрета германского самолетостроения. Министерство рейхсвера держало курс на создание в короткий срок сильной и многочисленной военной авиации. Особые надежды возлагались на помощь США и Англии. Бывший генерал авиации Фельми писал: «Командировки офицеров-летчиков и референтов-специалистов в Англию и США давали ценные результаты и были очень плодотворны».

Так рейхсвер создал прочную основу для развития гитлеровских военно-воздушных сил.

При непосредственной поддержке иностранного капитала к началу 30-х годов был воссоздан военно-экономический потенциал Германии. Тем самым германские милитаристы получили надежную базу для дальнейшей скрытой подготовки сил агрессии и реванша.

¹ Из преподавателей, обучавших действиям на истребителях, были укомплектованы «эскадрильи учебных истребителей». По вновь разработанной «Инструкции для летчиков-истребителей» проводилось обучение высотным полетам, стрельбе, сбрасыванию бомб по наземным целям, стрельбе по воздушным целям, обучение воздушному бою, высшему пилотажу и т. д. Из спортивных самолетов, управляемых гражданскими летчиками, было сформировано несколько небольших эскадрилий, получивших название «рекламных». Эти эскадрильи участвовали в войсковых учениях совместно с самолетами-наблюдателями.

Крупп говорил в 1944 г., вспоминая середину 20-х — начало 30-х годов: «Большая заслуга всей германской военной экономики заключается в том, что она не оставалась бездеятельной в течение этих тяжелых лет, даже когда эта деятельность не могла быть открытой по вполне понятным причинам. В результате многих лет тайной работы был заложен всесторонний фундамент для того, чтобы снова начать работать для германских вооруженных сил в назначенный час, без потери времени или утраты опыта»¹. Вскоре западные державы «признали» военные усилия германского империализма: в декабре 1932 г. конференция пяти держав (Англия, США, Франция, Италия, Германия) в Женеве санкционировала «равенство прав» Германии в вооружениях. Германский империализм получил «право» официально перечеркнуть военные ограничения Версаля.

VII

Рейхсвер с первых лет своего существования был тесно связан с фашизмом. Реакционные круги германской военщины с их крайним шовинизмом, культом силы, озлоблением за проигрыш войны и планами реванша создавали среду, в которой пышно расцветал нацизм. «Фрейкоры», как и банды «Черного рейхсвера», ничем не отличались по целям и методам от штурмовых отрядов, а бывшие кайзеровские генералы и офицеры нередко проповедовали те же «идеи», ту же «философию», что и лидеры нарождавшейся гитлеровской партии. Главными ее создателями были выходцы из военных кругов, и Гитлеру не составляло труда в начале 20-х годов добиться влияния на значительную часть офицерства, особенно в южных районах страны, в Баварии — колыбели фашизма.

Винценц Мюллер, отдавший почти полвека службе в германской армии, а после образования ГДР ставший одним из активных строителей первого немецкого государства рабочих и крестьян, вспоминает о годах зарождения рейхсвера в Баварии: «Тем более удивляло меня то, что я увидел в южнобаварских войсковых частях. В служебные часы там, казалось, все идет нормально. Но вне службы, в офицерском собрании, там творилось черт знает что. Центральной фигурой офицерских собраний был капитан Рем, будущий ближайший сотрудник Гитлера и начальник штаба СА, служивший в штабе начальника пехоты 7-й дивизии, командиром которой был генерал Риттер фон Эпп. Как я слышал, Эпп рассылал... «патриотические письма», составленные капитаном в отставке Вейсом, позднее главным редактором нацистской газеты «Фелькишер беобахтер». В этих письмах излагалось требование ликвидировать республиканский строй. В 1933 г. Гитлер сделал Эппа имперским наместником Баварии.

В гостиных офицерского собрания на всех столах стояли маленькие флажки цветов бывшего германского военно-морского флага,

¹ О. Е. Sch ü d d e k o p f. Op. cit. S. 113.

Поздно вечером горланили такие песни, как «Францию мы разобьем» или «Свастика на шлеме, черно-бело-красный бант, бригадой Эрхардта называют нас». Приветствовали друг друга возгласами «хайль». Цвет государственного флага с издевкой называли черно-красно-горчичным. Много говорили о «ноябрьских преступниках». Нередко утверждали, что «лучше быть мертвым, чем рабом». Можно было услышать и антисемитские лозунги, вроде: «Германия, пробудись! Евреи, околейте!» Сторонниками и друзьями Рема были большей частью молодые офицеры. Однако среди них было и несколько капитанов (при тогдашней системе продвижения это означало, что они были старше тридцати пяти лет), в большинстве из мюнхенского и других южнобаварских гарнизонов¹.

Нацистские пропагандисты с успехом распространяли среди офицеров, особенно молодых, свою программу борьбы за диктатуру, свою доктрину, основанную на мешанине различных реакционных философских учений. Особой популярностью пользовался Ницше, пропаганда культа войны приводила в восторг профашистски настроенных офицеров.

Опасаясь роста революционного движения в Германии, промышленники, крупные аграрии, военщина мечтали об установлении военно-фашистской диктатуры. На пост диктатора монополисты прочили тесно связанного с ними генерала Людендорфа, отличавшегося ультрареакционными взглядами.

20 февраля 1923 г. на вилле генерального директора концерна Стиинеса — Фридриха Мино в Ванзее встретились Людендорф, Стиинес и Сект. В ходе переговоров было достигнуто соглашение о передаче руководства рейхсвером Людендорфу, в случае если возникнет ситуация, способствующая переходу к диктатуре².

Некоторые крупные промышленники уже тогда имели свою агрессивную внешнеполитическую программу. Осенью 1923 г. Стиинес пришел к Секту и потребовал, чтобы рейхсвер в ближайшее время захватил Восточную Верхнюю Силезию и северобогемскую индустриальную область, — иными словами, начал войну с Польшей и Чехословакией³. Требование диктовалось экспансионистской индустриальной программой Стиинеса, стремившегося проникнуть в новые районы, особенно в соседние с Германией государства. Военная верхушка не решилась поддержать планы угольного и стального магната, так как он слишком торопился и не учитывал обстановку. Но планы Стиинеса не были забыты. Позже его требования воплотились в жизнь при агрессии против Польши. Не случайно, вторгаясь в Польшу в 1939 г., гитлеровский вермахт нанес главный удар именно против Верхней Силезии.

Тяга реакции к диктатуре «сильного человека» особенно возросла в период экономического и политического кризиса осенью 1923 г. Боязнь революции заставила монополистов обратить при-

¹ В. Мюллер. Указ. соч., стр. 85—86.

² G. W. Hallgarten. Op. cit. S. 21—22.

³ Ibidem.

стальное внимание на фашистскую партию, как на силу, способную осуществить государственный переворот. Нюрнбергские промышленники дали нацистам 20 тыс. долларов, Тиссен — 100 тыс. золотых марок¹. 11 марта 1923 г. произошла встреча Секта с Гитлером. После ее окончания Сект заявил, что нацистский фюрер произвел на него «чрезвычайно... сильное впечатление»². Оба выработали план государственного переворота — похода из Баварии — центра фашистских организаций — на Берлин. В столице «исполненные надеждой милитаристы всех оттенков должны были припереть к стенке демократию»³. Но они не учли соотношения классовых сил.

Совершить переворот не удалось из-за активного сопротивления трудящихся и отсутствия единства среди промышленников, часть которых считала, что время свержения республики еще не наступило. Но союз милитаризма и фашизма окреп. Он стал развиваться под покровительством германских монополий, на единой основе совместной подготовки террористической военной диктатуры.

В середине и второй половине 20-х годов гитлеровцы стремились не только теснее сблизиться с верхушкой военщины, но и проникнуть в толщу армейской среды. Они вели агитацию в казармах, создавали в воинских частях фашистские группы, пользуясь при этом откровенным попустительством и поддержкой командования.

VIII

Новый этап процесса слияния милитаризма и фашизма под эгидой промышленного и финансового капитала наступил в конце 20-х годов. Он был связан с обстановкой начавшегося мирового экономического кризиса. В Германии кризис принял особенно острый, глубокий характер. Резкое обострение классовых противоречий, угроза высоким прибылям монополий и доходам юнкеров, быстрое понижение уровня производства — все эти и многие другие явления вызвали поворот в политике руководящих кругов германского капитала. «Если раньше они рассматривали фашистское движение как свой резерв, то сейчас они все более склонялись к мысли привести этот резерв в действие»⁴.

Реакция все решительнее делала ставку на фашистскую диктатуру и на установление террористического господства нацистской партии, влияние которой на массы в обстановке кризиса росло. Германский империализм искал выход из кризиса в перестройке экономики на военные рельсы с целью развязывания войны за передел мира. Военной политикой и войной магнаты промышленного и финансового капитала надеялись разрешить внутренние противоречия. Отто Винцер пишет: «Необычайно тяжелые последствия мирового

¹ Г. Л. Розанов. Германия под властью фашизма (1933—1939 гг.). М., ИМО, 1961, стр. 10.

² W. Görlitz. Op. cit. S. 346.

³ G. W. Hallgarten. Op. cit. S. 31.

⁴ Г. Л. Розанов. Указ. соч., стр. 23.

экономического кризиса укрепили решимость господствующих сил германского монополистического капитала избавиться от последних ограничений и запретов версальской системы и второй раз попытаться силой оружия установить свое безраздельное господство в Европе и во всем мире»¹.

Рейхсвер все более примыкал к фашистскому движению. Гитлер обещал генералам полное восстановление массовой армии, а вслед за этим — реваншистскую войну, о которой они мечтали с 1919 г. Милитаристы помнили слова Гитлера: «Каждая попытка разложить рейхсвер кажется мне преступлением и безрассудством... Идея вооружения стоит во главе движения. И когда мы станем у руля, тогда рейхсвер снова станет большой, старой великолепной армией»².

Рейхсвер, как орудие классового господства буржуазии, играл решающую роль в фашизации государства и уничтожении демократии. Основной удар он направлял против коммунистического движения. Начальник войскового управления генерал Гаммерштейн-Экворт подчеркивал в феврале 1930 г., что рейхсвер «всегда решительно боролся против устремлений коммунизма и III Интернационала»³.

Что касается прямого сотрудничества с нацистами, то в конце 20-х годов в отношении к этой проблеме верхушки рейхсвера имелись некоторые оттенки. Одна группа генералов во главе с Гренером шла на сотрудничество, но не порывала связей с правыми социал-демократами. Другая группа, возглавляемая Шлейхером, пошла на разрыв с социал-демократией, чтобы добиться тесного союза с партией Гитлера. Третья группа генералов, к которой принадлежали Бломберг, Рейхенау и некоторые другие, по существу, ничем не отличалась от фашистов и в полной мере сотрудничала с НСДАП (фашистская партия. — Д. П.).

Шагом к дальнейшей фашизации армии было отстранение правительства Г. Мюллера и образование более реакционного кабинета во главе с бывшим кайзеровским офицером Брюнингом. В смене кабинета приняли активное участие генералы рейхсвера. Гренер писал в марте 1930 г.: «Главная задача правительства — победить большевизм». 28 октября 1931 г. состоялась беседа ставшего министром рейхсвера генерала Шлейхера с Гитлером. После нее Шлейхер заявил: необходимо «предоставить свободу национал-социалистскому влиянию на государственные дела»⁴.

С особым рвением гитлеровцы стремились завоевать доверие молодых офицеров. Летом 1929 г. Шлейхер отмечал в беседе с будущим рейхсканцлером Брюнингом «растущую симпатию к нацист-

¹ Отто Винцер. 12 лет борьбы против фашизма и войны. М., Изд-во иностранной литературы, 1956, стр. 19.

² О. Е. Schüddekopf. Op. cit. S. 279.

³ К. Schützle. Reichswehr wider die Nation. Berlin, 1963, S. 60.

⁴ Г. Л. Розанов. Указ. соч., стр. 41.

ской партии, особенно среди молодых морских офицеров и рабочих морских баз Вильгельмсхафена и Килия»¹.

Действительно, некоторые молодые офицеры легко попадались на уловки нацистской пропаганды. Их стремлениям к действию не отвечала политика буржуазного республиканского правительства. Генералы тщательно скрывали от них свои планы подготовки к войне, а нацисты, наоборот, кричали о реванше на всех перекрестках. Их хлесткие демагогические лозунги и заигрывание с армией будили воображение и притягивали политически незрелых молодых выходцев из реакционной юнкерской и военной среды, которая с детства воспитывала у них милитаристско-националистический дух. «Программа социал-демократов, — по мнению реакционных офицеров, — приводила к тому, что они не чувствовали себя солдатами, а, казалось, принадлежали к полицейским войскам, к внутривнутриполитической пожарной команде. Но они хотели создать «национальную армию», создать «ядро будущей освободительной армии»².

Натиск «молодых» усиливался. Они «презирали до глубины души своих командиров, как старых обуржуазившихся господ»³. Их называли бюргерскими генералами (Bürgergenerale). Нацизм настойчиво проникал в армию. Его успехи в период кризиса гипнотизировали генералов, в том числе колеблющихся. «Генералы пришли к выводу, что они могут вести свою игру только против социал-демократии. Они больше не думают о рейхстаге»⁴. Все офицеры рейхсвера стали верить, что, окончательно сомкнувшись с фашизмом, армия будет выражать «интересы нации». Рейхсвер шел к полному идейному и политическому сотрудничеству с фашистской партией. Она в свою очередь делала все, чтобы до конца завоевать рейхсвер. В начале 1930 г. гитлеровцы создают специальную организацию под названием «Рабочее содружество по усилению германской обороны». Более того, Гитлер стал давать уже прямые «указания и установки» ответственным лицам в руководстве армией.

Шлейхер в свою очередь устанавливает тесный контакт с руководителем гитлеровских штурмовых отрядов (СА) Ремом, договаривается с ним о взаимодействии. Организация и система подготовки СА отныне приспособляются к армии. Шлейхер впоследствии говорил: «С лета 1931 г. я твердо и последовательно выступал за привлечение NSDAP в имперское правительство»⁵. Когда в конце 1930 г. корреспондент одной из газет спросил Секта, желает ли он участия партии Гитлера в правительстве, он ответил: «Безусловно да! Это более чем желательно, это необходимо»⁶. Гинденбург и даже Шлейхер, которого кое-кто на Западе пытается ныне изобразить чуть ли не главой военной оппозиции Гитлеру, поддерживали все

¹ O. E. Schüddkopf. Op. cit. S. 247.

² Ibidem.

³ Ibidem, S. 273.

⁴ Ibidem.

⁵ Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, 1958, N 1, S. 88.

⁶ W. Görlich. Op. cit. S. 383.

политические притязания нацистского фюрера. За ними следовали широкие офицерские круги, подавляющее большинство которых принадлежали к старинным прусским фамилиям. Политическую власть теперь фактически все более и более контролировали военные. Еще во время канцлерства Брюнинга в апреле 1931 г. начальник управления сухопутных войск говорил: «Мы имеем фельдмаршала рейхспрезидентом, рейхсканцлером — человека, который проявляет много сердечности ко всему военному (в войне — командир пулеметной роты)». А осенью 1932 г. канцлером стал генерал Шлейхер.

Итак, еще задолго до прихода к власти Гитлера, под руководством германских милитаристов осуществлялся процесс фашизации рейхсвера. Попытки современных фальсификаторов истории доказать аполитичность руководства германской армии в 1919—1932 гг., его «оппозицию» фашизму, противопоставить милитаризм нацизму не имеют ничего общего с исторической действительностью. Германский милитаризм в годы, предшествовавшие установлению фашистской диктатуры, не только не был «аполитичным орудием республики», но представлял собой одну из главных сил, способствовавших ее падению, развитию и укреплению фашизма, захвату им господствующих высот и власти.

Рейхсвер был превращен к началу 30-х годов в крепкое ядро, вокруг которого можно было в короткие сроки развернуть массовые вооруженные силы. Когда нацистская партия захватила власть в стране, этот подготовленный военный аппарат поступил в распоряжение Гитлера и стал основой вермахта. Фашистский военный теоретик В. Эрфурт признавал: «Во время захвата власти Гитлер нашел часть своих военных планов уже осуществленными благодаря деятельности генерального штаба сухопутных сил»¹.

IX

После 1929 г., когда Германию охватил экономический кризис, крупные промышленники, все силы реакции переходят к прямому курсу установления фашистской диктатуры. В условиях кризиса, который принял в Германии особенно острые формы, возникла угроза потери монополиями высоких прибылей. Массовая безработица, быстрый рост революционных настроений рабочего класса, влияния и авторитета Коммунистической партии, резкое обострение классовых противоречий — все это создавало обстановку нарастающей революционной ситуации. Господствующий блок монополий, юнкерства, военщины, оказавшись перед угрозой мощного революционного взрыва, искал спасения в террористической диктатуре фашизма.

Подталкивая гитлеровскую партию к власти, промышленники обеспечивали ей возрастающую материальную помощь. Вступивший

¹ W. Erfurth. Op. cit. S. 156.

в партию еще в 1929 г. Тиссен, один из руководителей концерна «Ферейнитге штальверке», не только сделал вступительный взнос в размере 300 тыс. марок, но и совместно с крупным промышленником Кирддорфом организовал ряд встреч Гитлера со стальными королями Рура. Нацистский фюрер с предельной ясностью изложил им свои взгляды и планы. Программа нацистов сразу же получила безоговорочную поддержку рурских владык. По предложению Кирддорфа угольный синдикат стал отчислять с каждой проданной тонны угля 50 пфеннигов в пользу нацистского движения. Это составило только за 1931 год 6,5 млн. марок. Владельцы рудников ежегодно пополняли кассу гитлеровской партии 525 тыс. марок. Концерн «И. Г. Фарбениндустри» в 1931—1932 гг. сделал ряд денежных взносов. Нескольким членам руководства концерна, в их числе Ильгнеру, было поручено поддерживать контакт с Гитлером. Связи концерна с фашистской партией стали тесными и многосторонними. Вальтер Функ, доверенный «И. Г. Фарбениндустри», выдвинулся в руководство фашистской партии. Он стал личным экономическим советником Гитлера. «Руководители «И. Г. Фарбениндустри», так же как и другие промышленники, видели, что национал-социалистское движение набирает силу, и решили использовать ситуацию для наращивания своей промышленной мощи»¹. Еще в начале 1932 г. Гитлер дал обещание руководителям этого концерна после прихода к власти предоставить монопольные права на производство синтетического горючего по расширенной программе. Это сулило концерну гигантские прибыли. На процессе «И. Г. Фарбениндустри» в 1948 г. было установлено, что концерн субсидировал гитлеровскую партию по 32 каналам².

В 1931 г. связь с нацистской партией установил директор рейхсбанка Шахт. Через его посредничество нацисты расширили свои контакты с крупнейшими промышленниками Германии, в частности с Фликом, который передал в кассу партии вступительный взнос 100 тыс. марок.

Флик очень скоро стал верным сподвижником гитлеровских заправил. Он оказывал им регулярную и широкую финансовую поддержку, предварительно договорившись с Гитлером и Гиммлером о централизации всех взносов различными своими предприятиями³. По инициативе Флика был создан так называемый кружок Кепплера, превратившийся вскоре в «круг друзей Гиммлера». С помощью этой неофициальной организации Кепплер — экономический советник Флика развернул деятельность среди промышленников, направленную на скорейшее установление власти нацистов.

11 октября 1931 г. представители монополий, высшего генералитета и финансовых кругов договорились с Гитлером о создании единого блока с задачей борьбы за установление диктатуры. 27 января 1932 г. на широком совещании Гитлера с промышленниками в Дюс-

¹ Нюрнбергский процесс... т. I, стр. 636.

² См. Г. Л. Розанов. Указ соч., стр. 22.

³ См. Нюрнбергский процесс... т. I, стр. 694.

сельдорфе нацистская партия получила полное одобрение своей программы: уничтожение демократии, «искоренение марксизма» в Германии, подготовка к войне за «жизненное пространство». На следующий день после совещания Тиссен, Феглер и Пенсен договорились с Гитлером, Герингом и Ремом о составе будущего правительства¹.

Установлению фашистской диктатуры содействовали также монополии США и Англии. Американские и английские промышленные и финансовые магнаты рассматривали германский фашизм как силу, способную не только разгромить демократическое движение в Германии, но главное — начать войну против Советского Союза. Поток займов, хлынувший из США, стимулировал возрождение мощи германских монополий и развертывание ими военного производства.

В годы мирового экономического кризиса поддержка магнатами американского капитала гитлеровской партии приобрела самые широкие размеры. Нацистов финансировали Рокфеллер, Морган, Ламонт, Кун Леба, Уолтер Тигл и другие воротилы финансового капитала. И когда летом 1929 г. представители моргановской финансово-промышленной группы на специальном совещании банкиров признали необходимость решительной поддержки нацистской партии, ее финансовые проблемы могли считаться решенными. Участник совещания банкир Уорбург отправился в Германию. Он встретился с Гитлером и его финансовым экспертом Хейдтом, директором банка Тиссена. Вскоре партия получила от американских промышленников 10 млн. долларов².

В 1930 г. вложения США в германскую экономику достигли 5 процентов их национального дохода. Форсированию развития военных отраслей промышленности Германии американские монополисты придавали особое значение. Достаточно, например, отметить, что ставший уже могущественным «И. Г. Фарбениндустри» создал в 1929 г. американский филиал, членами правления которого сделались крупные монополисты США Тигл, Уорбург, председатель правления «Стандарт ойл» Э. Форд и другие. Вместе с тем «И. Г. Фарбениндустри» стал участником филиала американского концерна Э. Форда в Германии. Тесное переплетение интересов крупнейших монополий Германии и США было прежде всего на руку фашизму. В 1930 г. американские и английские монополии при поддержке посла США в Берлине Сэкетта сделали совместный демарш, требуя включения представителей нацистской партии в состав германского правительства.

Осенью 1931 г. представитель моргановской группы Картер созвал совещание крупнейших финансистов для обсуждения запроса Гитлера о новых субсидиях. Участники совещания пришли к выводу, что нацистская партия — это единственная реальная сила,

¹ См. А. Норден. Уроки германской истории, стр. 97.

² См. Г. Л. Розанов. Указ. соч., стр. 25.

способная предотвратить революцию в Германии. Снова в Берлин выехал банкир Уорбург. После встречи с Гитлером, Герингом, Штрейхером и другими представителями фашистской верхушки он согласовал вопрос о передаче нацистской партии субсидии в 15 млн. долларов¹. Крупные суммы продолжали поступать от отдельных концернов. Так, например, «Ройял датч-шелл» в 1923—1933 гг. внес в нацистскую кассу около 60 млн. долларов.

В 1931 г. по настоянию президента США Гувера была прекращена выплата Германией репараций. Англия и Франция дали согласие на увеличение вдвое численности рейхсвера. Реакционная пресса западных держав проводила одну кампанию за другой в поддержку гитлеровской партии в ее стремлении захватить власть. Нью-йоркская биржа отзывалась на каждый политический успех гитлеровцев повышением курса акций фирм, имевших вложения в германскую экономику.

Х

В годы кризиса руководители рейхсвера, поддерживая монополистов, умножили свои усилия, направленные на установление диктатуры нацистской партии. Блок милитаризма, монополий и фашизма стал оформляться еще более резко и определенно. Поворот монополий от формального соблюдения условий Версаля к политике открытой подготовки войны еще больше укрепил позиции военщины. Реакционная военщина была нужна промышленникам и крупным землевладельцам как орудие осуществления их военных замыслов и одновременно как политическая сила, способная облегчить приход к власти нацистской партии — партии войны.

В 1930 г. Сект заявил о безоговорочной поддержке военными участия гитлеровской партии в правительстве. В конце этого же года Шлейхер заключил тайный союз с главой штурмовых отрядов Ремом. 11 октября 1931 г. в Гарцбурге собралась конференция, в которой участвовали 15 генералов, монополисты во главе с Пенсгеном и нацистские лидеры. Провозгласив создание союза трех сил — так называемого «Гарцбургского фронта», участники совещания потребовали образовать «подлинно национальное правительство» взамен кабинета Брюнинга, который своими медленными темпами ремилитаризации и «недостаточными» мерами борьбы с демократическими силами не удовлетворял их.

В конце октября Шлейхер, занявший пост министра рейхсвера, имел новую длительную беседу с Гитлером. Генерал признал необходимым участие фашистской партии в государственных делах и обещал поддержку рейхсвера в захвате власти. Гитлер заверил, что партия не только сохранит, но и расширит влияние и позиции военных в государстве.

¹ См. Г. Л. Розанов. Указ. соч., стр. 26.

Отношения между рейхсвером и партией стали настолько тесными, что Шлейхер выдал гитлеровцам из фондов рейхсвера 15 млн. марок на предвыборную кампанию. Все больше генералов и офицеров включалось в пропаганду нацистских взглядов, выступая с речами перед солдатами и офицерами гарнизонов.

Гитлер секретно поддерживал тесный контакт с руководителями рейхсвера; он давал им политическую и военную ориентацию, направлял их деятельность.

В этом отношении представляет интерес письмо Гитлера полковнику Рейхенау от 4 декабря 1932 г.

Рейхенау, в будущем гитлеровский фельдмаршал, занимал тогда должность начальника штаба 1-го дивизионного округа в Кенигсберге. Ярый фашист по убеждению, он обратился от имени командования округа с письмом к Гитлеру: «Желательно отдать особое распоряжение партийному руководству и командованию СА в Восточной Пруссии, чтобы в их деятельности обратить внимание на серьезную внешнеполитическую угрозу»¹.

Первую длительную беседу с Рейхенау Гитлер имел еще в апреле 1932 г. Зная приверженность полковника к нацизму, Гитлер «удостоил» его ответом — единственным личным письмом фюрера за всю историю германского фашизма. Это письмо представляет собой, по существу, обращение Гитлера к милитаристам, которые стали на общий путь с фашизмом. Более того, в нем содержались программные установки рейхсверу, который Гитлер рассматривал теперь как один из важнейших инструментов своей политики в ближайшем будущем.

«Весьма уважаемый господин полковник, — писал фашистский главарь. — Я получил через г-на Мюллера письмо, в котором командование 1-го округа запрашивает, можно ли было бы дать особую директиву партийному руководству и командованию СА по внутриполитической борьбе в этой провинции и обратить внимание на тяжелую внешнеполитическую угрозу. Озабоченность, о которой говорится в этом письме, я могу не только понять, но, к сожалению, должен разделить. То, что я сделаю, все находящееся в сфере моих возможностей... является само собой разумеющимся. Но я очень опасаясь, что многие мои мероприятия не будут поняты... Использую повод, чтобы дать Вам, г-н полковник, как начальнику штаба дивизии рейхсвера, картину положения, как я ее понимаю»².

Далее следовали пространные рассуждения о планах и политическом курсе фашистской партии, о «советской угрозе» и о необходимости сделать Германию национал-социалистской. Это был манифест нацизма, обращенный ко всей армии, шаг, направленный на дальнейшее приобщение милитаризма к генеральной линии нацистской политики. «Вопрос территориальной безопасности Восточной Пруссии стоит в тесной связи с общим внешним и внутренним по-

¹ Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 4 Heft/October, 1959. Stuttgart, S. 430.

² Ibidem, Ss. 432—433.

ложением рейха». Каково же это предложение? — вопрошал Гитлер. «Исход мировой войны не способствовал Франции в достижении ее целей. Меньше всего оправдались надежды на всеобщее внутреннее разрушение рейха»¹. Но главное, подчеркивал он, это «угроза коммунизма»; основной враг — Советский Союз.

Каким должно быть в таком случае отношение к Советскому Союзу? Никаких переговоров и соглашений, никакого сотрудничества, утверждал Гитлер. «Если же мы когда-нибудь, сохрани бог, должны будем спастись при помощи Советского Союза, тогда это тем более сможет означать установление красного флага в Германии»². Беда германского народа, сокрушался предводитель нацистов, в том, что он сейчас более чем наполовину пацифичен, значительная его часть «враждебно настроена к вооружениям и обороне». Вина тому — коммунисты, ибо «марксизм, который был в 1914 г. теоретической идеей, сегодня практически завоевал гигантскую часть мира».

Итак, будущий фюрер запугивал рейхсвер тем, чего он сам больше всего боялся, — пролетарской революцией, марксизмом. Это был ход, рассчитанный на то, чтобы еще крепче приковать к себе армию общностью мировоззрения и единством в определении «главного врага».

Какой же путь предлагал Гитлер Германии и ее армии? И здесь — хитрая уловка, игра на стремлении милитаристов к неограниченным вооружениям и вместе с тем на известном желании рейхсвера стать «армией народа». Гитлер предлагал «объединить народ и вооруженные силы единством нацистской идеологии» и на этой «широкой базе» провести перевооружение. «В то время как наши политические и военные стратеги рассматривают наше немецкое вооружение как техническую и организаторскую задачу, я вижу предпосылку для любого вооружения в волевом и духовном восстановлении нового немецкого народного единства... Это восстановление широкого духовного и волевого единства в нашем народе является задачей, которую я перед собой поставил 14 лет назад и за которую я с тех пор боролся»³.

В конце письма Гитлер следующим образом формулировал «немецкие задачи» на будущее, которые должны, по его мнению, стать программой для армии:

«1. Преодоление марксизма и его последствий до их полного искоренения. Установление нового... духовного единства народа. 2. Общее психическое, нравственное и моральное вооружение нации на основе этого нового единства мировоззрения. 3. Техническое вооружение. 4. Организационное объединение народной силы для цели обороны государства. 5. Достижение честного признания введённого нового состояния всем остальным миром»⁴.

¹ Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, S. 434.

² Ibidem.

³ Ibidem, S. 436.

⁴ Ibidem, S. 437.

В этой программе Гитлера для армии, которую реакционные круги рейхсвера открыто принимали, за туманом нацистской фразеологии ясно определялось основное: сделать Германию фашистской, уничтожить коммунистическое и рабочее движение, начать политику неограниченных вооружений во имя реваншистской войны.

Большого германский милитаризм и не желал. Программа Гитлера становилась его программой. И как символ звучало заключительное приветствие главы нацистов полковнику рейхсвера: «С совершенным почтением преданный Вам Адольф Гитлер»¹. Пройдет совсем немного времени, и Рейхенау, получая с головокружительной быстротой от Гитлера один чин за другим, докажет и ему свою бесконечную преданность.

Руководители рейхсвера заняли ряд ключевых позиций в пришедшем к власти 1 июня 1932 г. правительстве Папена, которое выражало интересы крупных промышленников и аграриев. Монополисты предоставили военщине еще больше, чем в прошлые годы, возможностей для влияния на политику и государственные дела. Шлейхер, военный министр в кабинете Папена, вместе с канцлером открывали путь к власти гитлеровской партии. Новое правительство энергично повело наступление на демократические и социальные права трудящихся. Уже через полмесяца после прихода к власти Папен и Шлейхер сняли существовавшее ранее запрещение нацистских штурмовых и охранных отрядов.

По стране начались бесчинства гитлеровских шаяк, направленные против рабочих и коммунистов. С 17 июня по 1 августа 1932 г. штурмовики убили 130 человек и ранили более 2000². Особенно жестокой была расправа гитлеровцев и полицейских над участниками антифашистской демонстрации в Гамбурге-Альтоне, названной «кровавым воскресеньем», 17 июля. Здесь погибло 18 рабочих. Шлейхер оказывал помощь террору гитлеровцев. Он цинично говорил: «Те, кто укрепляет духовные и психические силы народа, составляют незаменимую основу обороны государства»³. При этом он имел в виду, конечно, прежде всего гитлеровские банды.

Выступая 21 июля 1932 г., Шлейхер заявил, что необходимо сделать взаимоотношения между рейхсвером и фашистскими организациями еще более тесными. В угоду нацистам правительство Папена — Шлейхера досрочно распустило рейхстаг. Оно урезало фонды страхования трудящихся по безработице, снизило пособия старикам, увеличило налоги. «Таким образом, в самый короткий срок новое правительство показало свою сущность смертельного врага народных масс, друга и единомышленника фашистов»⁴.

¹ Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, S. 437.

² См. Л. И. Гинцберг. Тень фашистской свастики. Как Гитлер пришел к власти. М., Изд-во «Наука», 1967, стр. 58.

³ K. Schützle. Op. cit. S. 164.

⁴ Л. И. Гинцберг. Указ. соч., стр. 55.

Шлейхер и стоявшие за ним руководители рейхсвера использовали политическую ситуацию в целях дальнейшего развития вооруженных сил и милитаризации страны. В октябре 1932 г. создается имперский совет обороны. Была открыта Берлинская военная академия. Стали разрабатываться новые проекты увеличения армии. Министерство рейхсвера особенно активно работало в области военной подготовки молодежи. Оно поручило генералу в отставке Штюльпнагелю возглавить многочисленные военные союзы, замаскированные под спортивные общества, школы и другие им подобные организации. Формально оставаясь в подчинении министерства внутренних дел, они фактически передавались в ведение министерства рейхсвера. Строго централизованное руководство союзами обеспечивало единство боевой подготовки, тем более что во главе основных «спортивных» организаций стояли генералы. Немецкая молодежь готовилась как будущий резерв армии.

Заправилы рейхсвера старались с помощью кабинета Папена установить военную диктатуру. Они объединили под своим руководством все милитаристские организации. Указом президента Гинденбурга от 13 сентября 1932 г. был учрежден так называемый Рейхскураториум для обучения молодежи под председательством того же Штюльпнагеля, ставшего командующим 4-м военным округом (Дрезден).

Задача новой организации состояла в том, чтобы, как говорилось в указе, «сделать молодежь физически сильной, воспитать ее в духе дисциплины, порядка, товарищества и готовности нести жертвы». За столь благородной на первый взгляд целью скрывался план ускорения единой военной подготовки молодежи и фашистских отрядов. Новая организация располагала 15 пехотными школами и одной морской, где молодежь проходила трехнедельные курсы обучения. В рамках новой организации проводилась военная подготовка штурмовиков и других фашистских отрядов. Так, из проходивших в ноябре 1932 г. обучение 2150 человек 33 процента принадлежали к отрядам СА и «Гитлерюгенда», 25 процентов — к «Стальному шлему», 10 процентов — к «Киффхойзербунду» и т. д., а в дрезденской пехотной школе готовились вообще одни члены нацистской партии¹. Придавая большое значение новой организации, правительство не скупилось на денежные средства. С июля 1932 г. до января 1933 г. «Рейхскураториум» получил на свои нужды более 1 млн. марок.

Таким образом, руководители рейхсвера централизовали под своим главенством все военные мероприятия реакции. Они еще теснее связали армию с фашизмом и его ударными отрядами.

Рейхсвер оказывал решающее влияние на внешнюю политику Германии. Милитаристская клика настойчиво требовала ликвидации всех военных ограничений по Версальскому договору. Она определила позицию германской делегации на Женевской конференции по разоружению и в немалой степени способствовала ее срыву.

¹ K. Schützle. Op. cit. S. 187.

Шлейхер сформулировал требования, предъявленные затем Папеном французскому премьер-министру на Лозаннской конференции по репарациям (16 июня — 9 июля): признание равноправия Германии в вооружениях, модернизация структуры и оснащения рейхсвера и другие, полностью шедшие вразрез с военными условиями Версальского договора. Руководители рейхсвера добивались заключения германо-французского военного союза во имя «совместной борьбы против большевизма». Трубя во все фанфары антикоммунизма, германская военщина под их оглушающие звуки, скрытно и поспешно увеличивала армию. Немецкий адмирал в отставке Батч опубликовал в близкой к правительству французской газете „Matin“ статью «Рейх стремится создать армию только для защиты от большевизма». Он требовал от Папена полного разрыва с Советским Союзом¹.

Идя навстречу военным кругам, Папен предложил французскому правительству подписать военный и хозяйственный пакт, направленный против СССР. Франции предлагалось признать германские требования в области вооружений, установить постоянное сотрудничество германского и французского генеральных штабов². Премьер-министр Франции Эррио, понимая, чего стоит заигрывание стальных касок из-за Рейна, отклонил притязания Берлина.

В конце 1932 г. военщина и реакционные круги финансового капитала готовили решающий удар, чтобы окончательно ликвидировать Веймарскую республику и установить фашистскую диктатуру.

В августе Гинденбург предложил Гитлеру возглавить правительство, но с условием, чтобы оно опиралось на большинство в рейхстаге, которым, кстати, нацисты не располагали. Монополистов такое половинчатое решение не устраивало. От их имени 29 августа Шахт направил Гинденбургу письмо, настаивая на передаче власти Гитлеру без каких-либо условий. У Гинденбурга требовали «решающего участия нацистской партии в правительстве». 19 ноября по инициативе Шахта и банкира Шредера Гинденбургу была направлена новая петиция промышленников с требованием призвать к управлению страной фашистскую партию. Демарш подписали рурские магнаты Тиссен, Феглер, Рейш, Ростерг, а также Шредер, Шахт, владельцы пароходных компаний Верман, Бейндорф и другие, всего 30 человек. На заседаниях союза рурских промышленников раздавались открытые требования установления военной диктатуры и ликвидации версальской системы.

Не только германские, но и американские реакционеры выражали в те дни крайнюю озабоченность ростом демократических сил в Германии и добивались быстрой передачи власти гитлеровской партии. «Нью-Йорк геральд трибюн» апеллировала к государственным лидерам Европы, требуя «внимания к росту коммунистической

¹ K. Schützle. Op. cit. S. 179.

² Ibidem, S. 179.

опасности в центре Европы». Посол США в Берлине говорил, что создание в Германии военного правительства следует безоговорочно поддерживать. Реакционные круги США, Англии, Франции рассчитывали, что Германия сможет выполнить роль ударного кулака против Советского Союза только при наличии в ней нацистской диктатуры.

Правительство Папена, не сумевшее справиться с революционным движением в стране, ушло в отставку. 2 декабря 1932 г. канцлером стал генерал Шлейхер. Его кабинет выполнял роль некоего промежуточного правительства для приведения к власти Гитлера. Господство милитаристов еще более окрепло. Они занимали ключевые посты в государстве: президент — фельдмаршал; глава правительства, он же военный министр — генерал-лейтенант. Рейхсвер, больше чем когда-либо прежде, влиял на всю деятельность государства. Всякое политическое мероприятие теперь так или иначе отражало интересы военщины. И вполне закономерно, что именно правительство военных непосредственно подготовило передачу всей полноты власти в Германии фашистам.

В ноябре 1932 г. Гинденбург дважды встречался с Гитлером, уточняя с ним вопросы передачи власти. Оба решили, что детали надо уточнить путем переговоров Гитлера с Папеном, который пользовался полным доверием президента и монополий и фактически выступал от их имени. 4 января 1933 г. на вилле банкира Шредера в Кельне состоялось совещание Папена с Гитлером. Оно завершилось установлением полного взаимопонимания.

От имени промышленников Папен выдвинул ряд требований будущему правительству нацистов и сформулировал программу его действий: усилить борьбу против большевизма, подчинить крупному капиталу мелких и средних предпринимателей, путем обширных государственных заказов «поднять экономическую конъюнктуру», разорвать Версальский договор, сделать Германию сильной в военном отношении.

Эти требования Гитлер положил в основу своей правительственной программы.

Сразу же реакционная печать, контролируемая крупными промышленниками и финансистами, развернула бешеную пропагандистскую кампанию за передачу власти «спасителю Германии Гитлеру и его партии». Нацисты снова получили щедрую финансовую помощь от своих немецких и американских благодетелей.

В середине января 1933 г. Гитлер, Папен и Гугенберг в глубокой тайне договорились о распределении постов в будущем кабинете. Фашистская партия получала в нем ключевые позиции.

Роль высших милитаристских кругов на этом последнем этапе борьбы за приведение к руководству страной гитлеровской партии была первостепенной. Военные сделали все необходимое для того, чтобы обеспечить в легальных формах передачу власти в руки Гитлера. Наряду с этим руководители рейхсвера выдвинули из своей среды наиболее активных приверженцев фашизма, которые должны

были занять при новом режиме позиции, обеспечивающие тесный союз как с гитлеровцами, так и с монополиями.

Срочно вызванный из Женевы член германской делегации на конференции по разоружению генерал-лейтенант Бломберг втайне от Шлейхера обсудил с Гитлером и Гинденбургом вопрос о принятии в ближайшем будущем поста министра рейхсвера. В Берлин был вызван также полковник Рейхенау. Обоим предстояло получить плату за многолетнюю поддержку гитлеровской партии, за теснейшее сотрудничество с ней в 20-е годы. В ходе беседы Бломберг заявил, что рейхсвер будет «чрезвычайно приветствовать» правительство Гитлера.

28 января 1933 г. Гинденбург объявил об увольнении в отставку Шлейхера. На следующий день Гитлер и Папен сообщили президенту о достигнутом ими соглашении насчет создания «правительства национальной концентрации». Берлинские штурмовики были приведены в боевую готовность. С ними тесно взаимодействовали войска рейхсвера под командованием Бломберга, получившего должность министра рейхсвера за два часа до назначения Гитлера.

30 января 1933 г. Адольф Гитлер стал рейхсканцлером Германии.

Гитлер — политический авантюрист, обладавший нюхом угадывать выгодные для себя тактические решения в политической конъюнктуре сегодняшнего дня, талантом демагога-пропагандиста и фанатическим упорством, не имевший ни систематических знаний, ни исторического мышления, ни какого бы то ни было подобия знаний законов общественного развития. Человек, лишенный чести, морали, совести и сдерживающих начал, он получил еще в молодые годы «воспитание» в озлобленной среде люмпенов австрийской столицы, а потом в низах кайзеровской армии, где по совместительству исполнял роль провокатора, «борца» против идей социализма. Здесь, под влиянием милитаристской среды, окончательно сложились его «принципы»: вера только в силу, полная неразборчивость в средствах для достижения цели, жестокость, хитрость, расизм, ненависть к марксизму, обман как метод политики. Он окружил себя такими же соратниками, как и сам, людьми без совести, фанатично преданными ему и нацизму.

Гитлер и его банда никогда не достигли бы власти, если бы их не втащили на политическую арену наиболее реакционные круги монополистической буржуазии и военщины, в обстановке углубляющегося общего кризиса капиталистической системы. Обострение этого кризиса в связи с всемирно-историческими успехами социализма в Советском Союзе, ростом коммунистического и рабочего движения в капиталистических странах, прежде всего в Германии, в условиях нарастания экономического кризиса заставило силы международного империализма искать спасения в установлении разбойничьей террористической диктатуры фашизма. Гитлеровскую клику вытолкнули на международную арену силы империалистической реакции в эпоху разворачивающейся грандиозной схватки ме-

жду социализмом и капитализмом. В такой ситуации разбойничья шайка Гитлера понадобилась не только рурским владыкам, но и международному империализму, как действенная сила против коммунистического и рабочего движения внутри Германии, в европейском и мировом масштабах. Это главное, что сделало гитлеровскую шайку тем, чем она стала впоследствии.

Фашистская банда не меньше нужна была и военщине, потерпевшей поражение в мировой войне и вынужденной «прозябать» в ненавистной ей Веймарской республике под тяжестью версальских ограничений. Фашисты вернули и умножили все ее привилегии, дали необычайно большую власть, установили требуемую ею военно-фашистскую диктатуру и — что очень важно — обеспечили идеологическую обработку населения и армии в духе обожествления военной силы, культа захватнической войны. Военная газета «Милитер вохенблатт» писала 4 февраля 1934 г.: «30 января 1933 г. останется в благодарной памяти рейхсвера самым знаменательным поворотным пунктом его истории»¹.

¹ K. Schützle. Op. cit. S. 208.

I

Главным содержанием политики Германии после прихода к власти нацистов стала подготовка войны. Еще никогда руководители рейхсвера не имели правительства, реакционные планы которого отвечали бы в такой степени их собственным целям, как правительство Гитлера. С другой стороны, нацистская клика хорошо понимала, чем она обязана рейхсверу, и знала, что ее дальнейшая судьба и судьба ее планов в большой мере зависит от поддержки рейхсвера.

Поэтому Гитлер счел необходимым изложить высшему генералитету политическую программу своего правительства. 4 февраля 1933 г. на квартире начальника войскового управления генерала Гаммерштейна фюрер встретился с руководящим составом армии и флота. Он представил свою военную программу: диктатура, введение всеобщей воинской повинности, подчинение экономики и политики задачам подготовки войны и вооружения, «завоевание жизненного пространства» на Востоке и его «беспощадная германизация». Главарь нацизма обещал рассматривать вооруженные силы как главную опору фашистского рейха, а подготовку захватнической войны — как основную цель внутренней и внешней политики.

Это выступление Гитлера перед более чем 400 высшими офицерами целиком опровергает историков на Западе, которые пытаются доказать, что будто до осени 1937 г. генералы не знали о захватнической программе нацистов. В действительности генералитет не только в целом поддерживал гитлеровскую программу во всех ее аспектах, но и поставил фашизм у руля государства во имя осуществления этой программы.

После прихода к власти гитлеровское правительство принялось за свое черное дело. Оно с первых же дней показало промышленникам, генералитету, аграриям, что все обещанное выполнит. Усилия были сконцентрированы прежде всего для удара по демократическим организациям. Первым объектом разбоя нацистов ста-

ла Коммунистическая партия. 1 февраля 1933 г. Гитлер официально потребовал «искоренить коммунизм в стране». На следующий день Геринг запретил во всей Пруссии собрания и демонстрации компартии. 4 февраля Гинденбург и Гитлер подписали декрет, запрещающий любые митинги и собрания.

Ко всем приказам и мероприятиям подобного рода немедленно присоединялась военщина. Она оказывала гитлеровцам решающую поддержку в тот период, когда только что установленный режим еще недостаточно окреп. Союз фашизма и военщины был продемонстрирован 21 марта 1933 г. на первом заседании нового рейхстага в гарнизонной церкви Потсдама: Гинденбург и Гитлер церемонно пожали друг другу руки у гробницы Фридриха II.

Руководители рейхсвера стали самыми активными защитниками, помощниками и пропагандистами нацистской диктатуры. Полковник Рейхенау, вскоре возглавивший управление министерства рейхсвера, говорил в феврале 1933 г. на совещании высшего командования: «Все прогнившее в государстве должно пасть, а этого можно достигнуть только террором... Задача вооруженных сил — держать винтовки наготове. Никакой помощи преследуемым, если они будут искать защиты у войск»¹. В августе 1933 г. Бломберг отдал приказ: вермахт обязан «показывать теперь повсюду, что он шагает вместе с национальным движением»². 23 сентября 1933 г. на совещании командующих рейхсвера Гитлер заявил: «Все мы хорошо знаем, что если бы... армия не стояла на нашей стороне, мы не были бы сегодня здесь»³. В мае 1934 г. последовало секретное распоряжение: «С 30 января 1933 г. вооруженные силы получили себе основу в национал-социалистском государстве... Национальное мышление есть само собой разумеющаяся основа мировоззрения каждого солдата»⁴. Министр рейхсвера требовал от офицеров «стать ближе к общественности» для пропаганды идеологии нацизма. Армия становилась не только оруженосцем, но и пропагандистом фашизма.

Усилиями генералов, благодаря их рвению, вооруженные силы превращались в орудие фашистской диктатуры. Вместе с «воспитанием» армии в духе нацизма лидеры рейхсвера стремились подчеркнуть ее «полное единство с народом». «Вермахт, — говорилось в приказе Бломберга от 25 мая 1934 г., — это оруженосец немецкого народа. Он охраняет немецкий рейх, объединенный в национал-социализме народ и свое жизненное пространство»⁵.

Командование рейхсвера участвовало во всех основных террористических акциях гитлеровского режима, в том числе и в кровавой расправе над штурмовыми отрядами (СА). «Ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г. — расстрел более 5 тыс. штурмовиков во главе с Ремом — еще больше приблизила генералов к Гитлеру, заявившему,

¹ Г. Ферстер и др. Указ. соч., стр. 256—257.

² Там же, стр. 259.

³ Там же, стр. 256.

⁴ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725109, д. 568, лл. 8—9.

⁵ Там же, л. 12.

что армия, и только она будет отныне «единственным носителем вооруженной силы нации».

Приход к власти фашистской партии означал дальнейшее усиление господства монополистического капитала в стране. Его слияние с нацистским государственным аппаратом дало толчок быстрому развитию в Германии государственно-монополистического капитализма. Мощные союзы монополистов — «Имперское сословие германской промышленности», сформированный 15 июля 1933 г. «Генеральный совет хозяйства» и другие — стали воплощением всевластия монополий.

Принятый в феврале 1934 г. закон «О подготовке органического строения германской экономики» должен был обеспечить быстрый перевод всего хозяйства на военные рельсы. Закон предусматривал дальнейшее расширение прав объединений предпринимателей и определял новую структуру экономики, построенную согласно принципу «фюрерства». Создавалось 6 «имперских хозяйственных групп», которым подчинялись 44 «отраслевые группы», 350 «специальных групп» и 640 «подгрупп»¹. Мелкие предприятия в принудительном порядке вливались в крупные монополии, что еще больше усиливало их могущество.

Чтобы поддержать гитлеровскую партию на предстоящих выборах, укрепить ее во всех начинаниях, промышленники снова дали ей крупный денежный куш. 20 февраля 1933 г. Гитлер на вилле Геринга произнес речь перед группой крупнейших монополистов и банкиров. Он опять подтвердил свои внешнеполитические установки: реванш, война. Крупп не только выразил Гитлеру благодарность «за то, что он так четко изложил концепцию своих идей», но и предложил нацистам 1 млн. марок от имени рурских промышленников. Вскоре Крупп создал «фонд немецкой промышленности для Гитлера». Денежные сборы проводились ежегодно во всех отраслях промышленности и передавались в различные нацистские организации, включая СС². Руководил сборами специальный кураториум во главе с тем же Круппом, внесшим в фонд партии около 5 млн. марок.

И гитлеровская клика немедленно приступила к выполнению взятых обязательств. Спустя семь дней после совещания монополистов загорелся рейхстаг. Зловещие отблески пожара легли на всю Германию: нацисты использовали провокацию для окончательного лишения германского народа демократических прав и свобод, для создания государственной системы террора. 28 февраля 1933 г. Гинденбург издал два декрета, фактически отменявшие Веймарскую конституцию. Тысячи коммунистов, брошенных в тюрьмы, подверглись насилиям и пыткам. В начале марта Геринг, как премьер-министр Пруссии, разослал всем прусским начальникам на местах директиву: «По окончании выборов арестовать всех коммунистов —

¹ См. В. Т. Фомиин. Агрессия фашистской Германии в Европе (1933—1939). М., Соцэкгиз, 1963, стр. 20.

² См. Нюрнбергский процесс... т. I, стр. 689.

депутатов рейхстага и ландтага»¹. Полиция получила разрешение применять против коммунистов огнестрельное оружие. «Служащих полиции, действующих во исполнение этого приказа, я беру под свою защиту»², — заявил Геринг.

По всей стране начался разнузданный террор. Выборы в рейхстаг, проведенные 5 марта 1933 г., не принесли гитлеровцам необходимого большинства голосов. Но после репрессивных мер, принятых к оппозиции, 24 марта им удалось протолкнуть через рейхстаг закон о предоставлении Гитлеру «чрезвычайных полномочий». Закон, по существу, ликвидировал рейхстаг, как высшее законодательное учреждение, способное контролировать правительство. Гитлеру официально предоставлялось право игнорировать конституцию.

В апреле 1933 г. по инициативе Геринга было создано гестапо. В мае начался разгром профсоюзов. Вместо них была введена принудительная трудовая организация — «Германский трудовой фронт».

Одновременно гитлеровцы осуществили «унификацию» буржуазных партий, объявив об их ликвидации или слиянии с фашистской партией. Подлежали роспуску все юношеские и детские организации, а также различные союзы, примыкавшие к буржуазным партиям. Буржуазные органы печати ликвидировались или включались в систему фашистской пропаганды. 14 июля 1933 г. последовал закон, вообще запрещающий в Германии политические партии, кроме фашистской. Государственный аппарат подвергся кардинальной чистке: сотни тысяч служащих были заменены нацистами. Кровавая банда эсэсовцев специальным указом Гитлера получила особые права: «Принимая во внимание большие заслуги СС, особенно в связи с событиями 30 июня 1934 г., — писал Гитлер, — я возвожу СС в статус самостоятельной организации в системе НСДАП»³.

Наконец, 1 августа 1934 г., в день смерти президента Гинденбурга, последовал завершающий акт. По требованию Гитлера был принят закон «О верховном главе государства в германской империи». Пост президента объединялся в одном лице с канцлером, который стал называться «фюрером и рейхсканцлером». Гитлеру эта должность присваивалась пожизненно. Теперь он «юридически» получал все права неограниченной законодательной и исполнительной власти. Он превращался в абсолютного диктатора на неограниченный срок. И, выступая через неделю на фашистском собрании в Нюрнберге, «фюрер и рейхсканцлер» заявил: «...теперь форма правления Германии определена на тысячелетие».

Военная верхушка горячо приветствовала все эти «нововведения». Не прошло и 24 часов после смерти Гинденбурга, как военный министр отдал приказ о приведении армии к присяге «фюреру Адольфу Гитлеру». 2 августа присягу приняли во всех гарнизонах. Ее текст составил Рейхенау, продиктовав его офицеру своего отдела

¹ Нюрнбергский процесс... т. I, стр. 91.

² Там же, стр. 100.

³ Там же, стр. 86.

майору Ферчу¹. Каждый солдат давал «клятву перед богом» посвятить жизнь «честному служению фюреру германского рейха и народа Адольфу Гитлеру, верховному главнокомандующему вермахтом». Не народу и отечеству, как требовала присяга Веймарской республики, а Гитлеру. И когда состоялся фашистский парад по поводу открытия вновь избранного рейхстага, вместе с эсэсовцами перед трибуной «вождя» старательно маршировали части рейхсвера.

Так завершился цикл истории германского милитаризма, начавшийся в 1919 г.

Путь контрреволюции и реванша, агрессии и подрыва демократии закономерно привел германскую военщину к фашистской диктатуре. Теперь оруженосцы третьего рейха открыли себе прямую дорогу к подготовке агрессии мирового масштаба.

Сразу после установления фашистской диктатуры начались золотые дни германской военщины. Дело не только в том, что милитаристы с удесятеренной энергией, с вдохновением и фанатизмом приступили к тому, о чем так давно мечтали, к чему стремились в «годы прозябания» и ради чего помогали Гитлеру прийти к власти: к прямой подготовке войны. Дело и в том, что теперь, в медовые месяцы нового режима, они получили такие права, о которых прежде никто из них и не мечтал. Они торжествовали, их самодовольные физиономии не сходили с полос газет и журналов.

Вновь созданный высший руководящий орган для подготовки «тотальной войны» — имперский совет обороны возглавил военный министр Бломберг. Он получил в мирное время чин фельдмаршала. Подобные случаи были очень редки в германской военной истории. Ему подчинялись в вопросах, касающихся деятельности совета, министры: иностранных дел, хозяйства, финансов — Нейтрат, Шмидт, Шверин-Крозиг и другие. Даже сам всемогущий доктор Геббельс формально входил в совет лишь на правах его члена, как министр пропаганды. О такой иерархии, когда на вершине — их руководитель, а министры — ступенью ниже, германские военные не думали даже в дорогие их сердцам кайзеровские времена.

Правда, номинально председателем имперского совета считался Гитлер, а Бломберг был его заместителем. Но доверие фюрера генералам было столь велико, что Гитлер передал все права военному министру, разрешив ему отдавать распоряжения от его, фюрера, имени. Он приказал Бломбергу нести полную ответственность за все дела совета и за реализацию его решений.

На заседания совета обычно приглашались крупнейшие промышленники, высшие чиновники государственного аппарата, руководители отраслей хозяйства. Постоянный рабочий орган имперского совета — «рабочий комитет» из представителей ведущих министерств — возглавлял опять-таки генерал — Рейхенау (в 1935 г. его сменил генерал Кейтель). Комитет в обстановке полной секретности обсуждал наиболее важные текущие вопросы подготовки войны.

¹ G. Buchheit. Soldatentum und Rebellion. Raslatt/Baden, 1961, S. 6.

Имперский совет обороны организационно закрепил слияние военной верхушки с нацистским государственным аппаратом и магнатами крупной промышленности. Власть военных возросла еще больше, после того как Гитлер официально передал Бломбергу свое право военного законодательства. Теперь военный министр вообще занял исключительное положение. Обладая не только исполнительными правами, но и некоторой частью законодательных прав, он отвечал только перед Гитлером. Военные могли непосредственно влиять на политику и экономику государства, направлять материальные ресурсы и усилия всех и вся к нужной им цели, координировать планы министерств, главных отраслей промышленности, предприятий и т. п. Установилось господство фашистского империалистического милитаризма.

21 мая 1935 г. Гитлер издал закон «Об обороне рейха», введший для координации экономических усилий должность генерального уполномоченного по военной экономике. Им стал министр экономики и президент рейхсбанка Шахт. Ему подчинялся ряд гражданских министерств и ведомств. Шахт имел личный штаб во главе с видным представителем монополистических кругов Вольтамом.

Учреждение новой должности не умаляло и не ограничивало сферу деятельности Бломберга и высших военных: Шахт и Вольтат, как члены имперского совета обороны, опять-таки подчинялись Бломбергу, который, таким образом, полностью сохранял свое влияние на них и на подчиненные им отрасли экономики. В руках военного министерства, т. е. все того же Бломберга, оставалось прямое руководство военной промышленностью, на которую компетенция Шахта не распространялась. Кроме того, военный министр непосредственно направлял деятельность военных предприятий через военно-экономический штаб своего министерства во главе с генералом Томасом. С помощью промышленников в 1935 г. была создана «военно-хозяйственная организация», возглавляемая штабом Томаса, с которым тесно сотрудничали руководители военных концернов. Представители «И.Г. Фарбениндустри» совместно со штабом выработали вскоре детальнейший план выпуска продукции, рассчитанный на военное время. Имперский совет через «генерального уполномоченного по военной экономике» осуществлял еще более глубокое влияние военных на все отрасли хозяйства. Так складывался типичный для фашистско-милитаристского государства военно-промышленный блок, обладающий колоссальными возможностями. Он таил в себе угрозу бросить народ в военные авантюры. Он стимулировал политику напряжения, кризисов, конфликтов.

И не случайно Рейхенау, получив новую должность, провозгласил: «Еще никогда вооруженные силы не были столь тождественны государству, как сейчас».

Совершенно закономерно, что, получив столь обширную власть и такие заманчивые перспективы, военная элита начала перетрачивать свои ряды и тасовать карты. У кормила правления должны были остаться только «свои», иными словами лишь те, кто прежде

доказал свою непоколебимую верность гитлеровской партии или кто при полной лояльности устраивал ее как специалист. Настало время сведения старых счетов, получения новых должностей, интриг, внезапных головокружительных взлетов и падений. Все старались использовать свой час.

Военную верхушку в те годы возглавил Бломберг, человек, преданный нацизму душой и телом. Еще начальником войскового ведомства (1926—1929 гг.), затем командующим 1-м военным округом в Восточной Пруссии, он старательно «воспитывал» войска в духе «национал-социалистских идей» и всегда находился в тесном контакте с фашистской верхушкой. Нацисты ему доверяли, и это предопределило не только назначение Бломберга, но и те почти неограниченные полномочия, которые он получил, совмещая посты военного министра, главнокомандующего вооруженными силами, фактического руководителя военно-экономической подготовки Германии. Ни один германский военный после Бломберга, ушедшего в отставку в 1938 г., не имел столь широких прав и одновременно таких должностей. Бломберг оправдал надежды Гитлера. Он старательно выполнял обещание, данное 1 июня 1933 г. Гинденбургу, «со всей преданностью служить национал-социалистскому движению».

Возглавив армию, Бломберг немедленно вызвал в Берлин своего бывшего начальника штаба Рейхенау, политическая репутация которого в высших нацистских кругах считалась безупречной, и назначил его вместо генерала Бредова начальником «управления министерства рейхсвера» — первым помощником министра и руководителем его политического штаба. Рейхенау немедленно объявил, что главную задачу военного командования он видит в обеспечении «проникновения в армию национал-социалистского духа».

Выдвижение Рейхенау на одну из высших ступеней иерархии вермахта означало, что у руля правления стал безудержный карьерист, склонный к любым авантюрам и беспощадно жестокий. Почуввав, что в «новые времена» выгодно быть не только солдафоном, но и «политиком», он особо подчеркивал свою близость к нацизму. Еще в апреле 1932 г. он добился встречи с Гитлером, изложил ему свои взгляды и в том же году вступил в фашистскую партию. Теперь, имея за плечами уже 50 лет, а на плечах — лишь полковничьи погоны, он лез из кожи вон, чтобы скорее продвинуться. Он использовал все: и связи с промышленниками, с прусскими военными кругами, из которых происходил сам, и любовные интриги, и свои спортивные увлечения, и многое другое. Он преуспел. Быстрое продвижение Рейхенау (за шесть с половиной лет от полковника до генерал-фельдмаршала) свидетельствовало, что в рейхе первым и главным критерием оценки военного была степень его личной преданности Гитлеру, фашистскому строю и его преступным целям. Здесь — неплохая иллюстрация к попыткам некоторых западногерманских историков доказать, будто фельдмаршалы Гитлера чуть ли

не боролись с его режимом или по меньшей мере не во всем поддерживали его.

В конце 1933 г. Бломберг намеревался выдвинуть Рейхенау на пост начальника управления сухопутных сил, т. е. фактического главнокомандующего армией. Нацистская верхушка также хотела иметь на таком посту «своего человека», к тому же более опытного в военном отношении, чем занимавший эту должность генерал Гаммерштейн-Экворт. Но президент Гинденбург отверг кандидатуру Рейхенау из опасения, что с помощью этого напористого честолюбца окончательно лишат его, Гинденбурга, непосредственного влияния на армию. Отказ мотивировался так: в послужном списке Рейхенау не числилось командование полком. «...И я должен теперь доверить ему весь вермахт? — вопрошал Гинденбург. — Исключено». Начальником управления сухопутных сил стал генерал артиллерии Фрич. Он вступил в должность 3 января 1934 г., сознавая, что сразу же приобрел в лице Рейхенау опасного личного врага.

Начальником войскового управления вместо генерала Адама стал генерал Людвиг Бек. Опытный организатор, специалист в делах строительства массовой армии, выходец из семьи крупных промышленников, в те годы он представлялся нацистам вполне «своим». Бек заслуживал такого лестного мнения о себе. Позже выяснилось, что не в пример своим коллегам он оказался более проницательным в прогнозах возможных последствий развязывания Германией мировой войны. Уйдя в 1938 г. с поста начальника генерального штаба сухопутных войск, он затем оказался в числе участников заговора против Гитлера.

Опыт мировой войны подсказывал фашистским военным законам, что плохое взаимодействие между сухопутными силами и военно-морским флотом объяснялось отсутствием единой высшей инстанции, координирующей действия трех видов вооруженных сил. Развитие авиации в 20-е годы еще более утвердило Гитлера и его помощников в намерении создать единый командный и штабной орган, стоящий над главными командованиями армии, флота и авиации. Имея под своим контролем подобный орган, Гитлер мог не допускать сосредоточения слишком большой власти в руках командования армии (войскового управления и управления сухопутных сил), к чему оно стремилось. Гитлер мог бы противопоставлять в случае необходимости одну группу генералов другой и всегда оставаться господином положения в любых критических ситуациях, которые неизбежно создавало наполненное многочисленными интригами бытие фашистской верхушки.

Первые шаги, сделанные в этом направлении в феврале 1934 г., состояли в том, что управление министерства рейхсвера было преобразовано в военно-политическое управление вооруженных сил с широкими функциями, включая разведку и руководство военной экономикой. Созданный в новом управлении отдел оперативного руководства под шифром «L» («Landesverteidigung») приобретал функции личного штаба верховного главнокомандующего, стоящего

над штабами трех видов вооруженных сил. Впоследствии на базе этого органа возник штаб оперативного руководства верховного командования, сыгравший большую роль в планировании походов второй мировой войны.

Первые два года фашистского господства ознаменовались бурным ростом вооружений. В Лондоне, Париже и в других европейских столицах не то чтобы не видели, как Рур снова кует оружие, но просто деликатно не замечали, как заводы по ту сторону Рейна спешно меняют ассортимент продукции. При молчаливом согласии западных держав Гитлер быстро вел дело к разрыву версальских военных ограничений, постоянно нарушаемых и прежде. В конце 1934 г. нацистская пропаганда подняла невероятный шум, требуя «равенства Германии в вооружениях» и отмены «версальского диктата». Англия и Франция не только не воспротивились нажиму, но пошли навстречу гитлеровским притязаниям: в начале февраля 1935 г. правительства обеих держав договорились о расширении сотрудничества с нацистским рейхом. Гитлеровская клика немедленно перешла к действиям: вскоре Берлин объявил об отказе от военных статей Версальского договора и о создании военной авиации.

И вот настал день, которого германская военщина ждала более 15 лет. Фюрер заявил: Германия создает массовые вооруженные силы на основе всеобщей воинской повинности. 16 марта 1935 г. газеты и радио третьего рейха оповестили мир: принят «Закон о строительстве вермахта».

«1. Служба в вермахте осуществляется на основе всеобщей воинской повинности.

2. Немецкая армия мирного времени, включая военную полицию, состоит из 12 корпусных командований и 36 дивизий.

3. Окончательный приказ о регулировании всеобщей воинской повинности будет дан министерством рейхсвера»¹.

Взрыв ликования в стане военщины, ослепительные парады, громоподобные речи фюреров всех мастей, поток прославления «побед германского оружия» в прошлом, новая волна шовинизма — все это стало зловещим аккомпанементом ускоряющемуся ритму движения Германии к войне. Бломберг писал в «Фелькишер беобахтер» по поводу нового закона: вермахт «будет достоин того доверия, которым он пользовался до настоящего времени, верный своей клятве, данной Адольфу Гитлеру»².

Фашизм потребовал от немецкого народа служить идолу войны, рассматривать казармы как главный центр воспитания, образования и вообще выработки всего того бесконечно узкого и упрощенного, что укладывалось в нацистское понимание «интеллекта». Появившийся в мае 1935 г. так называемый «Закон об обороне» гласил: «Вермахт является оруженосцем и школой солдатского воспитания немецкого народа». Оставалось лишь возродить культ генерального

¹ Dokumente der Deutschen Politik. Bd. 3. Berlin, 1939, S. 63.

² Ibidem.

штаба. И когда 4 июля 1935 г. войсковое управление, в неофициальной форме выполнявшее генштабовские функции уже добрый десяток лет, было переименовано в генеральный штаб сухопутных сил, германский милитаризм смог отпраздновать еще одну победу.

Это было и торжество, и вызов. Никакая другая военная организация в Европе, столетиями насыщенной военными бурями, не сделала так много в подготовке и ведении агрессивных войн, как германский генеральный штаб. И ни один военный институт не пользовался такой зловещей репутацией, не вызывал такой ненависти и такого страха многих народов, как эта вышколенная, педантичная, лишенная в своем мышлении иных категорий, кроме наступательной войны и всего с ней связанного, ледяная громада германского генерального штаба. В руках фашистских погромщиков опасность этой колоссальной жестокой машины, с колес которой, казалось, струится кровь, удесятерялась.

Теперь все стало на свои места. Во главе — «военный министр и верховный главнокомандующий» Бломберг. Рангом ниже — три главнокомандующих (армией, флотом, авиацией) — Фрич, Редер, Геринг. Еще ниже по длинной, но четко разработанной иерархической лестнице — все те, кто составлял главную опору, основное ядро всей милитаристской системы: спаянные едиными традициями, общей идеологией, исполненные ревностного послушания фюреру командующие, командиры, офицеры генерального штаба, — словом, все оруженосцы третьего рейха. Это к ним, своим оруженосцам, обратился фюрер 7 ноября: «Вермахт отныне и на все будущие времена стал носителем германского оружия и наследником его традиций».

«На все будущие времена!» Сколько же им осталось этих времен? Они верили, что в тысячелетнем рейхе будет тысячелетний вермахт. И уж конечно в когтях гестапо оказался бы всякий, кто вздумал бы тогда предсказать, что вермахту после его создания оставалось жить ровным счетом десять лет.

II

Сразу же после того, как высшая система военного руководства оформилась, внутри ее инстанций и звеньев обнаружились противоречия и трения.

Генеральный штаб сухопутных сил, с конца XIX столетия пользовавшийся непоколебимым авторитетом в области подготовки войн, теперь вынужден был отдать самые важные из прав и привилегий военному министерству, которое принимало на себя не только военно-организационные, но и военно-стратегические функции.

Кроме того, главные командования и штабы военно-морского флота и военно-воздушных сил получили равные права с генштабом сухопутных сил, что еще больше ущемляло его прежде ни с кем не делимый авторитет. В полном соответствии с духом фашистского режима началась глухая борьба генерального штаба сухопут-

ных сил за руководящую роль в высшем командовании, которая со временем вылилась в острое соперничество между командованием сухопутных сил и штабом верховного руководства, между армейским и авиационным командованием. Геринг, как главнокомандующий ВВС и как «второе лицо в партии и государстве», использовал свои широкие права для обеспечения особого положения авиации, стараясь сделать ее изолированным видом вооруженных сил. Руководство армии получило еще один удар, когда прежде имевшиеся в сухопутных силах «воздушные войска» и зенитная артиллерия перешли в подчинение Геринга и его ближайшего помощника Мильха, когда из войскового управления во вновь созданное министерство авиации ушла группа квалифицированных специалистов (среди них — будущие командующие воздушными флотами Шперрле, Штудент, Граурт, Фолькман). Созданием собственного генерального штаба Геринг в полной мере противопоставил свой вид вооруженных сил армии.

Первый начальник штаба ВВС генерал Вевер и его преемники Кессельринг, Штумпф и Ешонек приложили немало усилий, чтобы повысить боеспособность авиации и сделать ее «решающим фактором будущей войны». Они доказывали, что ВВС обладают более высокими качествами, чем армия, и очень сдержанно сотрудничали с генеральным штабом сухопутных сил. Офицеры авиации, вслед за своим главнокомандующим и генеральным штабом, стали с определенной долей пренебрежения относиться к армии. В решении многих важнейших вопросов Геринг нередко противостоял Бломбергу, Фричу и Редеру. Даже влияние Бломберга постепенно стало тускнеть, когда поднимал голос Геринг. Одним из результатов «возвышения» ВВС стали трудности регулирования взаимодействия между авиацией, армией и флотом.

У руководства военно-морских сил отношения с Герингом обострились в связи с провозглашенным им принципом: «все, что летает, принадлежит нам». У флота была изъята морская авиация. И хотя решение Геринга вызвало протест Редера, авиация ВМФ осталась в подчинении главнокомандующего военно-воздушными силами. Влияние военно-морского руководства на подготовку персонала морской авиации свелось к минимуму, особенно после того, как в 1938 г. штаб ВВС объявил, что он отвечает за подготовку как сухопутной, так и морской авиации¹.

Противоречия среди военной верхушки обострялись еще и потому, что Фрич и Бек возражали против объединения всего военного руководства верховным главнокомандующим, имевшим и политическую и военную власть. Генерал Бек считал, что главнокомандующим по старой традиции должен стать командующий сухопутными силами, а генеральный штаб сухопутных сил, как и раньше, призван быть высшим и единственным главным штабом.

¹ E. Raeder. Mein Leben, S. 264.

Бек требовал особо привилегированной роли командования армии не только в военных, но и в политических вопросах, его активного участия в разработке внешнеполитического курса и экономических программ. Фрич заявлял, что, поскольку руководство войной для Германии — это «в первую очередь ведение сухопутной войны», операции флота и авиации «должны направляться армией»¹. Он стремился объединить в одних руках командование вермахтом и командование сухопутными силами, сделать генеральный штаб сухопутных сил одновременно высшим планирующим и руководящим военным органом². Но так как Фрич не сомневался, что во время войны Гитлер станет единоличным верховным главнокомандующим, то постоянным намерением генерала было превратиться в первого военного советника фюрера, в лицо, особо приближенное к его персоне³.

Расчеты командования сухопутных сил нашли отражение в нескольких меморандумах начальника генерального штаба Бека на имя главнокомандующего сухопутными силами. В первом из них, составленном еще в декабре 1935 г., Бек требовал, чтобы Фрич получил право как в мирное, так и в военное время быть «первым и единственным советником верховного главнокомандующего вооруженными силами во всех решающих вопросах ведения сухопутной войны»⁴.

Предложение Бека не нашло поддержки нацистской верхушки по двум причинам.

Во-первых, Гитлер понимал, что будущая «большая война» неизбежно выйдет за рамки сухопутных театров Европы и что для ее ведения потребуются мощные не только сухопутные силы, но и морской флот, и авиация. Уже одно это не позволяло ему согласиться с требованиями Бека и Фрича.

Но был и другой мотив: Гитлер и нацистская верхушка, доверявшие генералам, со временем стали проявлять все меньше желания делить с ними всю полноту военно-политического руководства и усиливать генералитет до бесконечности за свой счет. Это исключалось, ибо Гитлер и нацистская камарилья в условиях, когда пусть даже отдельные генералы стали проявлять колебания и писать всякие меморандумы, стремились все более прочно держать в своих руках рычаги господства над вооруженными силами. Именно поэтому претензии и демарши армейского руководства не могли иметь никакого успеха у жадной до власти фашистской господствующей клики.

Бломберг, не случайно получивший кличку «резиновый лев», конечно, целиком поддержал Гитлера. Он считал, как до поры до времени и фюрер, что подготовку к войне и руководство ею должен осуществлять главнокомандующий вермахтом, т. е. он, военный ми-

¹ G. Buchheit. Op. cit. S. 62.

² W. Foerster. Generaloberst Ludwig Beck. München, 1953, S. 40.

³ G. Buchheit. Op. cit. S. 61.

⁴ W. Foerster. Op. cit. S. 40.

нистр. Бломберг еще не знал, что через два года фюрер отшвырнет его и назначит главнокомандующим самого себя. А пока «резинковый лев» плел интриги и вел хитрую игру, используя все тот же нацистский принцип: «разделяй и властвуй». Он решил для начала противопоставить штабам сухопутных сил и ВВС свой штабной орган, способный выполнять оперативные функции генштаба, но в более широких масштабах. Вскоре стало заметным повышение роли отдела оперативного руководства, возглавляемого генералом Иодлем. На отдел постепенно возлагалось стратегическое планирование в рамках всех трех видов вооруженных сил, т. е. армии, флота и авиации.

Уже в середине и особенно во второй половине 30-х годов военное министерство принимает на себя функции оперативно-стратегического характера, присущие генеральному штабу. Постепенно возвышаются две доселе малоизвестные фигуры из отдела оперативного руководства: генерал Иодль и его помощник полковник Варлимонт, ставшие со временем главными советниками верховного командования по военно-стратегическим вопросам. Они-то и должны были по замыслу сделаться неким противовесом штабу сухопутных сил в решении оперативных проблем.

Противоречия в военной верхушке касались не только организации командования, но и взглядов на характер подготовки войны.

Гитлер требовал как можно скорее развернуть силы, чтобы иметь в руках надежный инструмент военного решения всех своих внешнеполитических задач.

Бек и Фрич, разделяя агрессивные планы Гитлера, вместе с тем не соглашались с ним в частностях. Бек настаивал, чтобы Германия вела более тщательную, всестороннюю, а следовательно, и более продолжительную подготовку к войне. Он возражал против крайностей и ратовал за постепенность и методизм в наращивании усилий, за продуманное создание внешнеполитических условий для развязывания агрессии. Бек очень боялся войны на два фронта. Внешнеполитическую изоляцию отдельных стран и разгром их поодиночке он считал идеальным путем реализации замыслов германского империализма. Он связывал каждый успех с заключением политической сделки с правящими кругами западных держав, и в первую очередь с Англией.

В начале 1937 г. Бек предостерегал гитлеровских заправил о возможности национальной катастрофы в будущей войне, если ее развяжут без достаточной подготовки. «На карту поставлены последние решения о существовании нации»¹, — писал он в меморандуме от 16 июля 1938 г.

Конечно, было бы наивным изображать начальника генерального штаба гитлеровской армии неким пацифистом. Ни он, ни Фрич вообще никогда не возражали гитлеровской политике приготовлений

¹ W. Foerster. Ein General kämpft gegen den Krieg. München, 1949, S. 122.

к агрессии. Бек вел речь лишь о методах подготовки надежного инструмента войны.

В меморандуме от 28 мая 1938 г. он заявил: «Верно, что Германии необходимо более обширное жизненное пространство как в Европе, так и в колониях. Первое можно приобрести только путем войны»¹. Но он боялся опрометчивых действий, в частности аннексии Чехословакии, которая, по его мнению, может вызвать вмешательство западных держав и войну с ними.

Попытки Бека более или менее трезво оценить шансы гитлеровской Германии в будущей мировой войне не встретили поддержки ни в среде военного руководства, ни у нацистской верхушки. 27 августа 1938 г. он ушел в отставку.

Выступление Бека — не голос фрондера-одиночки. Он выражал точку зрения наиболее осторожных групп германской буржуазии и сочувствующих им военных. Это были люди, готовые отдать силы для укрепления господства германского империализма в его фашистском варианте, для отвоевания прежних мировых военно-политических позиций и захвата новых. Но этих людей шокировали и пугали методы и темпы, с которыми действовали нацисты. «Шлохо не то, что мы делаем, а то, как мы это делаем», — писал Бек.

С именем Бека связано зарождение элементов оппозиции среди узкого круга военных, вызванное опасениями слишком радикального решения внешнеполитических проблем, стоящих перед Германией.

Эта оппозиция, значение которой ныне преувеличено буржуазной историографией, имела, по крайней мере на раннем ее этапе, ту особенность, что отличалась инертностью. Дело не в том, что те, кого обычно причисляют к участникам заговора, не собирались провести немедленно государственный переворот или убить Гитлера, хотя наиболее решительные из них, прежде всего заместитель Канариса Остер, по крайней мере теоретически, не исключали и этого. Дело в том, что по своей классовой направленности и по своим целям оппозиция не могла иметь никаких шансов и перспектив.

Во-первых, она ни сейчас, ни позже не ставила перед собой задачу изменить общественно-политический строй Германии в таких масштабах, которые позволили бы стране избавиться от самоубийственной авантюристической внешней политики.

Во-вторых, она не пыталась расширить социальную базу противодействия замыслам режима даже в самых ограниченных рамках, замыкаясь в себе самой и в своих размышлениях.

В-третьих, отражая интересы консервативной крупной буржуазии и некоторых ее либеральных кругов, оппозиция мечтала лишь о переориентации внешней политики рейха, которая позволила бы избежать войны с западными державами, прежде всего с Англией и Францией. Однако, поскольку она оставляла открытой дверь для войны с Советским Союзом, постольку ее внешнеполитические про-

¹ Г. Ферстер и др. Указ. соч., стр. 298.

екты были в конечном итоге более опасными для Германии, чем проекты тех, против кого оппозиция направляла свою робкую критику.

С точки зрения колеблющихся буржуа, Бек был «трезвомыслящим офицером». По мнению Гитлера и всей нацистской камарильи, включая подавляющее большинство слепо шедших с фюрером военных, Бек был нытиком, паникером и трусом. Poleмика с Беком усилила неприязнь Гитлера к некоторым группам офицеров генерального штаба сухопутных сил и послужила затем одним из поводов к переменам в аппарате военного руководства.

Необходимо проводить четкую грань между взглядами Бека и его сторонников на проблему немедленного развязывания Германией войны за мировое господство и отношением их к национал-социалистским идеям вообще. После войны в буржуазной исторической литературе возникло течение, изображающее Бека борцом против гитлеризма. О том, сколь далека от истины подобная точка зрения, свидетельствуют очень много фактов, которые мы здесь не имеем возможности рассматривать. Но упомянем лишь об одном, самом простом и, пожалуй, неопровержимом: после прихода к власти Гитлер избрал на пост начальника генерального штаба именно Людвига Бека, а не кого-нибудь другого, и Бек никак не по принуждению, а совершенно добровольно пошел служить фюреру.

III

Весьма характерно, что гитлеровская верхушка лихорадочными темпами развевывала в 30-е годы военную экономику под лозунгами «борьбы против большевизма». Знамя антикоммунизма и здесь понадобилось нацистам, чтобы заручиться пониманием и поддержкой Запада, оправдать перед ним свое военно-экономическое перевооружение и подкрепить в Англии и во Франции соглашательские тенденции и взгляды, что только рейх «защитит их от большевиков».

В «Меморандуме об экономической подготовке к войне» (август 1936 г.) Гитлер подчеркивал: «Германия всегда будет рассматриваться как основной центр западного мира при отражении большевистского натиска... Мы не можем уйти в этом отношении от судьбы»¹. В этом меморандуме определились главные контуры политики «тотальной экономической мобилизации».

Основная задача, которую выдвигал Гитлер, прикрываясь фразеологией антикоммунизма и предвещая «истребление германской нации», если его программа не будет выполнена, состояла в том, чтобы превратить вооруженные силы «в смысле боевой подготовки, количества соединений, технического оснащения и в первую очередь идейного воспитания в самую сильную армию мира». Перед этой задачей, уверял Гитлер, все другие требования должны отступить

¹ Совершенно секретно! Только для командования! М., изд-во «Наука», 1967, стр. 43.

на задний план. И только ее решение сможет обеспечить «существование народа и империи». Однако это было лишь средство для достижения цели. «Окончательное решение проблемы» в области экономики он видел в «расширении жизненного пространства», в увеличении германской сырьевой и продовольственной базы путем военной агрессии. Задачу политического руководства он усматривал в том, чтобы «в будущем добиться решения этой проблемы».

Какие же пути предусматривало гитлеровское руководство для перестройки в кратчайшие сроки германской военной экономики?

Анализ меморандума Гитлера показывает, что решения по этому поводу носили сугубо «волевой», волюнтаристский характер.

— Вести экономическую подготовку к войне с «решительностью и беспощадностью».

— Самыми ускоренными темпами развивать производство горючего. Определялся конкретный срок: «наладить производство» за 18 месяцев.

— Обеспечить массовое производство синтетического каучука. Политическое и хозяйственное руководство «не будет ломать себе голову над технологией производства». Сделать «нужно» — и все.

— Создать «крупную собственную экономику в духе автаркии».

— Увеличить собственное производство железа. О том, как выполнить этот последний приказ, фюрер давал «конкретные указания». Они вполне могут служить образчиком хозяйственно-экономической некомпетентности фашистской диктатуры, поверившей во всемогущество своих приказов. «Возражение, что мы не можем производить из нашей железной руды с содержанием железа в 26 процентов такое же дешевое железо, как из 45-процентных шведских железных руд, — писал Гитлер, — не имеет никакого значения, ибо перед нами стоит вопрос не о том, что нам хотелось бы делать, а о том, что мы можем делать... Министерство экономики должно ставить лишь народнохозяйственные задачи, а частные предприятия должны их выполнять».

Аналогичные «указания» Гитлер давал и в отношении ряда других отраслей экономики, требуя отныне «с железной решимостью осуществлять стопроцентное самоснабжение во всех областях, в которых это возможно».

Полное самоснабжение, прежде всего в стратегическом сырье, Гитлер считал главным условием военно-экономической независимости Германии, столь необходимой во время войны. Оно вместе с тем рассматривалось как способ сбережения валютных фондов, необходимых в мирное время для закупки и ввоза продовольствия из-за границы.

Вся структура экономики Германии сдвигалась, приобретая уродливые формы. Она работала исключительно на войну и без такой работы не могла функционировать. Складывалась порочная схема: в мирное время все переключено на военное производство, средства снабжения закупаются за границей. Но поскольку так долго про-

должаться не может, война необходима в самом ближайшем будущем. Она приведет к захватам обширных источников продовольствия, сырья и решит все экономические проблемы. Оказывалось, что сама структура экономики требует войны как необходимого этапа своего развития. «Я ставлю следующие задачи, — писал в конце меморандума Гитлер, — 1) через четыре года мы должны иметь боеспособную армию, 2) через четыре года экономика Германии должна быть готова к войне»¹.

Четыре года казались Гитлеру и его сообщникам тем сроком, в течение которого, с одной стороны, Германия сумеет вооружить массовую армию, а с другой — еще не наступит кризис в результате диспропорционального развития экономики. Возможности развития германской экономики на основе принципа самоснабжения крайне переоценивались.

Позиции милитаристской верхушки в руководстве военной экономикой еще больше усилились. Всеми делами вершили имперский совет обороны и военно-экономический штаб. В то же время министр экономики Функ отвечал только за отрасли промышленности, не относящиеся к производству вооружения.

Конечно, военные не могли в специальной области сделать и шага без промышленников, руководителей корпораций и их представителей в различных инстанциях. Монополии активно наталкивали государственный и военный аппараты на важные военно-политические меры. Концерн «И.Г. Фарбениндустри» первый наиболее четко сформулировал в 1935 г. мысль о необходимости разработать единую военно-экономическую организацию в государственном масштабе. Когда она вскоре появилась на свет, в ней стал безраздельно царить милитаристский дух: вся ее деятельность направлялась военщиной, причем порой настолько малокомпетентно, что в кризисные моменты создавались разрывы между внешнеполитическими целями и экономическими возможностями.

И не удивительно: всю подготовку германской экономики к войне возглавил с октября 1936 г. Геринг, ставший «уполномоченным по осуществлению четырехлетнего плана». С тех пор он входил в состав уже всех высших государственных и нацистско-партийных инстанций и везде мог давать директивные указания. Геринг заявил Шахту, что за четыре года он «подготовит всю экономику страны к войне». И хотя познания Геринга в экономике равнялись нулю, нацистскую верхушку это не смущало: с ее точки зрения, руководство военной экономикой являлось исключительно «вопросом воли»².

Геринг со своим аппаратом вскоре оказался в том центре, который связывал военно-экономическую деятельность военщины с монополиями и государственным аппаратом. Еще в 1934 г. он говорил Крушпу: «Вы даже не имеете представления, как велики те заказы,

¹ Совершенно секретно!.. стр. 51—52.

² См. «Вопросы истории», 1970, № 5, стр. 88.

которые вас ожидают. Ради них стоит сейчас пойти на некоторые жертвы. Перед интересами усиления нашей военной мощи отступают на задний план экспортные интересы даже такой почтенной и уважаемой фирмы, как «Крупп». И действительно, «почтенная и уважаемая фирма» не прогадала: крупные государственные вложения обеспечили ей и другим концернам колоссальные прибыли.

Принятый в сентябре 1936 г. четырехлетний план подготовки Германии к войне носил отпечаток той некомпетентности в оценках перспектив глобального развития, соотношения социально-политических, экономических и военных сил в Европе и во всем мире, которыми отличалось мышление нацистской верхушки. План исходил из стратегической концепции ведения кратковременных, молниеносных войн. Поэтому он не предусматривал накопления сырьевых запасов, крупных капиталовложений в промышленность, перспективного расширения фундамента военной экономики. Все подчинялось задачам непосредственного развертывания одного мощного эшелона вооруженных сил, создания инструмента «одного сокрушительного удара».

Никто не думал, что надеяться на успех в войне с крупными державами, не создавая мощных экономических резервов, обладая ограниченными ресурсами, сырьевыми запасами и не планируя фундаментального развертывания экономики с большой перспективой, означало впасть в беспросветный авантюризм.

Однако тотальная организация экономики в условиях крайнего перенапряжения ресурсов страны вскоре стала давать свои результаты. Если в 1933 г. в Германии было выплавлено 5 247 тыс. тонн чугуна и 7 432 тыс. тонн стали, то в 1939 г. — соответственно 18 194 тыс. и 22 394 тыс. тонн. В 1939 г. Германия, включая Австрию и Судетскую область, произвела 66 318 млн. киловатт-часов электроэнергии¹. Позже существенный прирост военно-экономической мощи рейха дал захват Австрии и Чехословакии. Добыча железной руды увеличилась на 34,6 процента, нефти — на 11,3, целлюлозы — на 42 и выплавка стали — на 11,6 процента². Больших успехов добилась Германия в производстве алюминия, превывсив перед войной на 28 процентов мировое производство. Добыча каменного угля в 1939 г. достигла (включая Австрию и Чехословакию) 200 млн. тонн. За шесть предвоенных лет на вооружение было израсходовано 90 млрд. марок, причем только за 1938—1939 гг. — 18,4 млрд.³ Заметим, что в течение этих двух лет Англия израсходовала (в переводе на марки) 4,9 млрд., Франция — 2,3 млрд., Италия — 0,9 млрд.⁴ Германские расходы на вооружение к 1939 г. увеличились по сравнению с 1933 г. в десять раз.

¹ См. Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг. М., Изд-во иностранной литературы, 1956, стр. 30.

² См. И. М. Файнгар. Очерки развития германского монополистического капитала. М., Соцэкгиз, 1958, стр. 239—294.

³ Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг., стр. 23.

⁴ В. В. Размеров. Экономическая подготовка гитлеровской агрессии. М., Изд-во ИМО, 1958, стр. 46.

Расширение военного производства происходило за счет любого развития экономики. Колоссальный рост государственного долга, усиление налогового пресса, сокращение народного потребления, обострение экономических трудностей — такой ценой Германия форсировала подготовку войны. Наряду с этим росли прибыли монополий, работавших на военное производство. Доходы предприятий Круппа, например, увеличились с 118 млн. рейхсмарок в 1933 г. до 394 млн. тех же марок в 1939 г.; доходы концерна «И.Г. Фарбениндустри» — с 113,2 млн. марок в 1935 г. до 227,3 млн. марок в 1939 г. Чистая прибыль концерна «Ферейнигте штальверке» в 1932—1933 гг. составляла 6,28 млн. марок, а в 1938—1939 гг. — 27,6 млн. марок¹.

Но пропорционально темпам роста военной экономики в ней обнаруживалось все больше узких мест. Самой серьезной трудностью для военно-экономической подготовки Германии был недостаток стратегического сырья и материалов². Согласно подсчетам экономиста ГДР Г. Гембергера, накануне войны из 27 видов важнейших стратегических материалов Германия могла полностью обеспечить вооруженные силы только тремя. Целиком отсутствовали 16 видов материалов, 6 видов удовлетворяли потребность лишь наполовину и лишь 2 вида (алюминий и магnezия) Германия могла экспортировать. Особые затруднения испытывал рейх в железной руде. В 1939 г. ее добывалось 17 612 тыс. тонн. Такое количество не удовлетворяло и половины потребностей³. Ведущее место в обеспечении рудой занял экспорт из Швеции. Значительную роль в экспорте руды в Германию играли Франция и ее колонии (6—7 млн. тонн в год), Норвегия, Бельгия, Люксембург⁴.

Накануне войны Германия почти не имела легирующих металлов, особенно вольфрама, никеля, необходимых для производства стали. Отсутствовало большинство цветных металлов. Так, потребность в меди покрывалась из собственных запасов только на 8 процентов, в олове — на 2 и в никеле — на 7 процентов⁵. Остальное приходилось ввозить. Угольный баланс Германии был также напряженным, хотя Рурско-Вестфальский район в целом обеспечивал базирующуюся в Западной Германии военное производство (он давал более 80 процентов всей имперской добычи угля)⁶.

Подготовка к войне в значительной мере ограничивалась недостатком горючего и каучука. По нефти Германия находилась в полной зависимости от ввоза⁷. Хорошо налаженное концерном «И.Г. Фарбениндустри» производство синтетических продуктов все

¹ См. А. А. Галкин. Германский фашизм. М., изд-во «Наука», 1967, стр. 89, 90.

² См. И.М. Файнгар. Указ. соч., стр. 246.

³ См. там же, стр. 246, 410.

⁴ См. там же, стр. 247.

⁵ См. Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг., стр. 249.

⁶ См. там же, стр. 250.

⁷ См. там же, стр. 253.

же не могло покрыть всю потребность. Правда, положение с искусственным каучуком перед войной несколько улучшилось. Если в 1938 г. его было произведено 5040 тонн, то в 1939 г. — 22 176 тонн¹.

Более или менее полно была обеспечена Германия легкими металлами и сплавами, особенно алюминием, по выработке которого она заняла первое место в капиталистическом мире. Ведущий концерн «Фаваг» после 1937 г. выпускал более 100 тыс. тонн алюминия в год².

Несмотря на крайнее, сверх всяких норм и пределов, перенапряжение экономики и финансов фашистской Германии, она не смогла выполнить четырехлетний план по ряду важных показателей.

Ее военные лидеры «выжали» из экономики очень многое: они оснастили мощные вооруженные силы. Но, по выражению генерала Томаса, это были «ударные силы первой волны», пригодные лишь для «стремительного молниеносного удара».

В военно-экономическом отношении Германия сумела подготовиться главным образом к ведению кратковременных, молниеносных войн в Европе. Она не обладала необходимым потенциалом для затяжной войны мирового масштаба.

IV

Той же самой цели — создать совершенный инструмент агрессии, пригодный для быстрой сокрушительной победы, но не для затяжной изнурительной войны наподобие 1914—1918 гг. — подчинялся и весь ход строительства вооруженных сил в шестилетний период после 1933 г.

«Все для вермахта» — лозунг, объявленный Гитлером как высший принцип на ближайшие годы, проводился в жизнь неукоснительно и с дьявольской энергией.

Еще в 1932 г. нацистская верхушка приняла пятилетний план развертывания армии (план «А») до численности 21 дивизии — 300 тыс. человек³. Но уже в начале 1934 г. Гитлер потребовал перенести срок выполнения плана с 1937 г. на осень того же 1934 года. Казалось бы, столь интенсивное расширение не под силу рейхсверу. Но именно теперь милитаристы стали пожинать плоды своей длительной и давней работы по тайной подготовке кадров.

То обстоятельство, что условия Версальского договора о 12-летнем сроке службы в рейхсвере фактически никогда не соблюдались (в действительности служба не превышала 5—6 лет) и что официально разрешалось ежегодно увольнять из армии по разным причинам до 5 тыс. человек, позволило командованию рейхсвера

¹ Der deutsche Imperialismus und der Zweite Weltkrieg, S. 239.

² См. И. М. Файнгар. Указ. соч., стр. 249.

³ Мюллер-Гиллебрандт. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. Т. 1. М., Изд-во иностранной литературы. 1956, стр. 25.

скрытно накопить к 1933 г. хорошо обученный резерв из более чем 150 тыс. человек. Призвав этот резерв, правда пока под видом добровольцев, министерство рейхсвера смогло быстро увеличить армию в 2,5 раза. Но для осуществления захватнических планов нацистам нужна была, конечно, многомиллионная армия. Ее создание в короткие сроки зависело от общих мобилизационных возможностей Германии и от наличия обученного контингента.

Здесь необходимо отметить одно важное обстоятельство. Многие современные историки и мемуаристы ФРГ, говоря о быстром превращении рейхсвера в массовую армию после 1933 г., проводят мысль, будто основой ее создания была только 100-тысячная, официально разрешенная Версальским договором армия Веймарской республики.

В действительности же развертывание массовых вооруженных сил нацистами осуществлялось не на базе 100-тысячной армии, а на гораздо более широкой основе, созданной милитаристами в предшествующие годы.

Мобилизационные возможности Германии к 1934 г. были достаточно высокими: в армию военного времени в случае необходимости можно было призвать 27 возрастов, свыше 8 млн. человек, или минимум 14—15 процентов населения. Но дело заключалось, разумеется, не только в потенциальных возможностях мобилизации людского контингента, но и в степени его обученности. Здесь-то сыграла решающую роль та длительная, упорная и скрытая работа, которая проводилась в 1919—1932 гг. Фюрер имел все основания отблагодарить генералов. Они положили к его ногам то, чего он не мог бы получить без них еще долгие годы, как бы ни старался: массовые обученные резервы. Значительная часть мужского населения Германии оказалась теперь в той или иной степени обученной военному делу. И хотя степень подготовки призывного контингента была различной, без такого вклада военных вряд ли Гитлер смог бы развязать в 1939 г. мировую войну.

Главные источники, из которых гитлеровцы в 1934 г. могли призывать под знамена со свастикой имевших военную подготовку людей, составляли рейхсвер, штурмовые и охранные отряды, полиция, многочисленные добровольческие и спортивные военные союзы и т. п.

Рейхсвер, официально насчитывавший 250 тыс. человек, имел непомерно много командного состава: 4291 офицера, 20 840 унтер-офицеров, 21 тыс. старших ефрейторов, 17 тыс. ефрейторов. Иными словами, 63 131 человек, или 25 процентов официальной численности рейхсвера, представляли собой командный состав. Не нужно было обладать военными познаниями, чтобы понять, что столь внушительная армия командиров — это крепкий остов, опираясь на который будет разрастаться огромная многомиллионная армия.

Полиция имела около 150 тыс. обученных. Штурмовые отряды (СА), которые начали формироваться еще в 1920 г., к 1934 г. вы-

росли до 2,5 млн. человек¹. Штурмовики проходили регулярную военную подготовку под руководством офицеров рейхсвера. Охранные отряды (СС), возникшие еще перед приходом фашизма к власти как «личная гвардия» Гитлера, в 1933 г. состояли из 52 тыс. хорошо обученных головорезов². Ко всему этому нужно прибавить различные формирования, служившие источником массовых резервов: 1) 400-тысячный «национал-социалистский автомобильный корпус», сформировавшийся главным образом из представителей зажиточных кругов. Чтобы вступить в NSKK, надо было иметь собственную автомашину. Члены корпуса проходили военную подготовку как солдаты будущих моторизованных дивизий. 2) Кадры для кавалерии готовил 200-тысячный «кавалерийский корпус». 3) Еще одним резервом массовой армии была также фашистская организация молодежи («Гитлерюгенд»). В 1935 г. она объединяла до 4 млн. человек. Наконец, нужно сказать о системе трудовой повинности, введенной в 1931 г. во время безработицы³, и о получивших особенно широкое развитие после 1938 г. военизированных спортивных союзах. В 16 спортивных округах и 48 районах «фюреры от спорта» готовили до 5 млн. «спортсменов» — будущих солдат.

Вермахту требовалось для военного времени много офицеров. И здесь работа рейхсвера дала результаты: в короткий срок нацисты получили за счет хорошо подготовленных унтер-офицеров и солдат, офицеров полиции и резервистов свыше 13 тыс. офицеров среднего и младшего звена.

Столь же быстро увеличивался и высший командный состав. Если в 1932 г. рейхсвер имел 44 генерала, то через год их стало 400.

Следовательно, в 1934 г. значительная часть мужского населения Германии, пригодного к военной службе, была в той или иной мере обучена военному делу или знала его основы настолько, что после сравнительно недолгой подготовки могла стать в строй. Предпосылки для создания крупных вооруженных сил военного времени имелись налицо.

Быстрое развертывание рейхсвера в массовую армию отнюдь не представляло собой «чудо-организации», как нередко утверждают исследователи на Западе; оно — закономерный результат политики германского империализма, активной и упорной работы военной верхушки.

¹ Сокращение произошло в результате отделения от СА молодежных организаций Киффгойзербунда, Кернштахельма, Шарнхорста, а также «чистки» СА, которую провел Гитлер («Дело Рема»). (См. Нюрнбергский процесс... т. 6, стр. 585—589).

² См. там же, стр. 103, 126.

³ Люди, выброшенные на улицу, отчаявшиеся в поисках работы и просто неудачники, были собраны в лагерях военного образца. Они вели общественные работы и ежедневно по несколько часов занимались боевой подготовкой под руководством инструкторов рейхсвера. Эти люди (свыше 250 тыс.) быстро поддавались гитлеровской пропаганде. Они всегда готовы были пополнить ряды вооруженных сил.

В 1934 г. гитлеровская Германия завершила формирование сухопутной армии в рамках плана 1932 г.¹ Приказ фюрера генералы выполнили без особых затруднений. Весной и летом 1935 г. были сделаны новые значительные шаги. После отказа 16 марта 1935 г. от военных ограничений Версальского договора и объявления системы всеобщей воинской повинности германский империализм стал действовать еще более решительно и быстро. Ведь ему практически никто не ставил препятствий. Ближайшую задачу военная верхушка видела в том, чтобы увеличить численность сухопутных сил — основы военной мощи рейха. Требовалось много новых пехотных, танковых и моторизованных дивизий. Генеральный штаб пользовался ускоренными методами формирования (деление существующих воинских частей на две половины и пополнение их за счет новобранцев; выделение каждым полком одного батальона для формирования на его базе нового полка; передача кадровым полком части личного состава во вновь создаваемое подразделение и т. д.). Каждый округ (дивизия) формировал 1—2 новые дивизии, которые получали замаскированные наименования. В результате если в 1934 г. в вермахте имелось 24 пехотные дивизии, 22 артиллерийских полка, 3 танковых полка, то через год — 29 пехотных дивизий, 25 артиллерийских, 6 танковых полков (из них затем создали 2 танковые дивизии). Особенно быстро увеличивалось количество соединений пехоты, артиллерии, авиации, а также подразделений ПТО и связи. Медленнее умножались бронетанковые и химические войска.

Одновременно формировались высшие штабы. В 1934 г. семь дивизионных командований рейхсвера превратились в штабы армейских корпусов, (замаскированное наименование «командующий военным округом» оставалось). Вскоре к семи округам добавились: 8-й военный округ под названием «командующий армейской инспекцией Бреслау» и 9-й округ («командующий военным округом Кассель»); кроме того, была введена должность командующего мотомеханизированными войсками (замаскировано — инспектор автомобильных войск) со своим штабом (инспекцией). После принятия закона о создании вермахта маскировочные названия были отменены. Армейские корпуса стали именоваться открыто, как и должности их командиров.

В результате ускоренного формирования количество пехотных дивизий вермахта за четыре года увеличилось более чем в пять раз. К началу 1936 г. сухопутные войска гитлеровской Германии насчитывали уже 638 тыс. человек. Наряду с этим в 1936 г. начала создаваться «армия резерва» — источник пополнения действующей армии во время войны.

В мае 1935 г. военный министр издал директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне, а в октябре того же года — новый мобилизационный план. В июне 1936 г. вышло второе, дополненное издание директивы, предусматривавшей возможность вступления

¹ W. G ö r l i t z. Op. cit. S. 432.

Германии в войну. Директива требовала привести вооруженные, силы в состояние, позволяющее «начать войну внезапным нападением необходимыми силами в момент, когда это потребуется». Третий вариант директивы, изданный 24 июня 1937 г., содержал указания насчет вероятности войны против Польши, Франции и Англии¹.

В мобилизационных планах, составленных в 1935 и 1937 гг. в духе этих директив, предусматривалась не только открытая всеобщая мобилизация, но и «мобилизация без официального объявления» («вариант икс»), проведение которой было разработано генеральным штабом с особой тщательностью². Предложенная система столь массовой скрытой мобилизации в мирное время представляла собой нечто новое в мобилизационных планах, так как все прежние системы предусматривали осуществление главных мер по мобилизации только после ее официального объявления.

В первом разделе мобилизационного плана сухопутных сил от 3 октября 1935 г. (раздел «Основы мобилизационного плана») говорилось: «Мобилизация сухопутных сил подготавливается таким образом, чтобы при ее объявлении значительная часть войск была бы уже готова выступить»³. Собственно, это требование и стало затем основой фашистской системы мобилизации вооруженных сил, позволившей третьему рейху опережать своих противников в нанесении ударов в начале второй мировой войны.

Предусматривались три ступени мобилизации:

1) предварительные меры, которые должны были «создавать основу для благоприятного хода мобилизации как таковой и обеспечить осуществление отдельных мероприятий по мобилизации»⁴; 2) мобилизация без официального объявления («вариант икс»), имевшая целью «обеспечить при соблюдении полной маскировки планомерный ход мобилизации войск»⁵; 3) всеобщая мобилизация, начало которой должно было совпасть с началом войны⁶.

Все основные меры по мобилизации вооруженных сил завершались до начала всеобщей мобилизации. Часть соединений содержалась в мирное время по штатам военного времени или близким к ним («состояние готовности к походу»), представляя собой, по существу, всегда готовый к действиям первый эшелон вооруженных сил, полностью отмобилизованный в мирное время.

Общие принципы мобилизационного плана 1935 г. вплоть до начала второй мировой войны претерпели лишь незначительные изменения.

¹ См. Нюрнбергский процесс... т. II, стр. 324.

² Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725109, д. 220, лл. 1—2.

³ Там же, л. 8.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Во второй половине 30-х годов усиление фашистского вермахта шло нарастающими темпами.

Когда весной 1936 г. была занята демилитаризованная Рейнская зона, находившиеся здесь подразделения «земельной полиции» включились в армию. 24 августа 1936 г. последовало увеличение срока службы до двух лет. Только незначительная часть военнообязанных, призванных осенью 1935 г. на один год в качестве добровольцев, по истечении срока службы получила увольнение.

Армия мирного времени по своей укомплектованности стала приближаться к армии военного времени — явление необычное для международной военной практики тех лет.

Одновременно в 1936 г. началась переподготовка «белого призывного контингента», т. е. возрастов, которые с 1918 г. не проходили военную подготовку. Эти призывники концентрировались в особых запасных подразделениях.

До начала осени 1936 г. милитаристам удалось подготовить «три волны формирований». После этого численность армии в составе 36 пехотных дивизий достигла нормы, установленной «Законом о воинской повинности». Правда, еще не все дивизии имели подразделения, предусмотренные штатом военного времени.

Осенью 1937 г. в Германии приступили к «четвертой волне формирований». Был создан армейский корпус в Нюрнберге. Дивизии, в которых не доставало подразделений по штатам военного времени, получили пополнение. Четыре пехотные дивизии были преобразованы в моторизованные.

После аншлюса Австрии гитлеровское руководство провело дальнейшее значительное увеличение армии. 1 апреля 1938 г. произошло слияние «федерального войска» Австрии с вермахтом. В конце 1937 г. сухопутные силы имели уже 19 армейских корпусов, 51 пехотную дивизию, 14 танковых, 15 артиллерийских полков, 53 подразделения противотанковой обороны и т. д.

Если, согласно мобилизационному плану 1937—1938 гг., полевые войска для армии военного времени насчитывали около 1 400 тыс. человек, то по мобилизационному плану 1939—1940 гг. им предстояло иметь 2 107 996, а с гарнизонами пограничных и укрепленных районов и строительными войсками 2 758 064 человека. Совместно с армией резерва численность сухопутных сил военного времени достигала 3 754 104 человек¹.

Действующая армия, согласно мобилизационному плану 1939—1940 гг., должна была состоять из 102 дивизий (в конце 1938 г. — 71 дивизия), в том числе 86 пехотных, 5 танковых, 4 моторизованных, 4 легко-пехотных и 3 горнострелковых дивизий, 1 кавалерий-

¹ Б. Мюллер-Гиллебрандт. Сухопутная армия Германии, т. I, стр. 79.

ской бригады¹. Численность германской армии перед второй мировой войной составляла в действительности 2760 тыс. человек².

Фашистский вермахт имел относительно стабильное вооружение. Надеясь на скоротечную войну, нацисты считали, что «война должна быть выиграна тем оружием, с которым она была начата»³. Такой принцип диктовался также наличием в германских вооруженных силах военной техники, создававшейся главным образом в последние годы перед войной.

Моторизация и механизация были альфой и омегой всей системы развития вооружения.

Решать проблему моторизации гитлеровская верхушка стремилась на широкой основе развития автомобильной промышленности и автомобилизма в стране в целом. «Никакой моторизации армии без моторизации народного хозяйства», — утверждал теоретик «подвижных войск» Неринг. Еще в начале 30-х годов германское правительство направило крупные средства в автомобильную промышленность, находившуюся до 1932 г. в состоянии глубокого и затяжного кризиса.

Для моторизованной армии требовалось много специалистов автодела. Чтобы привлечь население к автомобилизму, ряд фирм по указанию правительства наладил массовое производство сравнительно дешевых «фольксвагенов». Выпуск и продажа этих автомобилей в первую очередь преследовали цель — подготовить водителей и механиков для танковых и моторизованных дивизий.

Составной частью программы моторизации и подготовки к войне являлось строительство автострад и шоссе. Проводившееся с большим размахом, оно имело, разумеется, прежде всего военно-стратегические цели, хотя прикрывалось ширмой культурного строительства. Программа, принятая в 1933 г., предусматривала за пять — семь лет построить сеть современных автострад и шоссе общей протяженностью 6900 километров, позволявших автомобилям развивать скорость свыше 100 километров в час, а на участках дорог Вестфальского индустриального района — 180—200 километров в час. Строительство автострад и шоссе вела специальная компания во главе с инженером Тодтом. Ее щедро финан-

¹ Б. Мюллер-Гиллебрандт. Сухопутная армия Германии, т. I, стр. 81.

² Там же, т. II, стр. 47. Армия имела 2 770 000 винтовок и карабинов, 126 800 пулеметов и артиллерийское вооружение: противотанковых пушек — 11 200; минометов — 4624; пехотных орудий калибра 75-мм — 2 933; калибра 150-мм — 410; легких полевых гаубиц калибра 105-мм — 4 845; тяжелых гаубиц калибра 150-мм — 2 049; мортир калибра 210-мм — 22. Всего артиллерийских орудий и минометов насчитывалось 26 083 единицы. Запасы боеприпасов к началу войны были ограниченными. Не хватало: винтовочных патронов — 60 процентов; мин — 88—90 процентов; снарядов для 75-мм орудий — 75 процентов; снарядов для 150-мм орудий — 65 процентов; для легких полевых гаубиц — 60 процентов; для тяжелых гаубиц — 45 процентов. Авиация имела запас бомб на три месяца (см. там же, стр. 49; т. I, стр. 161).

³ Итоги второй мировой войны, стр. 343.

сировало государство. К началу войны программа 1933 г. была выполнена.

Танковый парк немецко-фашистской армии к началу войны, состоявший преимущественно из легких танков типа Т-I и Т-II — всего 3192 танка, нацеливался на ведение быстротечных операций, которые собирались осуществлять Гитлер и его генералы.

Придя к власти, нацисты начали форсировать строительство военно-морского флота. Они приступили к ускоренной реализации пятилетнего плана, принятого в 1933 г.

Продолжая до поры до времени тайную постройку боевых кораблей, военно-морское командование детально разработало систему маскировки этого строительства: новые миноносцы стояли в портах, как правило, без торпедных аппаратов, которые хранились отдельно поблизости, готовые к установке на кораблях. Вспомогательные крейсера спускались на воду под кодовым названием «Транспорт 0»; союзным контрольным комиссиям сообщался заниженный тоннаж боевых кораблей; установка новых береговых батарей производилась под видом капитального ремонта имевшихся и т. д. Под завесой дезинформации гитлеровцы развертывали современный военно-морской флот, который должен был вскоре предстать перед миром как крупнейший фактор германской мощи, направленной прежде всего против Англии.

Осенью 1933 г. состоялась закладка крейсера «Нюрнберг», немного позже — линкоров «Шарнхорст» и «Гнейзенау». Тоннаж эсминцев, постройка которых началась в 1934—1935 гг., вдвое превышал нормы, установленные Версальским договором. Особые усилия были направлены на строительство подводного флота. Уже в начале 1935 г. флот получил 6 подводных лодок водоизмещением 275 тонн и 2 лодки — 712 тонн; несколько лодок должны были вот-вот сойти со стапелей.

Одно совпадало с другим. Нацисты развернули демагогическую кампанию за признание Лондоном германского флота, равного 35 процентам британского, что якобы необходимо для компенсации «слабости Германии на Балтийском море по сравнению с Советским Союзом». Запугивая правящие круги Англии и Франции «советской угрозой», Гитлер добился соглашения с Лондоном, практически открывшего путь к неограниченному морскому перевооружению Германии. Соглашение, подписанное 18 июня 1935 г., определяло: тоннаж английского и германского флотов будет относиться друг к другу как 100:35. Это позволяло нацистам сразу же увеличить военно-морские силы в пять раз.

Но кто мог теперь контролировать морские вооружения рейха, когда последние ограничения устранены? Поддавшись на провокации гитлеровской клики, английское правительство подготовило катастрофическую ситуацию 1939—1941 гг., когда британский флот терпел одно поражение за другим от «внезапно» оказавшегося столь сильным германского «рейхсмарине».

Основной замысел подготовки нацистами флота в 30-х годах в

том и состоял, чтобы иметь возможность вести успешную морскую войну с Англией. Поэтому, в частности, германские большие суда вооружались тяжелыми орудиями: ведь нельзя не превзойти самый мощный британский корабль «Король Георг». Что касается подводного флота, то Редер старался довести его численность до английского. В начале июля 1935 г. Берлин объявил, что в течение года будут заложены 2 линкора, 2 крейсера, 16 эсминцев, 20 подводных лодок. Но летом 1935 г. вместо объявленных 20 лодок в Германии строились 24.

К 1939 г. в военно-морских силах насчитывалось уже 11 крейсеров, 2 линкора, 22 эсминца, 57 подводных лодок и ряд кораблей других классов.

Надеясь увидеть мощный германский флот, грозно направленный против Советского Союза, Англия помогла Гитлеру создать на море ударные силы, развернутые, однако, прежде всего в британскую сторону.

На больших скоростях шло создание военно-воздушных сил. В апреле 1933 г. появилось министерство авиации во главе с Герингом — «имперским комиссаром воздушного флота». Утвержденная в июне того же года программа строительства ВВС включала создание к осени 1935 г. 27 бомбардировочных, 6 истребительных, 12 разведывательных эскадрилий и 6 эскадрилий морской авиации — всего 600 боевых машин.

Существовавшие прежде авиационные клубы, союзы, спортивные организации, объединившись в «Германский авиационный спортивный союз», стали вести скрытую подготовку военных летчиков. В конце 1934 г. союз объединял около 500 тыс. человек — вполне достаточный резерв, чтобы набрать нужное количество хорошо подготовленных летчиков для массовых ВВС.

В авиацию вступило много летчиков кайзеровской армии. Они служили после мировой войны в различных авиационных компаниях. Заместителем Геринга стал директор «Люфтваффе» Мильх — признанный специалист в делах тайной подготовки авиации. Опытные летные и обслуживающие кадры этой крупнейшей авиакомпании переходили в люфтваффе. На руководящие должности в министерство авиации из рейхсвера пришли те, кто в годы Веймарской республики тайно руководил созданием ВВС: генерал Вевер, ставший вскоре начальником генерального штаба люфтваффе, Штумпф, Лер, Кессельринг, Каммхубер, Шперрле и другие.

16 апреля 1934 г. германское правительство в специальном меморандуме потребовало права иметь военно-воздушные силы, равные половине французских. Западные державы молчаливо согласились. А 1 марта 1935 г. нацисты объявили об «узаконении» люфтваффе. Уже спустя несколько месяцев на аэродромах стояли, будто выросшие из земли, готовые авиационные соединения. Если в конце 1934 г. авиация имела 3 авиационные группы, то через год — 13. И не удивительно: авиационная промышленность развивалась непомерными темпами.

Только с 1933 по 1936 год количество авиационных заводов увеличилось на 60. В 1933 г. было выпущено 360 самолетов, а в 1935 г. — 3200. К началу второй мировой войны германская промышленность могла выпускать до 1000 самолетов в месяц.

Научно-исследовательская работа в области авиации была сосредоточена в особом центре по руководству исследованиями, которому подчинялись восемь периферийных центров и несколько институтов, объединенных Технической академией ВВС. Кроме них большую роль в развитии авиации играли опытный центр по авиации в Берлине, Исследовательский авиационный центр в Брауншвейге, а также институты при высших учебных заведениях.

Широкая постановка работ позволила военно-воздушным силам достигнуть к началу второй мировой войны серьезных результатов. Серийно выпускавшиеся с 1939 г. истребители Me-109 и Me-110, пикирующий бомбардировщик Ю-87, дальний бомбардировщик Ю-88 и средний бомбардировщик Хе-111 превосходили аналогичные самолеты военно-воздушных сил крупнейших капиталистических государств. Непосредственно перед войной начались работы по созданию реактивного истребителя, которые, однако, вскоре были прекращены¹.

Программой, принятой в ноябре 1938 г., предусматривалось выпустить до 1 апреля 1942 г. 14 675 военных самолетов, в том числе бомбардировщиков — 7300, пикирующих бомбардировщиков — 1500, истребителей (одноместных и двухместных) — 4000, транспортных самолетов — 500 и т. д. На выполнение программы отпущалось 60 млрд. марок².

К началу войны германские ВВС имели в строю 3695 самолетов, из них бомбардировщиков (Хе-111, Ю-88, Д-17, Д-215) — 1800, пикирующих бомбардировщиков (Ю-87) — 336, истребителей (Me-109 и Me-110) — 1219, некоторое число разведчиков (Хеншель-126) и самолетов морской авиации³. Военно-воздушные силы объединялись в четыре воздушных флота, состоявших из различного количества эскадр (от 2 до 5). Кроме того, в их состав входили зенитная артиллерия и парашютнодесантные войска.

Гитлеровское командование хотело иметь и тактическую, и стратегическую авиацию. Но на деле обладало самолетами, способными решать лишь оперативно-тактические задачи. Несмотря на стремление Геринга к ведению «самостоятельной воздушной войны», «универсальные» самолеты германских ВВС не могли стать полноценным оружием для стратегических воздушных операций.

V

Германские военные руководители прилагали в 30-е годы огромные усилия в еще одной сфере деятельности — в военной пропаганде.

¹ См. «Военно-исторический журнал», 1966, № 7, стр. 40.

² Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1960, N 1, S. 37.

³ A. Kurowski. Lotnictwo polskie w 1939 roku. Warszawa, 1962, S. 52.

де. Преодолеть то глубокое недоверие, которое питали на первых порах широкие круги немецкого народа к военной программе нацистов, сделать вооруженные силы абсолютно верным оружием политических целей фашизма, превратить общественное мышление народа в военно-агрессивное, военизировать его — вот цели, которые преследовала эта работа.

В основе военной пропаганды лежала реакционнейшая фашистская идеология со всеми ее ключевыми положениями, среди которых сила и насилие, шовинизм и расизм стояли всегда на первом месте. Невиданных прежде масштабов достигла спекуляция на некоторых исторических сложившихся традициях немецкого народа, особенно — стях его характера и психического склада. Дисциплинированность и пунктуальность фашистские военные идеологи стремились превратить в автоматическое, слепое послушание приказам нацистских заправил, любовь к родине — в крайний национализм, в чувство ненависти к другим народам.

Одной из главных «идейных основ» фашистской военной пропаганды стало учение о геополитике. Его создатель отставной генерал Хаусхофер стал ведущим идеологом фашизма. Он написал десятки книг, сотни статей, был постоянным оратором германского радио. Он и вместе с ним вся армия фашистских военных пропагандистов бесконечно повторяли один и тот же тезис: Германии не хватает земли, германский народ должен готовиться к завоевательной войне. Используя геополитическое учение, нацисты подчиняли культуру, науку, искусство, всю общественную жизнь пропаганде насилия и захватнических войн, объявляя такие войны «единственным путем спасения нации» и приучая к этой мысли немцев.

Геополитика дополнялась заимствованными у Ницше теориями немецкой исключительности, лозунгами о «германском сверхчеловеке», принципами расовой доктрины, социального дарвинизма, неомальтузианства. Эта архиреакционная мешанина преподносилась населению и армии как высшая философия, которой все обязаны следовать неуклонно и слепо. Гитлеровцы черпали у Ницше мысли о господстве сильных над слабыми, оправдание рабства, учение об иерархии, о «сильной личности» — сверхчеловеке, который выступает как «высшее средоточие власти». На этой основе немецким солдатам, как и всему народу, вдалбливали в голову, что всякое слово и повеление фюрера есть истина, закон, откровение, ниспосланные свыше, и что все им сказанное подлежит безусловному выполнению.

С особой активностью гитлеровская военная пропаганда воспе-вала войну. Духовным откровением считались слова Ницше: «Человечество нуждается не только в войнах вообще, но в величайших, ужасающих войнах, следовательно, и во временных возвратах к состоянию варварства». Именно такую войну и такое состояние готовила человечеству фашистская военная верхушка.

Нацисты брали на вооружение ницшеанство для морального развращения немцев в духе нечеловеческой жестокости и беспрекословного подчинения власти. Солдат должен быть беспощаден. «Падающего — подтолкни», — поучал Ницше. Германский солдат должен внушать другим народам беспредельный ужас. Широко пропагандировались высказывания Ницше о «белокурой бестии» — необузданной силе, которая якобы таится в «арийской расе» и периодически толкает ее на опустошительные войны. «Глубокое ледяное недоверие, — писал Ницше, — возбуждаемое немцем, как только он захватывает власть, является отражением того неугасимого ужаса, с каким Европа в течение столетий смотрела на неистовства белокурой германской бестии».

Ницше был нужен фашистской диктатуре для оправдания террора внутри страны, разжигания ненависти к другим народам, для проповеди культа войны, насилия. Именно с этой целью использовали ницшеанство гитлеровские отравители душ.

Конечно, расовую пропаганду военщина использовала особенно широко. Проведя тезис о «биологической и духовной неравноценности» отдельных групп и рас человечества, фашистские пропагандисты развернули необычайную активность, чтобы убедить армию в абсолютном превосходстве немцев над другими народами. Они убеждали, что разница между людьми различных рас «превосходит разницу между человеком и животным» и что «низшие расы» обречены на вымирание. Расизм, принявший в третьем рейхе самые чудовищные формы, пронизывал «труды» фашистских «военных идеологов». Он заполнял периодическую печать, проповедовался с трибун партийных съездов, о нем кричало радио. Поток извращенных поучений мракобесов отравлял сознание неискушенных людей, разжигая у них ненависть к другим народам, чувство абсолютного собственного превосходства над ними. А это и требовалось нацистским главарям, особенно в отношении солдат и офицеров вермахта.

Гитлеровские пропагандисты изображали всю историю человечества как «борьбу рас», которая ведется по принципам естественного отбора: всегда побеждали наиболее сильные и крепкие расы. Однако, по утверждению фашистского мракобеса Б. Шульца, «лишь самая ничтожная часть народов земли состоит из чистых рас». Отсюда выводилось «право чистой расы» на господство, на порабощение и на уничтожение других народов. «Профессор философии» Бергман писал в напумевшей книге «Дух познания и материнское право»: «На развалинах мира водрузит свое победное знамя та раса, которая окажется самой сильной и превратит весь культурный мир в дым и пепел»¹. Все выдающиеся создания человеческой культуры объявлялись делом рук арийской расы. Представители же других народов — это лишь разрушители или потребители культуры.

¹ E. Bergmann. Erkenntnisgeist und Mutterrecht. Breslau, S. 448.

С особой ненавистью и цинизмом гитлеровцы относились к славянским народам, подготавливая тем самым армию к завоевательным походам на Восток.

Разжигая зоологический расизм и шовинизм, фашистская пропаганда вместе с тем проповедовала «классовый мир» внутри Германии. Она проклинала марксизм, искореняла всякое подобие коммунистического мышления и одновременно стремилась увековечить классовое неравенство, господство и подчинение, вуалируя его «единством расы». «Брат в золоте и шелку, брат в рабочем платье, — писала «Фелькишер беобахтер», — подайте друг другу руки!»

Всю систему образования и воспитания гитлеровцы подчинили войне, подготовке к ней. Военная наука объявлялась национальной философией и этикой, а прусская солдатская система воспитания — «высшим созданием немецкого духа».

Милитаризм составлял ядро фашистской пропаганды вообще. Воинственность, твердила она, является главной особенностью «германской расы», заложенной, по словам «философа» Шелера, в ее инстинктах и составляющей «часть ее существа». Нет ничего более высокого, проповедовали фашистские изуверы, чем завоевательная война. Война, уверяли они, есть «обязанность» немцев.

Нацистская пропаганда бессовестно спекулировала на чувствах ненависти народных масс к капиталистической эксплуатации, к буржуазным политикам, к эгоизму и бесстыдству крупной буржуазии. Паразитируя на германском эпосе, фашистские мерзавцы цинично «приспосабливали» его к своим нуждам. Мифы о героях должны были приукрасить кровавый террор гитлеровской диктатуры. Фальсифицированная древнегерманская мифология теперь служила задачам фашистской военной пропаганды. Легенды о германских богах, эпос о Нибелунгах, о Вальпургиевой ночи и т. п. — все это после соответствующей трансформации в изощренных формах создавало у миллионов солдат ту психологическую настроенность, которую правящая клика использовала в своих преступных целях. Предшественниками гитлеровской банды объявлялся вождь херуков Арминий, победивший в I веке н. э. римского полководца Вара. На все лады восхвалялись другие «предтечи» фюреров третьего рейха — различные средневековые короли и завоеватели, направлявшие свои удары главным образом на Восток: Генрих I, Оттон, Лотар, Генрих Лев и другие, совершавшие походы против славян. На все лады цитировались поучения средневекового мистика «мастера Экхарда», вытасченного на свет божий Розенбергом: «...радостно, свободно, как желанное, переносить все бедствия, тяжести, нищету и при этом не задавать вопроса «почему».

Вся фашистско-милитаристская идеология и пропаганда носила открытый и ярый антисоветский характер. Выступая как авангард мировых сил капитализма в борьбе против единственной социалистической державы, германский фашизм с первых дней своего существования развернул бешеное наступление на коммунизм.

В 1933—1939 гг. не было ни одной речи любого из фашистских заправил, ни одной крупной политической статьи, в которых не раздавались бы проклятия и угрозы в адрес Советского Союза. Немцев приучали к мысли о неизбежности захватнической войны против СССР. От них каждодневно требовали считать Советский Союз «врагом номер один» и ненавидеть его, стремиться к его уничтожению. СССР объявлялся «необъятной колониальной областью». Гитлер провозглашал: «Если мы в настоящее время говорим о новой территории в Европе, то мы можем в первую очередь думать только о России и о подвластных ей пограничных государствах». Под «пограничными государствами» подразумевались Украина, Белоруссия, Закавказье. Проповедь антикоммунизма составляла главный стержень психологической подготовки армии к антисоветской войне.

Фашистская идеологическая отравка систематически, каждодневно вливалась большими дозами в сознание солдат и офицеров вермахта через печать, радио, кино. Специальные военные газеты, журналы, «солдатские» издания («ранцевые книжки») и другое чтиво до предела насыщались грубой нацистской пропагандой.

Военное министерство разработало систему руководства «психологической войной», структуру органов пропаганды, определило круг их обязанностей, подобрало кадры, оснастило необходимой техникой. В августе 1938 г. министерство сформировало четыре роты пропаганды и придало их армейским корпусам. Радиоприемники, киноаппаратура, громкоговорители, массовые издания лежали в обозах войсковых соединений, повсюду следуя за солдатами.

В том же 1938 г. Кейтель и Геббельс от имени ОКВ¹ и министерства пропаганды подписали «Соглашение о ведении пропаганды во время войны», которым «пропагандистская война» приравнивалась по своему значению к войне, ведущейся оружием. В апреле 1939 г. в верховном командовании вооруженных сил был создан отдел военной пропаганды под руководством генерала Веделя, подчинявшийся штабу оперативного руководства. Отдел занимался разработкой соответствующих планов на каждую крупную операцию. Планы утверждал Гитлер, после чего они координировались с ведомством Геббельса. Кадры военных пропагандистов готовились в специальном учебном центре в Потсдаме.

Нацистскому государственному, партийному, военному и пропагандистскому аппарату к началу второй мировой войны удалось идеологически развратить значительные слои германского населения и основную массу личного состава вооруженных сил, создать в стране шовинистический угар, насадить дух расизма, жестокости, ненависти. Это делало гитлеровский вермахт особенно опасным оружием германского фашизма.

Но ничто так не укрепляло действенность фашистской военной пропаганды, как внешнеполитические успехи гитлеровского режима,

¹ Верховное главнокомандование вооруженных сил фашистской Германии.

достигнутые, с одной стороны, угрозой применения силы, а с другой — политикой поощрения агрессора, проводимой соглашателями. Вне сомнения, эффект нацистской военной пропаганды стал бы значительно меньшим, если бы ей не давали так много стимулов политики и журналисты Запада, если бы прямо или косвенно, вольно или невольно, с бесконечной близорукостью они не поддерживали бы ее, считая, что «все к лучшему», что все это играет в конечном счете на руку международному антикоммунизму.

Западная буржуазная пресса объективно помогала пропагандистским ходам нацистов насчет военной мощи рейха. Изложение хвастливых хулиганских речей фашистских заправил печаталось «респектабельными» органами западной прессы, передавалось радио; сведения о быстром нарастании германского военного потенциала подавались в духе сенсации, обсуждались в парламентских дебатах, излагались в интервью, которые с великой охотой брали у нацистских главарей жрецы западной прессы. Читателей шокировали запоминающимися погромными тирадами из гитлеровского лексикона, картинами умопомрачительных военных парадов, фашистских сборищ с их патологическим фанатизмом.

О лучшей поддержке Западом их пропаганды гитлеровцы не могли и мечтать. «Итак, говорит фюрер. Мир затаил дыхание», — нагло афишировала германская пресса предстоящее выступление Гитлера в рейхстаге в феврале 1937 г. И как только кончилась речь, корреспонденты западной печати наперебой передавали в свои редакции, что фюрер милостиво обещал не воевать с Англией и Францией, если они удовлетворят его очередные притязания.

Конечно, весь этот балаган не представлял собой лишь стремление к «полной информации читателя». Здесь существовала политическая тенденциозность: запугать Советский Союз «всеобщим признанием» военной мощи рейха, воздействовать на общественное мнение и оппозиционные силы своих стран в духе поддержки политики сотрудничества с Гитлером, стимулировать силы международного антикоммунизма. Чуть ли не каждая истерическая антисоветская речь нацистских лидеров получала «паблизити» многих реакционных западных органов печати и радио. Все это, с одной стороны, увеличивало действенность военной пропаганды внутри самой Германии, а с другой — оборачивалось против самих западных держав: под влияние нацистских угроз попадали многие политические деятели Запада. В капиталистической Европе начал развиваться психологический климат неуверенности и страха перед военной мощью фашизма.

На таком фоне и в условиях подобной атмосферы гитлеровская военная пропаганда превращалась в руках нацистов в эффективное средство военно-политического блефа, которым они чрезвычайно широко пользовались. С помощью этого блефа германские пропагандисты сумели преувеличить в глазах ряда ответственных политических и военных деятелей западных государств мощь и возможности германских вооруженных сил, дезориентировать их о подлинных

военных планах фашистского руководства, подорвать внутреннее единство и моральную устойчивость тыла некоторых капиталистических государств, рассматриваемых в Берлине как объект агрессии, дезавуировать личности отдельных государственных и военных лидеров, их политические акты, обеспечить в некоторых случаях внезапность действий вооруженных сил.

Три главные внешнеполитические причины позволили гитлеровцам в 30-е годы столь широко использовать военную пропаганду как средство блефа против Западной Европы: антикоммунизм Запада, порожденное им доверие к действиям третьего рейха, к его внешнеполитическим и военно-пропагандистским акциям; умелое использование фашистскими мракобесами этих тенденций антикоммунизма Запада, его расчетов сделать фашистскую Германию главным исполнителем антисоветских и антикоммунистических планов империализма; недостаточное знание на Западе методов массового обмана и дезинформации, разработанных фашистскими военно-идеологическими центрами.

За два десятилетия германские военные сумели так организовать свою дьявольскую работу по созданию механизма агрессии, что ни один год не пропадал впустую, невзирая ни на какие международные соглашения. Все делалось расчетливо и планомерно. Цель — создание мощных вооруженных сил — была поставлена буквально на завтра после прихода нацистов к власти. И к этой цели германский милитаризм шел, не зная колебаний, диктуя свою волю германскому народу, подчиняя себе материальную и духовную жизнь страны.

Германский милитаризм доказал, что он не просто сродни фашизму, он сам есть фашизм. Милитаризм и нацизм неотделимы. Разница состояла лишь в сферах равной по масштабам преступной деятельности.

Последующие шесть лет мировой истории показали, во что может обойтись человечеству безнаказанность действий германских милитаристов в мирные годы.

ВОЕННО- ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА АГРЕССИИ

I

«Не давайте пощады; будьте так же ужасны, как гунны Аттилы» (из обращения кайзера Вильгельма II к личному составу экспедиционного корпуса, отправляющегося в Китай, 1899 г.).

«Чем беспощаднее ведется война, тем гуманнее она по существу» (генерал Гинденбург, 1914 г.).

«Человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит... Устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости» (фельдмаршал Кейтель, 1941 г.).

«Гигантское пространство должно быть как можно скорее замирено. Лучше всего этого можно достигнуть путем расстрела каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд» (Адольф Гитлер, 1941 г.).

Документы из двух этапов истории германского милитаризма. Как они идентичны! Фашистский милитаризм — это не исключение, не аномалия, как нередко утверждают на Западе его апологеты, а лишь закономерное звено развития империалистического милитаризма вообще. Система империализма никогда не исключает угрозы воссоздания фашизма. Общественный строй, основанный на системе государственно-монополистического капитализма, находится в неразрывном блоке с милитаризмом; главным средством политики он считает насилие, силу. «Остро отточенный меч — лучшая гарантия мира» (Вильгельм II). «Право — это сила» (Гитлер). Концепция насилия, доведенная германским милитаризмом в период третьего рейха до высших степеней варварства, — тоже не «аномалия», а характерная черта империалистического милитаризма.

Преступления против человечности превратились в метод, культивируемый империалистическими агрессорами. Он соответствовал эпохе углубления общего кризиса капитализма. Авантюристическая установка германского милитаризма в обеих войнах на «компенсацию» недостающего военно-экономического потенциала приемами «истребительной» войны, которые рассматривались как дополнительный резерв сил, также стимулировала этот метод. Он подогревался

фашистской военной идеологией, дающей абсолютный простор всему наиболее бесчеловечному, разнузданно жестокому, что таил в себе прусский милитаризм.

Подобно тому как внешняя политика гитлеризма не представляла собой чего-то совершенно нового, а выражала лишь возведенный в особую степень внешнеполитический курс Вильгельма II, Штрессмана, фон Палена, нацистские военные приемы не изобретение генералов рейха, а лишь концентрация всего наиболее античеловечного, что создала военная система империализма в целом.

Агрессивные внешнеполитические планы германского фашистского империализма в 20—30-е годы — плод усилий реакционной военщины в той же степени, что и нацистских главарей. Ее «вклад» как побудителя агрессивного динамизма и главной двигательной силы военного аппарата, реализующего планы завоевания мировой гегемонии, был в третьем рейхе чрезвычайно весомым. В создании колониальных планов участвовали те, кто душил революцию, командовал «добровольческими корпусами» и карательными экспедициями. Они объединились в «военно-колониальный союз», который до 1925 г. возглавлял тот самый генерал Меркер, который в революционные годы призывал к убийству Розы Люксембург. После его смерти пост «президента союза» занял генерал фон Эпп, участник многих колониальных походов, палач «боксерского восстания», командир «добровольческого корпуса», один из наиболее жестоких контрреволюционеров. Среди его сподвижников находились «специалисты по колониальным делам» — генералы фон Леттов-Форбек — «герой восточной Африки» и фон Либерт, полковник Газельмайер и др. Вступив в 1928 г. в нацистскую партию и став группенфюрером СС, фон Эпп активизировал ее колониалистские устремления на военной основе.

Колониальная программа германского фашизма состояла из многих элементов. Нацеливалась ли она на завоевания в Африке? Конечно. Занималась ли вопросами проникновения на Ближний Восток, в Латинскую Америку, Индию и в другие районы мира? Безусловно. Однако стержень агрессивной программы, ее центральное звено и самый стабильный элемент составляли расчеты на «завоевание Востока» и его «колонизацию». К приобретению «заморских колоний» за счет Англии и других империалистических конкурентов нацизм на различных этапах своей истории относился с разной степенью интереса. Но решение всех проблем «жизненного пространства», колониальной политики, создание предпосылок к завоеванию мирового господства гитлеровцы искали прежде всего на Востоке, за счет Советского Союза.

Еще в 50—60-х годах XIX столетия в Пруссии складывались планы захвата Украины. После создания германской империи программа завоевания «восточных земель» стала усиленно развиваться на почве «пангерманизма». В планах реванша, которые стали разрабатываться германской реакцией после первой мировой войны, «колонизация Востока» становится первостепенной внешнеполити-

ческой проблемой. Прежде всего — создание мировой державы на континенте, а потом завоевание заморских территорий. Гитлер, провозглашая высшей целью германской внешней политики «обеспечение немецкому народу подобающей ему территории на земном шаре», требовал «для следующих 100 лет приобрести необходимое пространство на Востоке и отказаться от морских притязаний». Такая стратегия создавала основу для англо-германского сотрудничества.

«Целью нашей внешней политики, — провозглашал Гитлер в 20-е годы, — должна быть не западная или восточная ориентация, а восточная политика, в смысле захвата необходимой территории для германского народа»¹.

Критикуя в «Майн кампф» политику Вильгельма II за союз с «гнилыми государственными трупами» (Австро-Венгрии и Турцией), будущий фюрер подчеркивал: впредь нужно будет «в союзе с Англией нанести удар против России»². Как часто впоследствии за эту мысль хватались британские «мюнхенцы»!

Через две недели после захвата власти нацистами Геринг как президент рейхстага посетил французского посла Франсуа Понсэ и предложил помощь Германии «с целью оторвать Украину от СССР в случае, если Франция со своей стороны окажет Германии поддержку в вопросе Польского коридора».

В марте 1933 г. в Локарно на встрече с итальянскими фашистами руководитель внешнеполитического отдела нацистской партии Розенберг выдвинул план раздела СССР путем отрыва Украины и ликвидации советского строя. План состоял из пяти этапов: 1) Германия поглощает Австрию; 2) объединенные Германия и Австрия либо целиком поглощают Чехословакию, либо отторгают от нее Моравию, Словакию, Прикарпатскую Украину; 3) от Польши отторгаются Западная Украина, Польский коридор, Познанское воеводство, часть Плоцкого воеводства; 4) Германия поглощает Литву, Латвию, Эстонию; 5) затем Германия начинает борьбу за отторжение Украины от Советского Союза.

В начале мая 1933 г. Розенберг предпринял поездку в Лондон, чтобы добиться от Англии поддержки Германии против СССР и пропагандировать план «обмена Польского коридора на советскую Украину». Розенберг выдвигал тезис: «Необходимые вам земли надо завоевывать не в Африке, а в Европе, прежде всего на Востоке. Признание этой истины представляет собой принципиальную установку германской политики на сотни лет вперед»³. Его план заключался в том, чтобы объединить Германию с Англией против СССР: «Из Лондона не раз делались попытки заинтересовать немецкие круги в подавлении Советской России»⁴. «Модель» состояла в переделе мира между Германией, Италией и Англией. «Германия вам предлагает, если ей будет обеспечен тыл на Западе и свободные руки на

¹ A. Hitler. *Mein Kampf*. Berlin, 1933, S. 757.

² *Ibidem*, S. 756.

³ A. Rosenberg. *Der Zukunftsweg einer deutschen Aussenpolitik*. S. 20.

⁴ *Ibidem*, S. 78.

Востоке: Англии — защиту Индии на русско-польской границе... ликвидацию большевизма в Центральной Европе; Италии, если она свяжет Францию, — давление на Югославию». И далее: «В пределах обозримого времени создание южного государства, самостоятельной Украины, станет фактом»¹.

Возведение «колониальной империи на Востоке» рассматривалось в качестве главной предпосылки завоевания мирового господства вообще. Но и овладение «заморскими территориями», передел британских колониальных владений также составляли в той или иной мере обязательный элемент колониальной программы военно-фашистской верхушки. В мае 1934 г. был создан «колониально-политический отдел» имперского руководства партией. Владыки Рейна — Рура и фашистские заправилы провозглашали необходимость возвращения колоний и завоевания новых земель. В них были особенно заинтересованы магнаты химической и перерабатывающей промышленности, в частности концерн «И. Г. Фарбениндустри», который активно влиял на развитие «африканской» концепции во внешнеполитическом курсе. Директор рейхсбанка Шахт писал в 1932 г.: «С немецкой стороны необходимо все снова и снова заявлять, что германская деятельность в заморских и колониальных областях является важнейшим средством преодоления экономического кризиса не только в Германии, но и во всем мире»².

Неразрывная связь агрессивных планов с интересами и требованиями монополий — наиболее характерная черта военно-политического планирования установления германским фашизмом мировой гегемонии. Эти планы включали захват всей Европы, ее расчленение, превращение в ряд вассальных государств без собственной политики и армии. Территорию Советского Союза предполагалось сделать объектом средневековой колонизации. Разгром Франции и Англии должен был создать условия для поглощения рейхом колониальных владений обеих стран в Африке, на Ближнем Востоке, в Азии. Создание всемирной «великогерманской империи» венчало всю чудовищную программу завоеваний, в подготовке которой милитаристам принадлежало одно из первых мест.

Какими же методами собиралась германская военная верхушка осуществлять планы захватов? Как складывалась военно-теоретическая подготовка агрессии?

II

Германские милитаристы рассматривали военно-теоретическую работу как важную область подготовки вооруженных сил к войне. В годы между мировыми войнами в генеральном штабе, на страницах многих книг и военных журналов, в различных милитаристских союзах и обществах вырабатывались взгляды, которые должны были стать теоретической основой ведения агрессивных войн.

¹ A. Rosenberg. Der Zukunftsweg einer deutschen Aussenpolitik S. 97.

² K. Hillebrandt. Vom Reich zum Weltreich. München, 1969, S. 208.

Захватническая политика германских империалистических кругов в решающей степени влияла на содержание и направленность военно-теоретической мысли. Общий кризис капиталистической системы усиливал агрессивное содержание военной теории фашизма.

Главной политической основой германской военной теории 20—30-х годов был антикоммунизм. Господствующие круги использовали политику антикоммунизма для того, чтобы заставить народные массы принять участие в войне против Советского Союза, который рассматривался как основной политический, идеологический и военный противник.

Немецкие реакционные военные теоретики, извлекая уроки из опыта первой мировой войны, приходили к выводу, что германская пропаганда не оказывала в ее ходе достаточного влияния на народные массы, мало применялся террор, чтобы подавить революционное движение рабочего класса.

Эти выводы учили военные идеологи германского империализма, когда пытались решить вопрос о том, какими путями возможно будет ввести в желаемое империалистам русло поведение народных масс во время захватнических войн. Решению такой проблемы были посвящены многие труды фашистских военных теоретиков: «Тотальная война» Людендорфа (1936 г.), «Личность и массы в будущей войне» Гессе (1933 г.), «Стремление к вооружению как цель народа» Гаусгофера (1934 г.), «Идея вооружения и государство» Шлейха (1934 г.) и другие. «Грядущая война, — писал Людендорф, — предъявит народу совершенно новые требования в подготовке его душевных, психических и материальных сил для ведения войны, чем это уже сделала мировая война». Людендорф предлагал следующие методы: «подчинение народного долга тотальной политике», «крайняя решительность», «уничтожение в зародыше любой оппозиции», создание «национальных идеалов» и другие рецепты в духе прусского милитаризма¹.

Нацизм давал подобного рода методам самые широкие возможности. Именно поэтому фашистская идеология составляла главную идейную основу германской империалистической военной теории в 20—30-е годы.

Президент «Германского общества военной политики и военных знаний» генерал-лейтенант Кохенгаузен заявлял в 1934 г.: «Само собой понятно, что исследование и дальнейшее развитие военно-политических и военно-научных вопросов должно осуществляться в рамках национал-социалистского мировоззрения»². Считалось само собой разумеющимся, что военная теория должна целиком подчиниться фашистским политическим планам завоеваний мирового масштаба. Поэтому как до установления гитлеровской диктатуры, так и после 1933 г. основными принципами германской военной теории оставались ведение наступательной скоротечной войны,

¹ W. W ü n s c h e. Strategie der Niederlage. Berlin, 1961, S. 35.

² Ibidem.

стремление к полному уничтожению противника, внезапность нападения и другие подобные постулаты военной агрессии.

К моменту захвата власти Гитлером милитаристы оказались готовыми: имели на руках уже достаточно разработанные концепции будущей войны. Военный устав № 300/1 («Вождение войск») был написан до прихода к власти фашизма, его первая часть была утверждена 17 октября 1933 г., вторая — 18 октября 1934 г. Этот устав, излагавший принципы действий в маневренной войне, лишь с незначительными уточнениями служил германской армии вплоть до 1945 г.

Само собой разумеется, на развитие военной теории первостепенное влияние оказывали достижения военной техники.

Милитаристские круги внимательно следили за военно-техническим развитием во всех странах. С начала 20-х годов усилилось военно-техническое образование офицеров. В военной публицистике все больше места стали занимать технические проблемы. «Германское общество военной политики и военных знаний» образовало рабочую группу по военной технике, приступившую к исследованиям новых проблем. В различных отраслях промышленности имелись секретные институты по изучению военно-технических вопросов. Институтами нелегально руководил генеральный штаб.

Главные усилия исследований в области вооружения направлялись на создание наступательных средств, которые предотвратили бы повторение позиционной войны 1914—1918 гг.

Альтернативой считалась быстротечная наступательная война, и поэтому упор делался прежде всего на развитие бронетанковых войск, авиации, подводных лодок. Гораздо меньше внимания в германских военных кругах стало обращаться на оружие обороны: противотанковую и зенитную артиллерию, средства инженерных заграждений, противолодочное оружие и т. п.

Однако все обстояло не так просто. Дело в том, что в двадцатилетие между войнами среди германских военных отсутствовало единство взглядов на роль, значение и возможности военной техники. Как и в военно-теоретических вопросах, здесь существовало два направления. Сторонники первого — представители «молодых» генштабистов считали, что широкие исследования в области новой техники, полное использование ее возможностей — решающая гарантия победы в будущей войне, главное условие превращения ее в маневренную и молниеносную войну. К этому направлению принадлежали Мецш, Риттер, Гудериан, Шваб, Неринг, Юстров, Шварте, Иммануэль и др. Их рьяно поддерживали руководители нацистской партии, мечтавшие о молниеносных победах.

Противоположное направление представляли главным образом «старые» офицеры генерального штаба, генералы кайзеровской формации. Они продолжали традиции генерального штаба начала века и первой мировой войны. С их точки зрения, исследования в области военно-технических проблем следовало вести осторожно, медленно и вообще не придавать им слишком большого значения,

Они не думали, что новые технические средства могут серьезно повлиять на способы ведения войны, и противопоставляли технике моральный фактор, понимаемый чрезвычайно ограниченно, в старопрусском духе.

Каждое из этих двух направлений существенно влияло на практические дела, о чем речь пойдет дальше.

Борьба двух направлений заполняет весь период развития германской военной мысли в 20—30-е годы. Постепенно побеждало первое направление, однако вплоть до начала второй мировой войны второе сильно воздействовало на военное искусство гитлеровского вермахта.

Германские военные теоретики серьезно изучали военную историю и опыт прошлых войн, особенно первой мировой войны.

В многочисленных военно-исторических работах германских авторов видны две тенденции. С одной стороны — классовая ограниченность в общественно-политических вопросах, идеализм в попытках решения таких проблем, как роль народных масс и личности полководца, содержание морального фактора на войне и т. п.¹. С другой стороны — стремление к тщательному изучению вопросов военного искусства, проблем оперативного руководства, скрупулезное исследование разных сражений².

Центрами военно-исторической работы были военно-научный отдел генерального штаба сухопутных сил, рейхсархив, военно-историческая секция при «Германском обществе военной политики и военных знаний», различные журналы.

Военно-историческая литература 30-х годов способствовала шаблонизации некоторых принципов военного искусства. Наиболее типична в этом отношении книга Эрфурта «Победа с полным уничтожением»³. Автор, изучив походы Фридриха II, Наполеона и Мольтеке, приходил к выводу, что единственным и всеобщим условием победы в сражениях любой войны должны стать одни лишь «концентрические операции»⁴, т. е. операции на окружение.

Большое значение для практической разработки важнейших вопросов военного искусства имел опыт войны в Испании. Интервенция рассматривалась как генеральная проба сил перед мировой войной.

Уроки, извлеченные германскими теоретиками из опыта войны в Испании, сводились к следующим положениям:

¹ См. Fürertum 26 Lebensbilder von Feldherrn aller Zeiten. Berlin, 1937.

² См. K. von Deilmensinger. «Der Durchbruch». Hamburg, 1937.

³ W. Erfurth. Der Vernichtungssieg. Berlin, 1939.

⁴ Отвлекаясь от условий исторических эпох, различий в целях войн, в технике и оснащении армии, Эрфурт решал проблему антиисторически и крайне односторонне. Следует заметить, что Эрфурт был одним из самых читаемых в вермахте военных писателей, создавшим наибольшее количество теоретических трудов. Поэтому его взгляд на «концентрические операции» имел много сторонников и в немалой степени влиял на военную практику.

1) оборона, которая не имеет глубины и достаточно сильных резервов, может быть легко прорвана совместными действиями пехоты, танков и авиации;

2) военно-воздушные силы играют особо важную роль в тактической и оперативной поддержке сухопутных сил, особенно при борьбе с первым оперативным эшелоном и резервами противника;

3) танковые силы должны использоваться для решения не только тактических, но и оперативных задач¹.

Такие выводы были сделаны лишь некоторой частью германских военных — Гудерианом, Нерингом, Мецшем. Иной точки зрения придерживались Бек, Гальдер, Эрфурт, считавшие, что испанская война показала преимущество современных средств борьбы в обороне, а не в наступлении. Их вывод сводился к тому, что прорыв глубоко эшелонированной обороны в современной войне, как и в прошлой, будет медленным, затяжным. И здесь отсутствовало единство взглядов.

Отличительной чертой развития военно-теоретической мысли в Германии было широкое изучение и старательное использование зарубежного опыта. Ни одно более или менее значительное новшество в армиях и флотах других государств, ни одна существенная работа или статья зарубежного автора, ни одни маневры крупной иностранной армии не проходили мимо внимания немецких военных теоретиков, считавших в 20-е годы, что недостаток собственного опыта и ограниченные возможности необходимо восполнить знаниями других. Большое внимание привлекали маневры и учения французской, английской и итальянской армий с использованием танков и авиации. Генеральный штаб старался делать выводы не только из успехов, но также из недостатков зарубежных армий, которые считались потенциальными врагами.

Особое место в исследовании иностранных армий занимал опыт Советского Союза. Причины политического характера, высокая бдительность советских воинов не позволяли гитлеровским военным узнавать о Красной Армии так много, как об армиях капиталистических стран. Но количество работ, посвященных советскому опыту, их проблематика таковы, что нельзя не сделать вывода о самом серьезном интересе германского генерального штаба и офицерского корпуса именно к советской военной теории и практике.

Генеральный штаб стремился использовать для этой цели шпионаж, изучение прессы, командировки своих офицеров в Советский Союз. Например, генерал Манштейн, который до начала 30-х годов возглавлял оперативную группу генерального штаба, дважды присутствовал на маневрах, проводимых Красной Армией, причем особенно интересовался вопросами ввода в сражение подвижных соединений².

Исследователь истории германской армии из ГДР В. Вюнше пишет: «Особенно большой интерес генеральный штаб проявлял к

¹ См. W. W ü n s c h e. Op. cit. S. 37.

² I b i d e m,

опыту Красной Армии и высоко оценивал ее боевые достоинства, что признавал открыто»¹.

Весьма характерно, что если изучение армий капиталистических государств велось сплошь и рядом в критическом плане, то в статьях о Красной Армии преобладали положительные оценки. «Пресса всех государств, — писал осенью 1934 г. генерал Шульц, — оживленно занимается в последние месяцы русской Красной Армией». Ссылаясь на впечатление главы итальянской военной миссии генерала Грациолини, присутствовавшего в 1934 г. на «больших русских маневрах» и видевшего, по его утверждению, «больше других офицеров иностранных армий», автор писал: «Красная Армия организована и оснащена по-современному... Ее руководители (офицеры) в противоположность царской армии набраны из пролетарской среды. Воодушевленные советским духом, они неуязвимы для доктринерского мышления, предприимчивы, как в прошлом генералы Наполеона I и... также сходны с ними по работоспособности. Она (Красная Армия. — Д. П.) имеет солдат целиком нового революционного духа, с передовым мышлением, переполненных стремлением к борьбе. В Красной Армии господствует безупречная дисциплина...»². Рассматривая советскую военную доктрину, он приходил к выводу, что в России «имеется большое пристрастие к «подвижным войскам». Красная Армия «содержит сегодня сильную кавалерию, усиленную моторизованными или механизированными огневыми средствами... Русские увлекаются крупными механизированными соединениями и проводят многочисленные учения с их использованием»³. Автор заключал: советское правительство «хочет создать самый могущественный военный инструмент во всем мире... Это ему удастся, если оно поставит на должную высоту все политические, социальные и хозяйственные средства».

В заключение сообщалось, что «мнение Грациолини о Красной Армии является самым наилучшим из всего, что можно было прочесть за последнее время. Он, без сомнения, видел больше, чем многие другие наблюдатели»⁴.

Столь высокие оценки Красной Армии, которые не были единичными, естественно, побуждали германских военных изучать теорию и практику советских войск, советскую военную доктрину, что и делалось в середине 30-х годов всеми доступными способами. Особым вниманием пользовался опыт строительства и применения советских военно-воздушных сил, бронетанковых войск, кавалерии, организации армии, руководства ею, военной экономики, военных сообщений.

В германской армии широко насаждались военно-теоретические традиции. Их основой была старая бранденбургско-прусская военная школа. Германские милитаристы считали основателем немецкой

¹ W. W ü n s c h e. Op. cit. S. 46.

² O. S c h u l z. Ein hoher italienischer Offizier über die Rote Armee. In: Militär — Wochenblatt, № 15, 1934, S. 582 (в дальнейшем: «М — W»).

³ I b i d e m.

⁴ «М — W», 1934, № 15, S. 582.

военной науки Клаузевица. Много внимания уделялось также изучению Мольтке (старшего) и Шлиффена. Все трое почитались родоначальниками и классиками военной теории. В 20—30-е годы генеральный штаб отводил особую роль военно-теоретическому наследию Шлиффена. Его труды изучали как руководство для будущей реваншистской войны прежде всего на Западе, ибо в официальных кругах считалось, что шлиффеновская стратегическая концепция может служить основой будущих оперативных планов.

С точки зрения многих теоретиков, наследие Шлиффена содержало следующие важнейшие военно-теоретические принципы:

— стратегическая цель войны заключается в полном и беспощадном уничтожении вооруженных сил противника;

— вследствие того что объединенные силы противников Германии будут превосходить ее военные возможности, а наиболее вероятной станет война на несколько фронтов, необходимо стремиться к разгрому противников по очереди;

— стратегическим методом должно быть проведение внезапных, молниеносных, массированных ударов с целью обхода и окружения главных сил противника.

III

После поражения Германии, в условиях версальских ограничений, военно-теоретическая работа оказалась единственной областью, в которой милитаристы не были ограничены рамками Версаля.

В начале 20-х годов в Германии стало выходить много публикаций, посвященных только что минувшим событиям. Первые послевоенные работы носили двоякий характер: это были или описания отдельных кампаний, операций с более или менее существенными выводами, или труды мемуарного характера, первые попытки исследования причин поражения. Авторы этих работ, высшие руководители кайзеровской Германии, включая самого Вильгельма II, рейхсканцлера Бетман-Гольвега и начальника генерального штаба Г. Мольтке, Людендорфа, Фалькенгайна и Тирпица, оправдывали генеральный штаб и всю военную систему второй империи, сочиняли различные теории о причинах катастрофы, вроде пресловутой легенды об «ударе ножом в спину», старались реабилитировать себя каждый в масштабах своей деятельности и в меру способностей. Серьезных работ теоретического или исторического плана в то время не появлялось.

Постепенно управление сухопутных войск стало централизовать руководство теоретической работой. Но пока это были преимущественно военно-исторические исследования.

Начиная с 1920 г. все офицеры рейхсвера стали подвергаться регулярной проверке военно-теоретических и общих знаний. Позже было введено обязательное академическое образование средних и старших офицеров (до 1914 г. оно было добровольным).

Вся боевая подготовка рейхсвера условно велась с учетом новейшей организации войск, запрещенной для Германии Версальским договором, но существовавшей в других странах. С 1921 г. высший командный и штабной состав обучался вождению крупных соединений и объединений (корпус, армия, группа армий), хотя германская армия имела только семь пехотных дивизий, три кавалерийские, а крупных соединений не имелось вообще. Обучение велось в форме полевых поездок, штабных игр, учений. Широко практиковалась разработка статей и монографий.

Не удивительно, что уже в начале 30-х годов в генеральном штабе был разработан целый ряд теоретических соображений о способах ведения будущей войны европейского масштаба, хотя размеры армии пока не позволяли о ней и думать.

В войсковом управлении министерства рейхсвера военно-теоретическая работа сосредоточилась в специальной оперативной группе. В нее входили, в частности, Манштейн, Хойзингер, Каммхубер. Они занимались разработкой проблем оперативного использования крупных соединений и в конце 20-х годов представили по этому вопросу развернутый доклад. Взгляды группы были проверены позже, при вторжении гитлеровских войск в Австрию, Чехословакию, Польшу, а ее члены заняли перед второй мировой войной высокие штабные должности.

К моменту захвата власти гитлеровцами германские милитаристы проделали обширную работу в области военно-теоретической подготовки к будущей войне. Приступая к развертыванию массовых вооруженных сил, они находились «во всеоружии» также и в военно-теоретическом отношении.

После 1933 г. открылись неограниченные возможности для расширения и углубления военно-научной работы.

Генеральный штаб сухопутных сил создал «7-й отдел», в котором и сосредоточивалась военно-исследовательская работа. Именно этот отдел стал руководить издаваемым с 1936 г. центральным военно-научным журналом генерального штаба «*Militärwissenschaftliche Rundschau*», в котором публиковались статьи по основным проблемам военного искусства. Цель генерального штаба сухопутных сил состояла теперь в том, чтобы привлечь к военно-научной работе более широкий круг офицеров развешивающейся массовой армии. Немалую роль в достижении этой цели сыграло «Общество военной политики и военных знаний», руководимое генштабом и формально имевшее независимый статут. Круг его членов постоянно расширялся. В него входили офицеры, нацистские бонзы, гражданские ученые. В 1939 г. общество насчитывало 2200 членов.

Ведущее место в военно-теоретических взглядах германских милитаристов занимала теория «тотальной войны». Конечно, ее нельзя считать чисто германским порождением. Вернее, она представляла собой общеимпериалистическую военную концепцию, основные положения которой содержались в той или иной форме в военных доктринах различных капиталистических государств с начала XX столетия. В германском варианте она лишь приняла наиболее

завершенные и острые формы. Ее военное назначение сводилось к разработке приемов концентрации всех ресурсов государства для ведения войны, ибо на опыте 1914—1918 гг. германские милитаристы убедились, что войну стали решать народы, экономические и моральные ресурсы государства.

Военный теоретик Гирль в конце 20-х годов писал: «Войны нашего времени — это народные войны»¹. Людендорф несколько позже заявлял: «Центр тяжести тотальной войны — в народе»². Известный в милитаристских кругах военный писатель Зольдан утверждал в 1925 г. в своей книге «Человек и сражение будущего»: «Возникают две новые формы войны: психологическая и хозяйственная война»³. Германские военные приходили к заключению, что для ведения современной войны необходимо использование всех моральных, экономических и военных ресурсов государства.

Этим вопросам был посвящен ряд исследований Зольдана, Бернгарди, Риттера, Варлимонта, Мецша, Секта и других. В их работах наблюдался различный подход к проблеме. После первой мировой войны ее решение носило характер преимущественно академических обобщений военного опыта. После 1933 г. она приобретает характер практической доктрины германского фашизма.

Если возникновение теории «тотальной войны» относится к 20-м годам, то ее наиболее полное развитие — к середине 30-х годов, когда германский империализм порвал ограничения Версаля и стал широко готовиться к мировой войне. Именно тогда сложился типично фашистский вариант этой теории, тесно переплетенный с политической доктриной нацистов. Слияние фашистской политики и военной теории особенно прослеживается в книге генерала Людендорфа «Проблемы современного права о перемирии». Она вышла в свет, когда германский милитаризм усиленно перевооружался, готовясь к схватке. Поэтому работа такого «непререкаемого военного авторитета», каким был Людендорф, стала программой германского милитаризма.

Людендорф внушал немцам, что они, «как раса», должны готовиться к вступлению в «борьбу за существование» против «неполноценных» народов. Чтобы победить и занять господствующее место в мире, необходимо превратить страну в военный лагерь. Народ должен отдать себя на службу «тотальной войне», целиком «подчиниться полководцу». Лютая ненависть к социализму и презрение к народам, расизм и беспредельная ограниченность в социальных вопросах, мечты о покорении мира и культ «сильной личности» — все это роднило «тотальную войну» Людендорфа с ортодоксальны-

¹ C. Hierl. Grundlagen einer deutschen Wehrpolitik. München, 1929, S. 8.

² E. Ludendorff. Der totale Krieg. München, 1935, S. 28.

³ G. Soldan. Der Mensch und die Schlacht der Zukunft. Oldenburg, 1925, S. 90.

ми «творениями» фашистских идеологов¹. Идеи «тотальной войны», освященные авторитетом отставного начальника генерального штаба, получили широкое признание среди фашистской военщины.

Другой, правда менее именитый, автор — Бербер сводил сущность «тотальной войны» к таким признакам: военное руководство «отрицает пассивные методы ведения войны», которые несовместимы с достижением общей цели («сокрушение врага»); война ведется с участием всего народа, путем ввода всех имеющихся технических средств борьбы, «не обращая внимания на человечность, на привычные моральные или правовые запреты»; война ведется с использованием не только всех военных средств, но также и политических, и хозяйственных, «борьба ведется не на жизнь, а на смерть, как война на уничтожение или на порабощение»; цели войны «исключают компромисс и предусматривают не только военный разгром, но политическое уничтожение врага»; война ведется, так же «как идеологическая война», для уничтожения идеологии противника².

Таким образом, фашистское империалистическое понимание «тотальной войны» подразумевало войну с использованием любых аморальных, варварских, античеловеческих методов; ее целью являлось полное истребление людей. Германские фашистские теоретики довели принцип уничтожения до крайнего предела и стали подразумевать под ним войну любыми средствами вплоть до биологической ликвидации населения враждебной коалиции государств. Один из фашистских военных теоретиков, Франке, заявлял: «Война становится тотальной и снова приобретает свою грубую форму беспощадной борьбы всех против всех... Такая война в ее ходе не знает пощады враждебному народу»³.

Принцип уничтожения, в наиболее полной форме выражавший военные цели германского империализма, стал одним из руководящих принципов империалистической военной идеологии вообще.

Фашистские теоретики разработали перед второй мировой войной «социально-политические основы» подготовки «тотальной войны».

1. Установление военной диктатуры как главное условие полной милитаризации всей общественной жизни. Военная диктатура считалась наилучшим средством для «внутренней стабилизации», т. е. подавления революционных выступлений трудящихся, уничтожения оппозиции неограниченному вооружению и подготовке войн. «Опаснейший враг Германии был и остается внутри», — утверждал теоретик германского милитаризма Вагнер⁴.

2. Террор как средство подготовки и ведения войны. Германские теоретики считали террор лучшим способом уничтожения оппозиции военной диктатуре. Вместе с тем террор рассматривался

¹ См. E. Ludendorff. Op. cit. S. 9—20.

² F. Berber. Probleme des neuen Waffenstillstandsrechtes. Berlin, 1943, Ss. 9—12.

³ W. Wunsche. Op. cit. S. 84.

⁴ R. Wagner. Kaiserliche Eingriffe in die Weltkriegsführung. Leipzig.

как эффективное средство ведения войны. Один из военных писателей, Шварте, требовал добиваться «истощения» и «психического отравления» всего населения вражеской страны, подрыва его моральной устойчивости. Другой — Шюттль, заключал в 1938 г.: «Снова пришла эпоха варварского ведения войны, цель которой состоит в обезлюдении захваченного пространства»¹.

Нет, зверства фашистского вермахта в военные годы не были импровизацией эсэсовцев: теоретики германского милитаризма все продумали и все обосновали задолго до первых выстрелов второй мировой войны.

3. Внешнеполитическая изоляция и внутриполитическое разложение врага как важнейшая предпосылка успешного исхода борьбы. Этот метод нацисты считали необходимым условием подготовки «тотальной войны». Главные его средства: использование противоречий внутри коалиции, противостоящей Германии, сотрудничество с оппозиционными элементами, деятельность «пятых колонн», широкая подрывная пропаганда как важнейшее орудие внутриполитического разложения противника.

Таковы основные положения теории «тотальной войны», занимавшей ведущее место в военных взглядах германских милитаристов в 20—30-х годах.

Чисто военным ядром или военно-оперативной составной частью теории «тотальной войны» считалась концепция «молниеносной войны». Если теория «тотальной войны» — это, по существу, военная доктрина германского империализма, то теория «молниеносной войны» определяла взгляды на способы ведения вооруженной борьбы и военных действий.

Главный военный урок 1914—1918 гг. для Германии состоял в том, что затяжную борьбу на истощение Германия неизбежно проигрывает. И кроме того — революция! Такую страшную перспективу военно-фашистские круги решили отвергнуть раз и навсегда. Реваншистскую войну, которую готовился развязать германский империализм, нацисты хотели сделать кратковременной. Ее исход предполагалось решить не состязанием экономических потенциалов, где преимущество будет не на стороне Германии, а чисто военными средствами, в подготовке и методах использования которых германский фашизм рассчитывал добиться превосходства над вероятными противниками.

Доктрина блицкрига преломляла в военной области основы гитлеровской идеологии и программы нацистской партии и являлась отражением всей государственной организации третьего рейха. Эта программа и система автоматически поддерживали наиболее крайние концепции во всех областях военного искусства.

Теория «молниеносной войны» объединяла целый комплекс взглядов и теоретических положений, в совокупности подчиненных общей идее. К таким частным теоретическим положениям относи-

¹ L. Schuttel. Luftkrieg bedroht Europa. München, 1938, S. 16.7

лись: 1. Проблема моторизации и механизации сухопутных сил, проведения маневренных операций при ведущей роли бронетанковых соединений. 2. Принцип преимущественной роли наступления перед обороной. 3. Решающее значение внезапности. 4. Положение о необходимости стремительным ударом выиграть начальный период войны. 5. Теория оперативного использования военно-воздушных сил. 6. Принцип сосредоточения сил на направлении главного удара. 7. Проведение «концентрических операций» с целью окружения и уничтожения главных сил противника.

IV

В центре внимания военных теоретиков 20-х и особенно середины 30-х годов находился самый актуальный в то время вопрос — о моторизации и механизации вооруженных сил. Он был порожден необходимостью определить пути для преодоления позиционности, этого зла и проклятия минувшей войны. Решение проблемы стало, пожалуй, краеугольным камнем военно-оперативной деятельности генеральных штабов многих европейских государств.

Военная мысль германской армии приложила немало усилий для решения этой проблемы в духе концепции «молниеносной войны». Но в ходе ее решения с особой остротой обнаружилась борьба двух тенденций в оценке роли военной техники, о которых говорилось выше.

К середине 30-х годов в германской военной теории наблюдалось довольно сложное переплетение тенденций «быстроты и натиска» в их фашистском варианте и тяжеловесного методизма первой мировой войны; стремление к утверждению господства «новых», т. е. моторизованных и механизированных, войск и наряду с этим консервативное тяготение к «старым», т. е. к переоценке пехотных и артиллерийских масс в операциях будущей войны. Кристаллизация более современных оперативных взглядов превратилась в сложный процесс, который шел вплоть до начала второй мировой войны и продолжался в ее ходе, примерно до завершения Германией военных действий против Франции летом 1940 г.

Рассматривая военно-теоретические воззрения германского командования, мы не можем согласиться с теми военными писателями Запада, которые считают, что уже перед второй мировой войной оно всесторонне и окончательно разработало новые методы ведения крупных операций. Нельзя признать верной мысль, будто германская армия еще до начала войны совершенно самостоятельно создала теорию глубоких прорывов, наступления танковыми клиньями, стремительного развития успеха в направлении жизненных центров противника. В действительности все обстояло сложнее.

Создание новых оперативных доктрин шло в германской армии сложным, зигзагообразным путем. Оно питалось зарубежным опытом и на нем базировалось. В области оперативно-тактических проблем, связанных главным образом с применением бронетанковых и

механизированных войск, германская военная мысль 30-х годов шла ощупью, медленно и постепенно определяя новые формы и с трудом отказываясь от старых. С одной стороны, влияние на оперативную мысль оказывало весьма авторитетное течение, представленное генералами «старой» пехотно-артиллерийской школы, взгляды которых в принципе не ушли от оперативных концепций первой мировой войны. Они тяготели к могущественным ударам артиллерии, методическим атакам пехотных масс, кавалерийским рейдам. Соглашаясь с необходимостью развития бронетанковых войск, они тем не менее относились к ним скептически и считали необходимым использовать их лишь в тактических рамках.

Другая группа военных теоретиков, главным образом причисляемых к «молодому поколению» генерального штаба, предлагала более радикальные концепции ведения операций бронетанковыми войсками. На первый план эти офицеры выдвигали доктрину стремительных действий на базе интенсивной моторизации войск. Маневр и прорывы крупных бронетанковых соединений, экономное расходование средств — приемы, культивируемые в рейхсвере на его узкой базе, теперь могли быть использованы и массовыми вооруженными силами.

Представители этой группы решали вопросы о подвижности, высоких темпах операций и в связи с этим — о переводе войны из позиционных в маневренные формы, исходя из возможностей, которые давал вооруженным силам мотор. Они считали, что будущее принадлежит моторизации и механизации, проблеме номер один для большинства крупных армий Европы. «Мотор пожирает мир» — такими словами закончил еще в 1932 г. свое исследование «Тенденции ведения войны» генерал Мецш¹. Мотор начинает рассматриваться радикальным крылом военных теоретиков как символ активизации и быстроты, а моторизация — как главное военно-техническое средство воплощения в жизнь завоевательной программы германского милитаризма и фашизма. Людендорф еще в 1930 г. писал в работе «Мировая война угрожает германской земле», что в руководстве войной, которую всегда ведут крупные вооруженные силы против слабо вооруженных государств, играет важнейшую роль «быстрая мобилизация и быстрое наступательное движение войск». Воздушный флот должен сорвать мобилизацию врага, после чего будут применяться быстроходные войска, состоящие из моторизованных пехотных, кавалерийских дивизий, усиленных бронеавтомобилями и танками². Один из будущих гитлеровских танковых командиров полковник Неринг писал в работе «Армия завтрашнего дня»: «Во время мобилизации быстроходные и подвижные войска совместно с воздушными силами должны прикрыть собственные границы и выдвижение своих войск и одновременно огра-

¹ См. A. Müller. Hitlers Motorisierte Stossarmee. Paris, 1936, S. 25.

² См. E. Ludendorff. Weltkrieg droht auf deutschen Boden. München, 1931, S. 17.

ниченными ударами затруднить и помешать вражеской мобилизации и сосредоточению»¹. Мецш особо подчеркивал значение моторизованных войск и авиации для захвата в начале войны «операционного базиса» или района развертывания главных сил своей армии на территории врага. В военном приложении к газете военного министерства «Берлинер Борзен-Цейтунг» от 9 мая 1935 г. он утверждал, что быстрый ввод с самого начала войны мобильных моторизованных танковых соединений сможет обеспечить «в старой Европе» оперативную свободу действий.

Особенно настойчиво идею проведения стремительных наступательных операций пропагандировал Гудериан. В одной из своих предвоенных работ «Подвижные войска прежде и теперь» (1939 г.) он рассматривал вопрос о скорости действий танковых соединений при прорыве тактической зоны обороны и особенно при наступлении в оперативной глубине. Он требовал достигнутый успех «использовать настолько быстро, чтобы затруднить противнику ввод его резервов, если нельзя вообще сделать его невозможным. Вклинение должно быть расширено до прорыва. Танки... должны в полной мере использовать свою скорость. Каждая потерянная минута идет на пользу обороняющегося». «Быстрота рождает внезапность», — писал он. — Внезапный ввод сосредоточенных сил — самая надежная основа победы»².

Взгляды о необходимости решительной моторизации и механизации вооруженных сил получали все большее распространение и все большую поддержку правящих кругов гитлеровского рейха по мере приближения войны, укрепления внутренних позиций фашистского режима и усиления влияния нацистской партии на вооруженные силы. Однако в 30-х годах, особенно в первой их половине, позиции приверженцев опыта первой мировой войны, лишь немного подновленного, оставались еще весьма прочными.

Эти военные теоретики пытались втиснуть в рамки моторизации устаревшие приемы и традиции прошлых лет. «Громадное большинство генералов, — писал журнал «Militärwochenblatt» в июле 1934 г., — любит позиционную войну и осаду; там они имеют время на обдумывание; отсутствуют неожиданности, нет никакой необходимости принимать быстрые решения»³. Особенно наглядно тяготение к старому многих офицеров и генералов вермахта обнаружилось в ходе дискуссии между сторонниками кавалерии и приверженцами механизированных войск, развернувшейся на страницах военной печати в середине 30-х годов. Вопрос стоял так: что более перспективно — лошадь или мотор? Принадлежит ли будущее в оперативном искусстве кавалерии или надо развивать механизированные соединения? В этой дискуссии мнение большинства склонялось в пользу кавалерии, правда, несколько подновленной включе-

¹ A. Müller. Op. cit. S. 33.

² Guderian. Schnelle Truppen einst und jetzt. «MWR», 1939, Heft 2, S. 242.

³ «M — W», 1934, № 48, S. 1665.

нием в нее механизированных подразделений и различных средств усиления.

Развитие вооружения в течение последнего десятилетия, утверждал в 1936 г. генерал Людвиг, еще не дает оснований для мнения, что будущая война станет маневренной, а не позиционной. «Принципиально новое оружие не возникло»¹. Он считал, что бронетанковые войска не изменят характера войны и операций. Бронетанковые войска, заявлял Людвиг, это не шаг вперед, а «та же самая кавалерия», и поэтому они не дадут серьезных новшеств в ведении операций². И далее прямо-таки классическая мысль: «Лошадь медленнее, чем мотор, но технически безопаснее». Весь ход рассуждений приводил автора к выводу: «Стратегические формы мировой войны должны быть сегодня в некотором смысле повторены»³.

В другой статье того же журнала автор, ярый противник моторизации, следующим образом доказывал преимущество кавалерии перед танками: «Я думаю, что танк не является средством, с помощью которого короля современного поля боя — пулемет можно свергнуть с престола. Всегда в состязании между снарядом и броней побеждал первый!» Каково же будущее кавалерии и бронетанковых войск? Должны ли эти новые оперативные войска быть моторизованными или конными? Ответ такой. «То, что они в 1914 г. могли быть только конными, об этом уже говорилось. То, что они в 2000 г. могут стать только моторизованными, каждый понимающий будет сомневаться. Но танк не является преемником лошади». Перед кавалерией, по мнению автора, «открываются блестящие перспективы». Нужно только улучшить ее организацию, сделать кавалерию «моторизованной». Но поскольку даже это является «делом очень далекого будущего, как, например, цветные фильмы или телевидение», то «мы ограничимся живущими ныне лошадьми точно так же, как одноцветными фильмами и акустическими радиопередачами»⁴. Бесподобный пример «футурологии» нацистских солдафонов!

С мнением, что механизированные войска не смогут заменить кавалерию, соглашались многие и многие. «По-современному оснащенная и руководимая кавалерия, естественно, сможет впредь, как и раньше, решать важнейшие задачи»⁵, — писалось в еще одной весьма обстоятельной статье того же журнала.

Можно было бы привести много высказываний подобного рода. Но и приведенного достаточно, чтобы сделать вывод о серьезной противоречивости в развитии германской военной мысли первой половины и середины 30-х годов при решении наиболее актуальной проблемы строительства армии и военного искусства.

Работа по созданию бронетанковых войск велась в Германии еще с конца 20-х годов. Однако ни тогда, ни в начале 30-х годов никто

¹ «MWR», 1936, Heft 9, S. 607.

² Ibidem.

³ Ibidem.

⁴ «MWR», 1936, № 3, стр. 167.

⁵ Там же, стр. 211.

не признавал танки важным родом войск, стоящим наравне с пехотой или артиллерией. Под «подвижными войсками» подразумевали только кавалерию.

После того как весной 1934 г. было создано командование мотомеханизированных войск во главе с генералом Лутцем, дело, хотя и очень медленно, стало продвигаться вперед. Летом 1935 г. все имевшиеся в то время бронетанковые части и подразделения были объединены в танковую дивизию. Первые ее учения имели более чем скромную цель — «доказать возможность передвижения танковых соединений и ведения ими боевых действий во взаимодействии с другими родами войск».

Вплоть до 1937 г. имевшиеся в германской армии уже три танковые дивизии не представляли собой единых боевых соединений. Они до 1937 г. были, по существу, лишь административными формированиями и не проводили учений в полном составе. Личный состав этих дивизий даже не был одет в общую форму. В официальных статистических документах того времени большей частью даже не упоминаются танковые дивизии, а речь идет о танковых полках. Созданные позже три танковых и моторизованных корпуса официально назывались армейскими (т. е. пехотными) корпусами.

«Я был чрезвычайно опечален подобным раздроблением бронетанковых и моторизованных частей»¹, — писал Гудериан. Сам он в то время занимался теорией боевого использования танковых соединений. В начале 1936 г. Гудериан опубликовал работу под названием «Мотомеханизированные войска». Ее выводы целиком базировались на иностранном, прежде всего советском, опыте. «Из Конной армии Буденного 1920 г., — писал он, — создана танковая армия Ворошилова 1935 г. Ворошилов, по его собственным словам, уничтожил старое оружие, сделал из пехотных офицеров летчиков, а из кавалерийских офицеров танковых командиров»². Общие оценки советских бронетанковых войск сводились к следующему: «Красная Армия по моторизации — лучшая в мире. Англия и Франция далеко превзойдены»³. В Советском Союзе решена проблема взаимодействия бронетанковых войск и авиации. «Так как развитие русских военно-воздушных сил шло гармонично с развитием танков, — писал он, — то эта самая современная армия на всей земле... стоит наготове»⁴.

Гудериан детально рассматривал взгляды советских теоретиков на использование бронетанковых соединений в оперативных и тактических масштабах. Его особое внимание привлекали «действующие в глубину боевые группы», которые «преследуют оперативные цели, наносят удары против флангов и тыла или прорываются в

¹ Г. Гудериан. Воспоминания солдата. Перевод с немецкого. М., Воениздат, 1954, стр. 31.

² Там же, стр. 73.

³ «Численность в 10 тыс. танков, 150 тыс. тракторов и более 100 тыс. войсковых автомашин ставят Красную Армию во главе всех армий» (там же).

⁴ Там же.

глубину противника»¹. Он внимательно разбирал задачи, решаемые советскими оперативными танковыми группировками и танками поддержки пехоты.

Рассмотрев оперативно-тактические вопросы, Гудериан пытается развернуть общую картину будущих сражений, какой она ему рисуется: «Наступающий сделает свою массовую армию мобильной. Он будет располагать возможностью выбора места и времени для... решающего удара... Он попытается осуществить внезапный удар путем быстрого сосредоточения своих мотомеховых и неожиданного ввода военно-воздушных сил. Танковые соединения больше не будут останавливаться после достижения первой цели наступления, чтобы ожидать смены артиллерийских позиций и подхода кавалерии. Напротив, они будут стремиться путем полного использования своей скорости и запаса хода вести прорыв через оборонительную зону до полного завершения. Последующие эшелоны, безостановочно следуя за ними, свернут вражеский фронт и разовьют удар в глубину. ВВС нападут на глубокие резервы обороны и поддержат наступление»².

В другой работе Гудериан писал: «Нам должно быть ясно, что в общем танковом наступлении только тогда можно достигнуть решительного успеха, если удастся добиться путем сосредоточения сил требуемого массирования; такое соединение, как танковая бригада, является наименьшей боевой единицей, которой должна ставиться самостоятельная задача». За этим тезисом шла ссылка на ту основу, которая позволяла его сформулировать, — «русские маневры 1935 г. с применением в них 1000 танков в 4 эшелонах»³. Главные принципы: массирование бронетанковых войск, быстрое наступление в глубину при поддержке авиации были взяты из опыта учений Красной Армии. Принципы следовало закрепить соответствующей организацией войск. «Масса танковых сил, — продолжал Гудериан, — должна целесообразно объединяться в боевые корпуса, как это имеет место в Англии и России, в то время как во Франции в настоящее время утвердилась иная организация, при которой танковые батальоны или группы батальонов используются в рамках соединений высшего командования (дивизия, корпус)»⁴.

В этих своих работах Гудериан сформулировал немецкий вариант отдельных положений известной теории глубокой операции, разработанной советскими теоретиками еще в начале 30-х годов. Однако у фашистского генерала эта концепция оказалась наполненной крайне авантюристическим содержанием.

Официальная точка зрения генерального штаба сухопутных сил непосредственно перед войной все больше сближалась с радикальной концепцией «молодых» теоретиков, иными словами, с теми, кто по духу стоял ближе всех к нацистским взглядам на характер войны

¹ Г. Гудериан. Воспоминания солдата, стр. 73.

² Там же, стр. 76.

³ «MWR», 1936, Heft 9, S. 611.

⁴ Ibidem, S. 609.

и военных операций. Конечно же, танки сделают войну молниеносной, и не просто танки, а их массы, бросаемые далеко вперед решительно, с максимальной скоростью. В изданных осенью 1939 г. специальных указаниях генерального штаба говорилось: «Танковые дивизии... сомкнутым строем вводятся в сражение, а будучи сведены в более крупные соединения (танковые корпуса), получают самостоятельные, т. е. независимые от пехоты задачи с далеко идущей, часто оперативной целью». И далее: «Танковая дивизия должна вводиться, когда сражение достигает максимальной точки, в решающем пункте сражения. Она должна привести сражение к благополучному окончанию. Атака по флангам и по тылу противника, завершение прорыва фронта и преследование — главные задачи танковой дивизии»¹.

«Молниеносная война» считалась немыслимой без внезапного нападения. В материалах ОКВ под названием «Как представляется будущая война», разработанных в марте 1938 г., подчеркивалось: «Государство, его вооруженные силы и население еще до объявления приказа о мобилизации приводятся в состояние возможно более высокого мобилизационной готовности. Необходимость достижения фактора внезапности и быстрых крупных первоначальных успехов нередко заставят начинать войну до окончания мобилизации и даже до завершения развертывания сил. Не во всех случаях началу военных действий будет предшествовать объявление войны»².

Теорией внезапности старательно занимался генерал Эрфурт. «Принцип уничтожения как основной закон войны тесно связан с внезапностью», — заявлял он в работе «Внезапность на войне». «Движение способствует прежде всего внезапности, а внезапность обеспечивает движение»; «Предпосылка победы кроется в сохранении тайны своих намерений и во внезапном ударе по врагу»³. Выводы Эрфурта целиком отвечали взглядам генерального штаба. Они также отвечали всей фашистской военной концепции.

Еще одним вопросом, который находился в поле зрения генерального штаба в 30-е годы, был вопрос об особенностях начала войны. Повышенное внимание к этой проблеме вытекало из общей концепции «молниеносной войны», из стремления одержать победу в короткий срок одним или несколькими ударами, причем первому удару отводилась особая роль.

Людендорф еще в 1930 г. требовал вводить главные силы авиации и все имеющиеся подвижные войска с самого начала нападения. Он писал: «Крупные военные державы для срыва мобилизации противника должны кроме авиации применять подвижные войска, состоящие из моторизованной пехоты и кавалерийских дивизий, усиленных бронетанковыми соединениями и вспомогательными войсками, перевозимыми на автомобилях»⁴. Неринг особо подчеркивал

¹ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725167, д. 105, л. 67.

² IMT. Vol. XXXVIII, Doc. 211-L.

³ W. Erfurth. Die Überraschung im Kriege. «MWR», 1938, Heft 3, S. 364.

⁴ E. Ludendorff. Weltkrieg droht... S. 34.

необходимость использования подвижных войск совместно с авиацией для срыва мобилизации и сосредоточения армии противника.

Что касается авиации, то в Германии разделяли взгляды итальянца Дуэ о решающей роли ВВС. Ревностными пропагандистами «дуэтизма» в Германии выступали Бюлов, Мельдерс и целая группа их последователей. Успех «молниеносной войны» они ставили в прямую зависимость от внезапного первого удара военно-воздушных сил. «Авиация должна начать войну мощными атаками прежде всего по вражеской авиации для ее разгрома, а затем или параллельно — по жизненным центрам врага, по «источникам силы и воли противника».) Особенно важно сорвать мобилизацию. Бюлов писал в 1936 г.: «Перед мировой войной планомерная мобилизация была естественной основой похода, но в будущей войне такое беспрепятственное развитие, такая мобилизация, вероятно, окажутся невозможными. Тыловые сообщения, железные дороги, мосты, индустриальные зоны, центры связи, источники продукции и т. д. будут с самого начала войны находиться под уничтожающим воздействием бомбовых ударов... Из всех новых боевых технических средств, — продолжал Бюлов, — усовершенствование военно-воздушных сил в наибольшей степени влияет на боевое пространство и тем самым на ведение войны и формы борьбы будущего»¹.

«Дуэтизм» стал собственной доктриной нацистских люфтваффе. Усугубляя их корпоративный дух и замкнутость, он вел к искусственному преувеличению их роли в войне. Доказывали, что авиация стала даже определять политику государств. Бюлов приходил к выводу: «Угроза атак из пространства третьего измерения на промышленные центры... оказывает большое влияние на политические и экономические мероприятия любого правительства и связывает политику, экономику и вооруженные силы в одно целое, состоящее из воли и действия»². В каждом техническом усовершенствовании германские милитаристы хотели видеть еще одно средство, способное доказать примат войны над политикой.

Каким же будет непосредственное влияние авиации на вооруженную борьбу? Ответы на этот вопрос сводились к двум главным моментам. 1. Увеличится значение борьбы против экономического потенциала и материальных ресурсов противника. «Ход войны, — по мнению Бюлова, — показал, что борьба против материальных ресурсов может стать решающим средством победы»³. 2. Развитие ВВС превращает тыл страны в сферу войны, меняет соотношение между фронтом и тылом. Это свойство авиации в конце 20-х — начале 30-х годов считалось новшеством.

Гитлеровские военные теоретики широко заимствовали за рубежом идеи самостоятельных воздушных операций. И если зарождение в Германии теории воздушной войны относится к сравнительно

¹ W. Bülow. Die Grundlagen neuzeitlichen Luftstreitkräfte. «MWR», 1936, Heft 1, S. 88.

² Ibidem.

³ Ibidem, S. 82.

более позднему, чем в других странах, сроку (1936 г.), то ее быстрое развитие в последующие несколько лет, а потом и попытки применить на практике в широких масштабах объясняются тем, что теория была взята за границу в более или менее готовом виде.

Одной из первых работ по этому вопросу был труд теоретика ВВС Родена «Размышления о воздушной войне». Общее значение оперативных ВВС и самостоятельных воздушных операций формулировалось в статье Родена следующим образом: «С их помощью (оперативных ВВС. — Д. П.) народы земли хотят достигнуть новой сущности и новых целей, и, по-видимому, вследствие особенностей авиации это возможно сделать, не вводя в действие главных сил армии и флота... Воздушная война кажется нам поэтому, если рассматривать ее в соотношении с войной в целом, как самостоятельный акт, который может решительно и быстро оказать влияние на межгосударственные отношения народов материальной и моральной силой или даже угрозой этой силы»¹. Здесь «дуэтизм» получил завершение: авиация возведена в степень «самостоятельной силы», способной оказывать решающее влияние на судьбы народов.

Конечно, технические возможности авиации того времени, ее вооружение и численность не создавали предпосылок для того, чтобы отвести ей подобную роль в войне ближайшего будущего. Но германские милитаристы, склонные к переоценке своих сил, надеялись создать ВВС, способные изменить ход истории. Ведь во главе их стоял Геринг!

Если доктрина «воздушной войны» складывалась под сильным влиянием итальянских взглядов, то целый ряд практических вопросов о методах ведения воздушных операций заимствовался у Советского Союза. Бюлов в обширной статье писал о «необычайной силе и наступательной мощи советских военно-воздушных сил». Он исследовал основные этапы развития советской авиации с 1917 по 1936 г., опубликовал свои данные о предполагаемой годовой мощи советских авиационных заводов, технических данных советских самолетов, о состоянии обучения летному делу. Он подробно изучил материалы о существовании советской стратегии и тактики военно-воздушных сил, ссылаясь, в частности, на статьи видных деятелей советской авиации Хрипина, Татарченко и др. в журналах «Вестник воздушного флота», «Война и революция»². Бюлов писал, что советские ВВС «благодаря проводимой в них огромной научно-исследовательской работе и превосходной инженерной мысли могли бы очень скоро не только догнать, но и опередить военно-воздушные силы других стран»³. В другой статье рассматривалась и изучалась груп-

¹ MWR, 1937, Heft, 2, S. 200.

² Бюлов считал, что за несколько лет до 1937 г. количество самолетов в советских ВВС увеличилось с 1500 до 4700 боевых машин и что «тем самым они стали самыми крупными в мире». Он приводил слова некоего американского специалиста о том, что в случае войны Советский Союз сможет выставить 8—10 тыс. самолетов, ибо, по его данным, годовая продукция советских авиазаводов возросла к 1937 г. до 8 тыс. самолетов.

³ «MWR», 1936, Heft 6, S. 797.

пировка советских военно-воздушных сил, предназначенная для самостоятельных наступательных операций. Пытаясь представить себе систему дислокации советских ВВС, немецкие теоретики стремились извлечь для себя практические уроки.

Большой интерес в Германии вызывал совершенно новый опыт Красной Армии в создании и подготовке воздушнодесантных войск. Особенно детально исследовались маневры Киевского военного округа, в ходе которых был впервые выброшен в тыл «противника» оперативный воздушный десант. Однако германская военная мысль в 1936 г. еще не смогла в полной мере понять преимущества и перспективы воздушнодесантных войск.

Широко используя опыт СССР, германские милитаристы вместе с тем старались запугать «советской воздушной мощью» западные державы. Изображались «страшные картины» вторжения советского воздушного флота в Европу через Чехословакию, которую немецкий генштаб считал «авианосцем Советского Союза» в Центральной Европе. Подобная демагогия служила еще одним средством политического нажима на западные державы: только третий рейх в состоянии защитить их от «советской угрозы».

Успешный исход «молниеносной войны» германские военные теоретики ставили в прямую зависимость от «концентрических операций». Битвы на окружение стали заветной мечтой немецких генералов. После того как Шлиффен разработал свою теорию охвата, наступление с обязательным окружением превратилось в шаблон. Шлиффен не учел: в условиях войн начала XX века оперативному охвату должен предшествовать прорыв. Первая мировая война дала крайне мало примеров успешных операций на окружение. Кровавые кошмары Фландрии и Артуа, Соммы и Вердена развеяли честолюбивые замыслы «Канн».

В 30-е годы идея возродилась. Танковые корпуса и авиационные дивизии должны были принести славу «полных побед». Устав «Вождение войск» давал обязательную схему операций на окружение. Немецко-фашистское командование точно следовало ей с 1939 по 1941 г. Вся несостоятельность этой схемы выявилась после первых же ответных ударов Красной Армии.

Но в 30-е годы эта схема считалась немецкой военной школой непререкаемой и обязательной. Стратегические операции кануна второй мировой войны планировались в полном соответствии с ее требованиями. План наступления на Польшу, разработанный в 1939 г., в принципе лишь повторял схему вторжения в Россию, составленную Шлиффеном в 1895 г. В обоих случаях основой являлись «концентрические операции» двумя ударными группами из Восточной Пруссии и Силезии — Галиции при сковывании некоторыми силами в центре.

* * *

Мы хотели здесь подчеркнуть главным образом ту мысль, что развитие нацистами военной теории вовсе не было простым и пря-

молинейным, как это иногда считается. Военно-теоретическая мысль Германии развивалась в 20—30-е годы в борьбе двух направлений. Представители каждого из них придерживались крайних позиций. Если консервативное течение упорствовало в своей недооценке маневренных форм борьбы, крупных соединений механизированных войск, то «новаторы» впадали в другую крайность, ставили «новым войскам» задачи, никак не соответствовавшие их возможностям. Действительно, некоторые нацистские теоретики разрабатывали перед второй мировой войной усовершенствованные приемы ведения военных операций. Под воздействием требований агрессивной политики гитлеровского государства эти теоретики все больше скатывались к авантюризму в стратегии и оперативных методах, недооценивали экономические и политические факторы, переоценивали чисто военные. Пользуясь полной поддержкой государственной власти, сторонники «радикального» течения постепенно формулировали официальную доктрину фашистского вермахта, главным содержанием которой стала концепция «молниеносной войны». Она представляла собой основу стратегии вермахта, совокупность приемов вооруженной борьбы, выработанных фашистским империалистическим агрессором. Используя наиболее авантюристические элементы германской военной теории с начала эпохи империализма, приспособляя их к политическим установкам фашизма и возможностям новой техники, германские милитаристы сделали концепцию блицкрига фундаментом своей наступательной стратегии.

Они надеялись с ее помощью разрешить несоответствие экономического и военного потенциала германского империализма его завоевательной программе в мировом масштабе. Требования этой стратегии решающим образом влияли на структуру вооруженных сил, в которых ведущее место должны были занять бронетанковые войска и авиация. Задачам блицкрига отвечала вся направленность германской военно-теоретической мысли и боевой подготовки войск.

Фашизм выработал самую изощренную, самую вероломную систему подрывной деятельности, шпионажа, «психологического наступления», террора, которая считалась необходимой предпосылкой для войны, ведущейся танками, самолетами. Органически вплетая эту систему в свою идеологию, политику, дипломатию, стараясь задолго до первых выстрелов изнутри подорвать государство, избранное в качестве объекта агрессии, нацисты возвели нарушение норм международного права в некий стратегический фактор, намереваясь таким путем ввести в заблуждение будущего противника и поставить его перед войной в самые невыгодные условия.

Стратегическая дезинформация, тесно переплетавшаяся с подрывной работой, велась на основе единого плана, охватывавшего работу самых различных звеньев государственного и военного аппарата, печать, радио, всю систему пропаганды.

До 1939 г. далеко не все представляли, сколь опасна для народов и государств гитлеровская концепция «молниеносной войны». И потребовалось очень много усилий, чтобы на деле вскрыть ее

глубочайший внутренний порок: она предназначалась для «компенсации» заведомо более слабого экономического и военного потенциала третьего рейха по сравнению с потенциалами государств, на которые Германия собиралась нападать.

Блицкриг объективно стал преломлением в военной области завоевательной доктрины гитлеризма, ответом милитаристских кругов на социальный заказ германского империализма, готовившегося к захватнической войне. Нацистскому режиму требовалась именно такая военная теория, ибо она, казалось, открывала тайну победоносных войн. Но вскоре после 22 июня 1941 г. стало совершенно ясно, что почти все двадцатилетние усилия нацистов по конструированию стратегии блицкрига оказались тщетными. Под ударами Красной Армии ее фундамент очень скоро рухнул. Вся конструкция была несостоятельна.

I

Возникновение второй мировой войны, вероятно, еще очень долго останется одной из центральных проблем новейшей истории. Картина современного мира дает слишком мало оснований для надежд, что империализм, как система, порождающая войны, исключит опасность новой катастрофы. И как бы далеко в прошлое ни уходила вторая мировая война, сколь бы ни теснил ее бег времени, общественная мысль на всяком кризисном повороте не может так или иначе не обращаться к опыту прошлого, чтобы сохранить будущее.

Оценки исторических событий во многом зависят от эпохи, в которую воссоздается история. Степень достоверности оценок нередко бывает пропорциональной сроку, разделяющему прошлое и настоящее. Но главным и решающим в анализе событий истории является, безусловно, научный метод, классовая позиция исследователей. Марксистско-ленинская историческая наука не только полно и глубоко раскрыла причины второй мировой войны, ее движущие силы и закономерности, но дала наиболее адекватное действительности объяснение конкретных фактов ее предыстории, составляющих чрезвычайно сложную и часто противоречивую картину движения капиталистического мира к самой крупной в человеческой летописи трагедии.

Раскол мира на две системы, кризисность и усиливающаяся неравномерность развития капитализма, антикоммунизм как идеология, объединяющая политическое мышление, и как практическая политика международной буржуазии, цепь версальских антагонизмов и, наконец, фашизм с его безумными планами мирового владычества — все это делало международные отношения 20—30-х годов крайне неустойчивыми, наполненными огромной взрывной силой.

Безусловно, существование Советского Союза, образование двух общественных систем породило главное противоречие эпохи — противоречие между социализмом и капитализмом. Оно не снимало глубокой конфронтации внутри империализма, но создавало предпосылки для объединения враждующих империалистических

группировок во имя общей для них цели — уничтожения Советского Союза.

Закономерность и противоречия развития империализма состояли, в частности, в том, что, породив фашизм как диктатуру с запрограммированной целью уничтожить социализм, эксплуататорский строй создал силу, которая до крайности обострила антагонизмы внутри самой системы империализма и привела к войне.

Германский империализм, выступая в форме фашистской диктатуры, готовился не просто переделить мир, получить колонии, но завоевать мировое господство, создать варварскую сверхдержаву, истребляющую целые народы. Подобная программа отнюдь не входила в расчеты империалистов Запада не только потому, что ее реализация означала колоссальное нарушение равновесия сил, но и потому, что, как в этом чересчур поздно убедились западные лидеры, она должна была проводиться в жизнь также за счет их собственных империй и стран.

Агрессия против Советского Союза представляла собой на всех этапах существования гитлеровского рейха основное содержание его внешнеполитической программы. Но столь же рано, как сложилось решение напасть на Советский Союз, гитлеровцы пришли к выводу, что начать поход против социалистической державы можно и нужно лишь после победы над Францией и Англией и решения в свою пользу основного комплекса проблем империалистического соперничества.

Экономический кризис, охвативший с 1937 г. главные капиталистические государства, вызвал быстрое снижение уровня их промышленного производства. В Германии милитаризация экономики, проведенная в 1933—1937 гг., несколько оттянула наступление кризиса, но вместе с тем грозила в недалеком будущем придать ему еще более глубокий характер, чем в США и других капиталистических странах. Германская экономика быстро нагоняла в ведущих отраслях уровень промышленного производства США, Англии, Франции. Германия превращалась в сильного конкурента западных держав.

Растущие экономические противоречия и конкурентная борьба привели в 30-х годах к еще более резкому, чем прежде, обострению соперничества между Германией и другими капиталистическими государствами, прежде всего Англией, Францией и США.

Особенно обострились германо-английские противоречия.

Германский империализм считал, что важным условием завоевания мирового господства является устранение гегемонии Британской империи. Активные действия по вытеснению английского капитала из различных районов мира, передел в свою пользу английских колониальных владений, захват узловых стратегических позиций Великобритании составляли существенные аспекты антибританской внешней политики третьего рейха.

Германский империализм сталкивался с британским империализмом на Ближнем и Среднем Востоке, вытеснял английский и

французский капитал в Юго-Восточной Европе, на Балканах. Он почти полностью исключил влияние британской экономики на промышленность Италии, Швейцарии, а затем Испании. Импорт фашистской Германии с начала 30-х годов стал занимать ведущее место в Скандинавии, Бельгии, Голландии, имевших прежде самые широкие торговые связи с Англией.

Экономическая экспансия сопровождалась необычно активным политическим проникновением в различные страны, широкой подрывной и шпионской работой германских эмиссаров, сколачиванием «пятых колонн», военным ослаблением этих государств изнутри и насаждением в ряде стран профашистских режимов. Колониальные требования перед второй мировой войной стали одним из главных направлений агрессивной внешней политики гитлеровского рейха. Основным полем экономических столкновений между Германией и США стали страны Латинской Америки, где германский экспорт вытеснял экспорт США.

Хотя экономический кризис ввиду милитаризации экономики рейха наступил в фашистской Германии позже, чем в других главных капиталистических странах, но он обещал стать более глубоким. Гонка вооружений истощала финансовые ресурсы и сырьевые запасы Германии, постепенно веда к сокращению экспорта, быстрому снижению уровня производства продуктов потребления и в конечном счете могла подорвать военное производство, во имя которого приносились все жертвы.

Объем промышленной продукции нацистской Германии в 1938 г. стал постепенно уменьшаться. Внутренний кризис грозил свести на нет успехи внешнеполитического агрессивного курса и в условиях политики «хозяйственной автаркии» еще сильнее толкал фашистскую верхушку на путь военной и экономической экспансии, на захват новых источников сырья, рынков сбыта и сфер приложения капитала. Выход из кризиса гитлеровцы видели только в войне за установление мирового господства германского империализма.

Все эти экономические предпосылки и все аспекты политического курса германского империализма и фашизма были главными причинами международного политического кризиса 1939 г., проложившего прямой путь к мировой войне.

Политика английской и французской империалистической буржуазии в отношении фашистской Германии длительное время перед второй мировой войной определялась двумя главными тенденциями: антикоммунизмом и конкурентной империалистической борьбой. Эти два главных мотива британской политики, неразрывно связанные между собой, обусловили, с одной стороны, попустительство гитлеровской агрессии, наталкивание Германии на Советский Союз, а с другой — стремление ограничить те направления германской экспансии, которые угрожали мировым позициям британского империализма. Внешнеполитическое кредо правящих кругов Франции в принципе совпадало с британским, что давало основу для выработки совместных политических и военных решений.

Оборотной стороной такого курса внешней политики английской и французской монополистической буржуазии было сглаживание противоречий между западными державами и фашистской Германией на почве антикоммунизма. Этот курс привел к дальнейшему обострению международного политического кризиса и приблизил мировую войну.

Но в то же время рост фашистской угрозы и вызванное им усиление оппозиции народных масс Англии и Франции к авантюристической политике обоих правительств постепенно заставляли правящие круги этих стран все больше маневрировать, все больше углублять обе тенденции своего курса. В итоге политика правящих кругов обеих стран развивалась перед второй мировой войной в двух направлениях. С одной стороны, открыто и подчеркнуто провозглашалась необходимость вооружения для отпора агрессии, давались гарантии странам Восточной Европы, велись переговоры с Советским Союзом, с другой — тайно делались предложения гитлеровской Германии о всеохватывающем империалистическом взаимопонимании на основе раздела сфер влияния в Европе и дальнейшего попустительства агрессии на Восток. Оба направления этой политики в конечном счете имели своей целью добиться соглашения с Гитлером и натолкнуть Германию на Советский Союз.

Гитлеровская верхушка усматривала в таком курсе выражение слабости западных держав, крайней нерешительности их правительств, боязни военного конфликта, что ясно подтвердили мюнхенские события. Гитлеровцы стремились воспользоваться сложившейся ситуацией для реализации политики последовательных захватов в Центральной, Западной и Восточной Европе.

Потворствуя гитлеровской Германии, западные державы содействовали развитию военного потенциала рейха и вкладывали в руки германского фашизма меч, который вскоре обрушился на них самих.

II

Свое место в ряду социальных сил, активно стремившихся к войне и способствовавших ее возникновению, занимал, конечно, германский милитаризм.

Вполне очевидно, что не он определял внешнюю политику рейха — на то существовали фашистские политики во главе с фюрером. Но военщина оказывала столь сильное влияние на выработку агрессивной внешнеполитической программы, что ее можно считать побудителем главных военно-политических решений.

Безусловно, не военные непосредственно возглавляли германскую экономику — имелась иерархия экономических «вождей», не говоря уже о такой могущественной силе, как руководители монополий. Но воздействие военной верхушки на определение общего курса развития германской экономики в милитаристском духе было столь существенным, что военных в комплексе с промышленниками

следует признать определяющей силой в военно-экономическом программировании рейха.

Не милитаристская верхушка возглавляла идеологические усилия фашизма. Ведомство Геббельса и армия его пропагандистов днём и ночью занимались растлением народа. Но военно-фашистская идеология, главными носителями которой были милитаристы, составляла сердцевину этой дьявольской работы, с помощью которой они хотели превратить нацию в бесконечные колонны послушных солдат, а страну — в сплошную казарму.

Казалось бы, внешне военные занимались лишь своим ремеслом — учили солдат, готовили армию, выполняли приказы фюрера. Именно такими пытаются их изобразить многие историки на Западе. Однако если изучать деятельность германских милитаристов не только с военно-технической точки зрения, но видеть в них самих и в результатах их трудов социальную силу и социальные последствия, то окажется, что германская военщина перед второй мировой войной представляла собой могущественную общественную прослойку, которая оказывала постоянно растущее влияние на главные сферы деятельности государства. И может ли быть сомнение, в каком направлении двигалась чудовищная государственная машина третьего рейха, когда среди рулевых стояли главари германского милитаризма?

Несмотря на свою неукротимую хищность, гитлеровцы до поры до времени пытались соразмерять действия с возможностями. Как ни быстро развивались вооруженные силы, как ни благосклонно относились на Западе к росту германской военной мощи, нацистам и их оруженосцам приходилось в своей игре считаться с множеством слагаемых, определявших необычайно пеструю картину международных отношений в Европе.

Не учитывать ходы европейского политического лабиринта означало погубить «дело» в самом начале. Фашистские заправилы это понимали. Поэтому, особенно на первых этапах подготовки к войне, т. е. до 1937 г., они старались во взаимоотношениях с внешним миром сочетать политические и военные факторы в таких пропорциях, которые обеспечили бы достижение целей с максимальной лёгкостью и наименьшими издержками.

На этой основе сложились приемы военно-политической стратегии фашизма 30-х годов, главный смысл которых заключался в создании наиболее выгодных внешнеполитических условий для завоевания мировой гегемонии в будущем.

Во-первых, циничная спекуляция на условиях Версальского мира, на послеверсальских проблемах, тяжестью своей давивших на немецкий народ, но не на германских империалистов.

Во-вторых, использование порождённой общим кризисом системы капитализма классовой ненависти реакционных кругов западных держав к Советскому Союзу. Гитлеровцы стремились всячески усилить стереотип их мышления, согласно которому Германия в фашистском обличье — это мессия, который «защитит» их от «больше-

визма» и «сокрушит» его. На протяжении всей двенадцатилетней истории «тысячелетнего рейха» нацистам неоднократно удавалось, спекулируя на антикоммунизме западных держав, поворачивать их политику в нужное им русло.

В-третьих, внесение раскола в лагерь противников для внешне-политической изоляции того государства, которое намечено в качестве очередной жертвы агрессии. Наглое стремление представить любой свой агрессивный акт как действие «во имя мира» и «последнее» из притязаний Германии. Не случайно все помпезно обставленные выступления Гитлера нацистская пропаганда с невероятным шумом преподносила международному общественному мнению как «речи мира».

В-четвертых, подчинение внешнеполитических акций военно-стратегическим, использование дипломатии для создания наиболее благоприятных условий внезапного осуществления военной агрессии, оценка международных договоров и соглашений лишь с той точки зрения, в какой мере они способствуют созданию таких условий. Все это свидетельствовало о том, с какой последовательностью гитлеровцы проводили губительный курс подчинения политики военным целям.

В-пятых, использование средств «психологической войны» для запугивания, деморализации, подрыва изнутри государства, намеченного в качестве противника.

Используя эти приемы своей военно-политической стратегии, все вместе или в различных сочетаниях и пропорциях, фашистская клика начиная с середины 1935 г. приступила к разработке конкретных планов агрессии. При этом гитлеровцам, само собой разумеется, приходилось считаться с фактической структурой международных отношений в Европе, исходить, с одной стороны, из предполагаемых направлений агрессии, а с другой — из тех военно-политических комбинаций, которые могут сложиться, если она начнется.

Третий рейх находился в центре Европы. Он граничил с девятью государствами, из которых все, в том числе и Швейцария, были намечены как объекты захвата. Кроме того, Польша своим коридором отделяла территорию Восточной Пруссии от Померании, а начертание границ Чехословакии никак не устраивало нацистов, считавших, что ее выдвинутое к северо-западу положение таит угрозу рейху. За непосредственными соседями располагались великие державы — Советский Союз, Англия и дружественная Италия. Чтобы добраться своей армией до первых двух, нацистам предстояло захватить территорию нескольких соседних стран, и поэтому их захват должен был стать обязательной «прелюдией» «большой войны».

Общая модель европейских политических взаимоотношений к середине 1935 г. определялась наличием следующих главных соглашений и договоров:

— согласно гарантийному пакту между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией, принятому на Локарнской

конференции, у этих стран существовало обязательство соблюдать территориальный статус-кво, установленный Версальским миром;

— Франция была связана договорами о помощи с Чехословакией и Польшей;

— в марте 1934 г. был заключен итало-австро-венгерский пакт о контактах и консультациях;

— 2 мая 1935 г. был подписан договор о взаимопомощи между СССР и Францией, а 16 мая — советско-чехословацкий договор о взаимопомощи;

— в январе 1935 г. была подписана декларация о франко-итальянском сотрудничестве.

Наличие всевозможных союзов, гарантий и обязательств между предполагаемыми противниками в общем не останавливало гитлеровцев, получавших все больше доказательств тому, сколь многого они могут добиться, играя на противоречиях и антикоммунизме империалистических держав. Еще одним убедительным доказательством подобного рода была позиция Англии, Франции и США в связи с агрессией Италии против Эфиопии — позиция фактического поощрения агрессора. После того как Лига наций в июле 1936 г. отказалась от применения санкций к Италии и тем принесла Эфиопию в жертву Муссолини, боясь «идти на риск европейской войны», Берлину стало предельно ясно, как мало препятствий он встретит в Европе и со стороны западных держав, и от Лиги наций.

Германия начала с разрыва Локарнских соглашений. Направленные против СССР, они вместе с тем сковывали ее действия в западном направлении, а демилитаризованная Рейнская область была бы неплохим плацдармом для будущего нападения на Францию. Решение ввести войска в Рейнскую область было принято весной 1935 г., в дни, когда все больше обнаруживалось бессилие западных держав и Лиги наций в связи с итальянской агрессией против Эфиопии. Именно тогда Гитлер отдал окончательный приказ.

7 марта 1936 г. немецкие войска вступили в демилитаризованную зону, грубо нарушив Версальский и Локарнский договоры. В тот же день германское правительство опубликовало меморандум, в котором заявило, что восстанавливает свой «полный и неограниченный суверенитет» в Рейнской области в связи с тем, что Франция «нарушила» Локарнские соглашения, заключив договор с Советским Союзом. Германия официально отказалась от Локарнских соглашений.

Лига наций после долгих обсуждений ограничилась лишь признанием факта нарушения Версальского и Локарнского договоров. Однако подобного рода резолюции очень мало подействовали на фашистскую клику. В тот же день, когда Лига наций приступила к голосованию вопроса, нарушала ли Германия границы Рейнской зоны, Гитлер заявил, выступая в Бреслау: в Европе «должен возникнуть новый порядок».

Ввод войск в Рейнскую зону, несмотря на ограниченный масштаб военной акции, имел первостепенное военно-политическое

значение для Германии: третий рейх, отбросив Локарнские соглашения, развязал руки для агрессии против стран Западной Европы в будущем, создал условия постоянного политического нажима на Францию, получил возможность создать на Рейне мощный военный плацдарм и для удара на Запад, и для обороны против Франции в случае своего вторжения в Чехословакию, которое стояло на очереди дня. Иными словами, рейнская акция означала первый шаг в подготовке агрессии против Центральной и Западной Европы. Наконец, акция имела для гитлеровцев и то, ни с чем не сравнимое значение, что она впервые на практике убедила их в безнаказанности военного натиска в Европе.

1937 г. был для германского фашизма очень важным. Вооружение шло успешно, растущими темпами. Капиталистический мир все больше верил, что Гитлер выполнит свою миссию: защитит Европу от революции. В этом его убеждал и «антикоминтерновский пакт», заключенный в ноябре 1936 г. В Испании уже свирепствовал «Легион Кондор», совершая свои поразившие мир беспощадные налеты на «открытые города» (тогда еще существовало такое понятие).

В Лондоне и Париже «умиротворители» проявляли все большее рвение. Они еще пока не назывались «мюнхенцами» — до появления этого слова, которому будет суждено прочно войти в политический и исторический лексикон, оставался год. Но дело не в терминах. Никакое политическое вероломство не приходит внезапно. Вся логика англо-французской дипломатии вела западные державы к полной капитуляции перед фашизмом. Англия предложила Гитлеру долгосрочные займы и попыталась «согласовать» вопрос о разделе сфер влияния и рынков сбыта. Чемберлен и его министр иностранных дел Галифакс вдохновенно и упорно трудились над воплощением в жизнь идеи «широкого англо-германского сотрудничества» на базе превращения рейха в мощный, надежный и, конечно, во всем солидарный с Западом антисоветский бастион.

Гитлер принимал к сведению эту вполне устраивавшую его политику обеих западноевропейских столиц. Генералы старались учитывать ее в своих оперативных планах. Однако Берлин не собирался связывать себе руки какими бы то ни было соглашениями с Великобританией. Счет уже был готов, но бросить его на стол не торопились.

Военно-стратегические планы фашистского военного руководства, составлявшиеся летом 1937 г., отражали растущую уверенность в своих силах и готовность ко все более крупным акциям. Конечно, в Берлине еще опасались прямого военного столкновения с великими державами. Поэтому усилия стратегии направлялись на то, чтобы, последовательно осуществляя захваты в Центральной Европе, избежать открытой конфронтации с Францией, Англией и Советским Союзом.

Осенью 1935 г. генеральный штаб сухопутных сил разработал план войны против Франции (план «Рот»), который затем ежегод-

но уточнялся и обновлялся. Но этот план не носил агрессивно-наступательного характера, как другой параллельно разработанный план «Грюн» — план вторжения в Чехословакию.

Захваты Австрии и Чехословакии рассматривались как первые обязательные этапы агрессии в Европе. Проблема возможной позиции великих держав при осуществлении этих захватов постоянно находилась в центре внимания фашистских стратегов. Перебирая возможные варианты конфликта, они приходили к выводу, что дело все-таки не может обойтись без войны на два фронта. Считались возможными следующие варианты.

Первый: ведение войны на два фронта при сосредоточении главных усилий против Франции, если она нападет на Германию. При этом вероятными предполагались активные действия чехословацкой авиации и советских военно-морских сил. В таком случае главными силами вермахта нацистские стратеги готовились действовать на Западном фронте, а на востоке до определенного момента оставить лишь минимальные силы.

Второй: война на два фронта в случае нападения Германии на Чехословакию. Франция и Советский Союз на первом этапе будут действовать лишь флотом и авиацией.

При таком варианте считалось необходимым, обеспечив нейтралитет Англии, бросить главные силы против Чехословакии и разгромить ее в кратчайший срок внезапным ударом. Для нападения планировалось использовать территорию Австрии, которую следовало предварительно захватить в ходе «особой операции «Отто», планируемой отдельно.

Против Франции, по второму варианту, германское военное руководство считало возможным действовать оборонительно, используя укрепления на западной границе и сдерживая длительное время крупные силы противника своими минимальными силами.

И еще один вариант: как поступать, если при ударе по Чехословакии против Германии уже в начале войны выступят Англия, Польша и Литва? Такое положение считалось для рейха критическим: немецкое командование не видело иного пути, кроме обеспечения всеми средствами нейтралитета этих стран, особенно Англии и Польши. Если благоприятная политическая обстановка не возникнет, то захват Чехословакии придется отложить на несколько лет. Но если сложится ситуация, при которой не будет существовать угрозы войны со стороны какой-либо великой державы, кроме СССР, то захват Чехословакии считалось возможным произвести еще до того, как Германия достигнет полной готовности к войне.

Все это свидетельствует, что уже летом 1937 г. военно-политическая верхушка третьего рейха считала Германию достаточно сильной для захвата Чехословакии и риска войны на два фронта, когда одним из противников стала бы великая держава. По мере роста военного потенциала рейха увеличивался военно-политический и военно-стратегический авантюризм его верхушки,

Первым открытым военным выступлением фашизма на международной арене было его вмешательство в национально-революционную войну испанского народа.

Интервенция в Испании представляла собой с военной и военно-политической точек зрения не только пробу военных сил, но и демонстрацию перед всем миром воинствующего антикоммунизма третьего рейха, его готовности стать военным бастионом и ударным кулаком против социализма.

Германский милитаризм выступал здесь не только как орудие внешней политики и военной стратегии фашизма, но и как партнер монополий, стремившихся вернуть утерянные после 1918 г. экономические позиции на Пиренейском полуострове.

Впервые во время войны в Испании обнаружилась ставшая затем особенно очевидной в годы второй мировой войны роль германского милитаризма как прямого и главного исполнителя агрессивных устремлений германского монополистического капитала.

Вместе с тем военно-политические задачи фашизма в Испании определялись стремлением создать угрозу Франции с юга, стать твердой ногой в Западном Средиземноморье, перекинуть мост в Африку, угрожая морским коммуникациям Англии и Франции, связывающим метрополию с колониями, в том числе с Ближним Востоком и Индией, парализовать английскую базу Гибралтар.

Не меньшее место в расчетах Берлина занимали экономические планы проникновения в испанскую экономику, вытеснения Англии и США, захвата испанских сырьевых богатств, особенно стратегического сырья. Германский империализм стремился в обострявшейся конкурентной борьбе за испанский рынок занять прочные позиции, утраченные после первой мировой войны.

Нацистские военные круги с начала 30-х годов старались оживить и укрепить свои давние связи с испанской армией, служившей опорой наиболее реакционных сил в стране. Особенно тесные контакты германская военщина имела с представителями крайнего правого крыла испанского офицерства — так называемыми «африканцами», образовавшими монархическую, антиреспубликанскую касту во время колониальной войны в Марокко. Провозглашенная в 1931 г. республика не изгнала со своих постов «африканцев». Наоборот, сплотившись и опираясь на поддержку германской армии, реакционные, фашистские генералы составили главную угрозу республиканскому строю.

Прочные и широкие связи между германскими и испанскими милитаристами поддерживались через генерала Вильгельма Фаупеля, крупного фашистского разведчика, будущего первого гитлеровского посла при правительстве Франко. Возглавляя «Иберо-американский институт», Фаупель при участии Канариса укреплял в испанской армии позиции германского милитаризма, способствовал организа-

ции шпионской сети и активно помогал Франко готовить мятеж против республики.

Фашистский военный путч, начавшийся 17 и 18 июля 1936 г. на Канарских и Балеарских островах, в Испанском Марокко и в ряде крупных городов, как известно, с самого начала был поддержан Германией и Италией.

Когда утром 19 июля Франко прилетел с Канарских островов в Тетуан, чтобы возглавить мятежные войска, он немедленно вступил в контакт с находившимся здесь руководителем нацистской группы германским разведчиком А. Лангехаймом, горным инженером¹. Тот немедленно сообщил в Берлин о прибытии Франко. Содержание переговоров Франко с Лангехаймом неизвестно, но тот факт, что главарь мятежников сразу же установил контакт с гитлеровской Германией, говорил сам за себя.

Мятежники срочно пустили в ход старые связи, чтобы обеспечить поддержку Берлина и Рима. Генералы Мола и Кампо де Льяно использовали контакты с представителями посольства и консульства для просьб о немедленной помощи. Командующий марокканскими войсками подполковник Бейгбедер — прежде испанский атташе в Берлине, сохранивший связи с германскими военными кругами, особенно с секретной службой рейха, — попросил у немцев от имени Франко 10 военных транспортных самолетов.

22 июля два главных агента германской разведки в Марокко и два офицера штаба Франко отправились на самолете «Люфтганза» в Берлин, чтобы вручить Гитлеру и Герингу личное письмо Франко с просьбой о помощи. По их прибытии немедленно состоялось совещание с участием Гитлера, Геринга и Бломберга, на котором было принято решение удовлетворить просьбу Франко². В конце июля прошло несколько совещаний лидеров нацистской партии для определения мер поддержки. В первую очередь было решено передать 18 транспортных самолетов Ю-52, эскадру истребителей (12 самолетов), зенитную батарею 88-мм пушек. 28 июля германские самолеты прибыли в Тетуан. В течение нескольких дней они доставили из Марокко в Южную Испанию 15 тыс. мятежников — марокканцев и иностранных легионеров. Был установлен «воздушный мост» через Гибралтарский пролив. По нему мятежники перебрасывали в Испанию оружие и снаряжение.

Для поддержки Франко в испанские воды под видом эвакуации германских граждан вошла военно-морская эскадра адмирала Карльса (линкоры «Дойчланд», «Адмирал Шеер», крейсер «Кельн», 4 торпедоносца и 2 подводные лодки) — силы, никак не соответствовавшие ни количеству вывозимых немецких граждан, ни тем более задачам мирной эвакуации³.

¹ См. М. Меркес. Die deutsche Politik gegenüber dem spanischen Bürgerkrieg 1936—1939. Bonn, 1961, S. 19.

² Beumelburg W. Kampf um Spanien. Berlin, 1939, S. 22—24.

³ М. Einhorn. Op. cit. S. 91.

Ввод эскадры стал открытой демонстрацией единства испанского и немецкого фашизма, ставшего еще более очевидным после того, как Франко принял в Тетуане адмирала Карльса и дал в его честь официальный завтрак.

Немецкий флот начал поставлять мятежникам военные материалы, добровольцев. Эвакуируемые из Испании «беженцы» превращались в резерв разведывательной службы Канариса, который затем использовал значительную их часть в своем аппарате. 6 августа корабль «Усарамо» высадил в Кадисе первую группу немецких летчиков — 86 человек, 6 истребителей «Хейнкель-51», 20 зенитных орудий и различные материалы¹.

Совместные действия испанского и германского фашизма начались с первых же дней мятежа. Этот факт полностью опровергает измышления некоторых западногерманских историков, пытающихся вслед за гитлеровской пропагандой утверждать, будто военная помощь Германии Франко была лишь «ответом» на поддержку республиканцев другими странами.

Несмотря на первоначальные успехи, одержанные мятежниками при германо-итальянской помощи, события вскоре стали развиваться вопреки их расчетам. Героическое сопротивление республиканцев, объединившихся вокруг правительства Народного фронта, не позволило франкистам занять Мадрид и добиться победы в короткий срок. Франко снова обратился за помощью к Германии. В начале сентября в его главной квартире (Касерес) появился Канарис, чтобы согласовать вопросы дальнейшей поддержки испанского фашизма.

В результате переговоров в ноябре 1936 г. началось массовое вступление в Испанию германских и итальянских войск. Еще в конце июля по приказу Геринга в министерстве авиации был сформирован «особый штаб В» во главе с генералом авиации Вильбергом, бывшим командиром авиационной части, тайно созданной в 20-е годы министерством рейхсвера. На «штаб В» возлагалась задача обеспечения находившихся в Испании германо-итальянских войск личным составом, материальными средствами и оказание обещанной Франко новой широкой помощи².

Для экономической помощи мятежникам Геринг создал специальный аппарат, основанный на двух крупных государственно-монополистических компаниях («Гисма» и «Ровак»), которые взяли в свои руки все поставки из Германии в районы, занятые франкистами³. В испанские порты во все возрастающих количествах стали поступать немецкие военные материалы, в том числе самолеты, танки, зенитная артиллерия, оружие пехоты. В августе 1936 г. в испанских водах находился уже почти весь германский флот. Командующим немецкими силами в Испании и представителем вер-

¹ См. Bley W. Das Buch der Spanienflieger. Leipzig, 1940, S. 20.

² M. Merkes. Op. cit. S. 28.

³ M. Einhorn. Op. cit. S. 109—111.

махта при штабе Франко Гитлер 25 августа назначил полковника Варлимонта (ответственного сотрудника германского верховного командования в течение всей второй мировой войны), который вступил в должность в начале сентября. Возглавив немецко-фашистские войска в Испании, Варлимонт одновременно стал главным военным консультантом мятежников. Уже в сентябре в Испанию прибыли первые «добровольцы» сухопутных сил. Они привезли с собой 41 танк и 20 противотанковых орудий¹.

Для участия в интервенции по приказу Гитлера было сформировано особое соединение «Легион Кондор» во главе с генералом Шперрле. На первых порах «легион» состоял из 152 боевых самолетов, зенитной артиллерии, танкового корпуса (180 танков) и подразделений противотанковой артиллерии. «Легион» был тайно погружен на корабли торгового флота и в ноябре 1936 г. высажен в Кадисе.

Кроме того, в Испанию направлялось соединение военно-морского флота, носившее маскировочное наименование «Группа Северного моря». Одновременно туда прибыло множество немецких инструкторов, которые занялись подготовкой франкистских офицеров. «Легион» стал главным военным орудием германского фашизма в Испании. Он разрабатывал здесь варварские методы ведения войны, которые затем были широко использованы гитлеровцами во второй мировой войне. «Легион» стал и учебным центром для мятежников. В начале 1937 г. при нем появились учебный лагерь и школы: пехотная, танковая, артиллерийская, связи. 56 тыс. офицеров и кандидатов в офицеры франкистской армии прошли немецкие курсы военного обучения². Генерал Рейхенау в одном из своих докладов летом 1938 г. писал: «Два года боевого опыта стали более полезными, чем десять лет обучения в мирных условиях... Испания для Германии стала высшей военной школой»³. Здесь опробовалось новое вооружение, изготовленное военными концернами, проверялось состояние офицерского и рядового состава (через испанский «опытный полигон» прошло около 50 тыс. немецких военнослужащих, принявших участие в борьбе на стороне мятежников).

Вмешательство германских и итальянских вооруженных сил придало войне, которую вел испанский народ, характер революционной борьбы в защиту республики, за победу демократии над фашизмом, сделало ее национальной войной за независимость родины. Иностранная военная интервенция превратила войну в Испании в конфликт международного масштаба.

Итало-германская поддержка позволила франкистским войскам добиться успеха. 14 августа 1936 г. мятежники после варварских налетов союзной авиации заняли Бадахос, что позволило соединиться северной и южной армиям франкистов. Над Бадахосом гитлеров-

¹ M. Merkes. Op. cit. S. 33.

² Ibidem, S. 34.

³ M. Einhorn. Op. cit. S. 97.

ские люфтваффе совершили первую террористическую бомбардировку незащищенного города. Падение Ируна и Сан-Себастьяна в начале сентября лишило республиканцев связи с Францией на северо-западе и вывело мятежников к морю. Здесь в боях участвовали немецкие танки. Три крейсера, четыре эсминца германского флота поддерживали франкистов в боях на севере, у Сантандера. Германская и итальянская авиация расширяла налеты на промышленные центры. Итальянцы захватили стратегически важные острова Мальорка и Ивиса и создали здесь базы флота и авиации. Отсюда впоследствии итальянская авиация производила налеты на Барселону, Валенсию и другие испанские города.

Но кроме этих успехов, Франко и его союзники ничего не добились. Они не сломили сопротивления республиканцев и не завершили мятеж победой.

В октябре 1936 г. при поддержке немецких и итальянских танков, артиллерии, авиации франкисты прорвали фронт республиканцев под Толедо и вышли к Мадриду. Защитники столицы, в рядах которых сражались бойцы интернациональных бригад, под лозунгом «Они не пройдут!» отбили штурм. Германская авиация начала систематическую бомбардировку города, которая продолжалась весь ноябрь. Впервые бомбы стали рваться на улицах европейской столицы. Масштабы бомбежек превосходили все известное в прошлом. Люфтваффе получали опыт. Очень скоро Варшава, Роттердам, Лондон и другие города Европы смогли убедиться, насколько полно использовали его воздушные пираты Геринга.

Второе наступление на Мадрид в январе 1937 г. и третье — в марте республиканские войска не только отразили, но под Гвадалахарой отбросили осаждавших на 18 километров. Неудачи вызвали кризис режима Франко. Он вынудил гитлеровскую Германию и ее итальянского партнера сделать новые шаги для укрепления внутриполитических позиций испанского союзника.

18 ноября 1936 г. Германия и Италия одновременно признали Франко главой правительства в Саламанке — «временной столице». Первым германским поверенным в делах стал разведчик генерал Фаупель. Через него еще большее влияние на политику Франко приобрел Канарис, который в это время активно занимался укреплением позиций абвера в занятых мятежниками районах¹. Главная задача Фаупеля и Канариса заключалась в широкой политической и военной поддержке Франко и фашистских организаций типа «Фаланги».

С установлением дипломатического представительства германские военные стали вмешиваться во внутривнутриполитические отношения на оккупированной франкистами зоне². Они старались по указанию из Берлина превратить Испанию в государство гитлеровского типа.

¹ M. Einhorn. Op. cit. S. 125.

² См. M. Merkes. Op. cit. S. 97—98, 102—103.

Тем временем военная интервенция расширялась. Дальнейшее усиление войск, увеличение поставок оружия, работа инструкторов — эти меры не только укрепляли франкистский режим, но и фиксировали на Пиренейском полуострове позиции стран «оси», заключивших в январе 1937 г. соглашение о совместной военной политике в Испании.

Это соглашение, в частности, привело к созданию германо-итальянского военного штаба при командовании мятежников. Штаб должен был оказывать решающее влияние на ведение операций, направлять боевую подготовку войск, заниматься вопросами снабжения. Деятельность штаба протекала под прямым руководством германского верховного командования, пристально следившего за ходом борьбы в Испании.

Однако, несмотря на все меры помощи, принятые Берлином и Римом, республиканцы снова нанесли поражение франкистам у Мадрида. После разгрома под Гвадалахарой 50-тысячного итальянского «корпуса добровольцев», возглавляемого Роатта, завершилась победой республиканцев 8-месячная борьба за Мадрид. Тогда Франко решил сосредоточить усилия на северном фронте, чтобы лишить республиканцев важнейшей индустриальной пролетарской базы — Басконии и Астурии.

Тяжелая, длительная борьба за северные провинции полностью раскрыла методы, которыми теперь вел войну германский фашизм. Ожесточенная бомбардировка Дюранго, закончившаяся полным разрушением города, стала прелюдией нового наступления мятежников. Аналогичная судьба постигла 26 апреля Гернику, город басков. Одновременно германская морская эскадра бомбардировала открытый город Альмерия. После нескольких недель ожесточенных боев мятежники, обладая превосходством в силах, нанесли поражение республиканским войскам в Басконии.

Военный успех на севере открыл путь к заключению так называемого хозяйственного договора между третьим рейхом и Франко. Гитлеровская военщина обеспечивала фашизму укрепление экономических и военно-политических позиций на Пиренейском полуострове, прокладывала путь стремительному проникновению монополий, способствовала завоеванию господствующих позиций германского монополистического капитала в Испании.

Подписанный 12 июля в Бургосе под нажимом Берлина хозяйственный договор (с тремя секретными протоколами) предоставлял Германии далеко идущие экономические привилегии. Договор предусматривал широкое развитие торговых взаимоотношений на чрезвычайно благоприятных для Германии условиях. Франко обязался крупными поставками сырья уплатить «долг» за военную помощь рейха, открыть ему возможности экспорта капитала, облегчить участие германских фирм в изыскании полезных ископаемых, сырья и в других хозяйственных делах.

В ближайшие три месяца после заключения договора германские монополии приобрели 73 концессии испанских горных предприятий.

Вскоре они приступили к их модернизации, имея в виду повысить темпы добычи руды, увеличить поставки в Германию стратегического сырья и гарантировать ограничение поставок в Англию, Францию и другие страны. Германские монополии использовали выгодную военную ситуацию и решили в свою пользу долгую борьбу за испанский рынок. Германский фашизм усиливал влияние на политику Испании, получал новые стратегические позиции в Юго-Западной Европе и в Средиземноморье. Он продвинулся вперед в своих планах «окружения» Франции.

Борьба за вовлечение Испании в политическую, военную и экономическую сферы влияния германского фашизма была выиграна осенью 1938 г. Прочные позиции в испанской горной промышленности могли облегчить рейху трудности снабжения военной индустрии железной рудой, единственным поставщиком которой пока оставалась Швеция.

Однако противоречия, открывшиеся между германскими и испанскими фашистами в конце 1937 г., долгое время затрудняли Берлину реализацию планов экономического господства на Пиренеях. Но в кармане Гитлера всегда лежал военный козырь. И он бросил его на стол, когда положение на фронте стало для Франко безвыходным.

Наступлением в районе Эбро мятежники достигли незначительного успеха. Тяжелые потери обострили усталость и недовольство войной населения захваченных мятежниками областей. В фашистском тылу нарастало партизанское движение. Вместе с тем Германия и Италия хотели скорее развязать руки в Испании: они готовили войну гораздо больших масштабов. Одно совпало с другим.

В октябре мятежникам стало ясно, что без новой крупной военной помощи стран «оси» о победе нечего и думать. Франко обратился в Берлин с просьбой срочно прислать 50 тыс. винтовок, 2 тыс. пулеметов, 100 орудий и другое вооружение. Ответом было молчание.

На повторный срочный запрос из Берлина последовал категорический ответ: новые военные поставки возможны лишь при условии, если Испания удовлетворит широкие экономические требования Германии. Конечно, согласия не пришлось долго ждать. И вскоре фашисты получили возможность перейти в наступление на Каталонском фронте. Республиканская армия оказалась в трудной ситуации из-за недостатка оружия: французское правительство не пропускало через границу вооружение, закупленное в Советском Союзе и других странах. Обладая полным превосходством сил, особенно в воздухе, франкисты в январе 1939 г. заняли Барселону. Измученная республиканская армия отступала.

Но судьбу испанской войны решило не только оружие Гитлера и Муссолини. «Умиротворители» из Лондона и Парижа, подписавшие в сентябре 1938 г. договор с обоими фашистскими диктаторами в Мюнхене, 27 февраля 1939 г. объявили о признании Франко и

разрыве дипломатических отношений с законным республиканским правительством. «Испанский Мюнхен» нанес непоправимый удар республике. Ее героически сражавшиеся войска не имели надежд на успех. В конце марта республика пала. 1 апреля 1939 г. США признали Франко главой правительства Испании. В Берлине нацисты организовали пышное чествование «Легиона Кондор».

В Испании германский фашизм достиг многого прежде всего в политическом смысле. Он убедил Париж и Лондон, что представляет собой то, что в нем хотели видеть: железный кулак антикоммунизма. Он завоевал еще большее доверие своих «умиротворителей», политически и психологически способствовал и Мюнхену, и всей пагубной политике подталкивания Германии на Восток. Военно-стратегические позиции Германии в Юго-Западной Европе, Средиземноморье и Атлантике укрепились. Фашистская военщина повысила свой «авторитет» в глазах мировой реакции, которая отныне вполне могла на нее положиться. Ведь именно в небе Испании гитлеровские люфтваффе «отрепетировали» террористические нападения на незащищенные города и мирных жителей, на экономические центры. Именно здесь авиация научилась бороться за господство в воздухе и тесно поддерживать сухопутные войска, германский флот приобрел опыт поддержки приморских флангов армии, борьбы на коммуникациях, а пехота научилась вести уличные бои. Гитлеровские генералы оттачивали оружие, все более и более склоняясь к мысли, что они, вероятно, непобедимы.

IV

Конечно, война всегда была высшим принципом и главной целью политики фашизма. И в процессе подготовки агрессивным государством войны рано или поздно наступает момент, когда от общих намерений переходят к конкретным решениям. Вслед за этим происходит постепенное нарастание кризисной ситуации, складывается угрожаемый период войны. Растянутая на более или менее продолжительный срок, насыщенная острыми конфликтами кризисная ситуация может или перерасти в военное столкновение, или же в итоге различных обстоятельств пойти по пути деэскалации — не завершиться войной. Конфликты в рамках кризисной ситуации — это наиболее опасные переломные моменты, от которых следующий шаг — применение оружия.

В предыстории второй мировой войны, если рассматривать политику Германии, подобного рода поворотный пункт наступил в конце 1937 г. Вслед за ним стала развиваться кризисная ситуация, включавшая все более острые конфликты: аншлюс Австрии, Мюнхен и оккупация Судет, захват Чехословакии, конфликт, связанный с проблемой Данцига, Польского коридора и другими требованиями Гитлера к Польше. Она достигла высшей точки в августе 1939 г. и привела к дате, которая не будет забыта человечеством: 1 сентября, 4 часа

45 минут. Кризисная ситуация не завершилась вариантом «деэскалация».

Но почему именно последние месяцы 1937 г. оказались пунктом прямого поворота гитлеровской клики к войне?

Во-первых, потому, что к этому времени в третьем рейхе стали обозначаться все более угрожающие диспропорции в развитии экономики, связанные с ее односторонним военным развитием, появились признаки экономического кризиса. Возникла альтернатива: или сокращать гонку вооружений и становиться на путь международного экономического сотрудничества, т. е. менять политику, или искать выхода на пути военных захватов прежде всего сырья, продовольствия и т. п. Первое исключалось. Фашизм, конечно, мог избрать только второй путь.

Во-вторых, в конце 1937 г. успехи в развитии военного потенциала Германии стали представляться фашистским заправилам достаточными для развязывания и успешного ведения войны в самом недалеком будущем.

В-третьих, это был период, когда Англия и Франция достаточно убедительно доказали не только свою лояльность нацистскому режиму, но и стремление сотрудничать с ним на антисоветской основе, что давало гитлеровцам множество поводов надеяться на невмешательство Запада во время агрессии против Австрии и Чехословакии — по меньшей мере.

В-четвертых, Англия и Франция, согласно оценкам гитлеровской клики, отстали от Германии в развитии современного вооружения, и это временное отставание необходимо было использовать.

На секретнейшем совещании в рейхсканцелярии вечером 5 ноября 1937 г. Гитлер перед самым узким кругом высших политических и военных заправил своей империи дал конкретную установку на развязывание войны.

Процедура более чем четырехчасового заседания состояла в том, что его участники — Геринг, Нейрат, Бломберг, Фрич и Редер — слушали речь Гитлера, посвященную «основным идеям относительно возможности и необходимости расширения нашей внешней политики».

Фюрер объявил, что излагаемые им суждения представляют собой «результат пребывания в правительстве в течение четырех с половиной лет» и в случае его смерти «должны рассматриваться как его последняя воля и желание».

Далее следовало в высшей степени многозначительное заявление о ближайшей и непосредственной внешнеполитической цели фашизма: «Будущее Германии... зависит исключительно от разрешения вопроса о жизненном пространстве. Такое разрешение, естественно, может быть приемлемым лишь в течение ограниченного периода времени, от одного до трех поколений».

Мешаниной из геополитики и спекулятивных тезисов экономического толка Гитлер пытался создать видимость логичности вывода о неизбежности развязывания войны.

Другим тезисом, который он развивал, была необходимость полной экономической автаркии для Германии, т. е. самоснабжения во всех основных областях. Отказ от международного сотрудничества и торговли стимулировал конфронтацию. По условиям Германии, считал Гитлер, автаркия невозможна, особенно в области снабжения продуктами питания. Где же выход? «Единственный выход, который в то же время может показаться фантастическим, — провозгласил Гитлер, — заключается в приобретении большего жизненного пространства...»¹

Медлить нельзя. «Непоколебимое решение» главаря нацизма состояло в том, чтобы обеспечить захват «жизненного пространства» для Германии «не позднее 1943—1945 гг.»

Британская империя внутренне слаба, разглагольствовал Гитлер, французская — крепче, но испытывает внутривнутриполитические трудности. Нужно использовать всякую благоприятную ситуацию, вызванную ослаблением обеих держав, чтобы захватить тесно связанные с ними Австрию и Чехословакию.

Включение Австрии и Чехословакии в состав рейха «принесет значительное облегчение в военном и политическом отношении, так как сократит границы и сделает их более удобными, освободит воинский личный состав для других целей и сделает возможным создание новых армий общей численностью примерно до 12 дивизий»². Со стороны Италии не ожидалось никакого сопротивления агрессии рейха против его соседей на юге и юго-востоке. Позиция Польши будет зависеть от быстроты и успеха действий Германии.

Бломберг и Фрич, выступившие вслед за фюрером, ни в малейшей степени не противоречили его идеям насчет программы захвата «жизненного пространства». Генералы, правда, опасались: Франция и Англия могут действовать в защиту Чехословакии. Но Гитлер заявил: Великобритания не станет помогать Чехословакии, он не верит и в возможность военных действий Франции против Германии.

Совещание не давало, конечно, чего-либо принципиально нового в смысле общей агрессивной программы фашизма. Планы захвата европейского и мирового господства формулировались в разных вариантах бесчисленного количества раз и в прессе, и в секретных документах, и в «теоретических изысканиях», на митингах, на открытых и закрытых совещаниях. Но здесь, вечером 5 ноября 1937 г., впервые было дано прямое указание приступить к делу в ближайшее время.

«Гений фюрера» действительно проник в глубь событий. Он точно предсказал срок решения выдвинутых «проблем». Именно в 1945 г. они и были решены. Но в прямо противоположном направлении, чем это провозглашалось нацистскими заговорщиками осенью 1937 г., в огромном сумрачном кабинете рейхсканцелярии,

¹ Нюрнбергский процесс... т. I, стр. 608,

² Там же, стр. 613,

Для тех, кто не знал подлинных планов нацистской верхушки, ее политических методов, ее техники развязывания войн, кто все еще не верил, что подобные методы и планы могут существовать, для них 1938 г. и значительная часть 1939 г. оказались периодом колебаний, сомнений и неопределенности. Политические лидеры тогдашней буржуазной Европы демонстрировали на протяжении 22 месяцев, отделявших дату этого совещания от второй мировой войны, умение видеть не то, что существует на самом деле, а то, что они хотели бы видеть. Желание не быть втянутыми в войну принималось за возможность не быть в нее втянутыми. Всепоглощающее стремление руками Гитлера уничтожить страну, которую они все вместе ненавидели больше всего, превращалось в глубокую убежденность, что подталкиваемый ими Гитлер действительно уничтожит ее, ибо по-другому не может быть. Эта убежденность привела их затем к позору Мюнхена и горечи поражений летом 1940 г.

То, что говорилось за плотно закрытыми дверями кабинета фюрера 5 ноября, было лишь желанием преступников. Оно могло так и остаться на бумаге в виде секретного протокола, который вел полковник Госсбах, если бы лидеры западных держав захотели правильно оценить все, что затем последовало, и предпринять единственно верный шаг: стать вместе с СССР на путь коллективной безопасности.

Но события последующих двух лет выражали собой, с одной стороны, запрограммированное, утонченно-коварное исполнение преступного замысла, а с другой — столь же последовательное и самоубийственное потворствование ему.

V

Теперь, когда было решено перейти к делу, нацистский руководящий аппарат и приближенная к Гитлеру военная элита решили пересмотреть и перетряхнуть руководящие военные кадры. Причин накопилось более чем достаточно. Постоянные интриги, зависть, борьба за более высокое место в военной иерархии, за право быть «личным советником фюрера», иметь чуть-чуть больше власти, чем сейчас, вся эта обстановка, весьма типичная для руководящей верхушки третьего рейха, требовала какой-то разрядки. Руководство генерального штаба сухопутных сил проявляло «чрезмерную осторожность» в планах развязывания войны в самом ближайшем будущем. Нужно было сменить кое-кого из неудобных. Кроме того, взяв прямой курс на войну, Гитлер хотел срочно «укрепить руководство»: поставить во главе вермахта по-возможности наиболее преданных ему фанатиков. Он хотел покончить со всеми пережитками «особой роли» командования и генерального штаба сухопутных сил и стать единственным и непререкаемым авторитетом в руководстве вермахтом и германским милитаризмом вообще. Снедаемый жаждой военной славы, он уже тогда готовил себе ранг «великого полководца».

В представлении гитлеровской верхушки старый генералитет сухопутных сил принадлежал к тем военным кадрам, которые формировались при Секте, под воздействием его принципа «армия — государство в государстве». Исключительное положение, в которое поставила себя армия, позволяло генералам считать себя в некоторой степени автономными от политической власти. Именно с их стороны Гитлер слышал всякие возражения по поводу темпов строительства вооруженных сил, от них исходили претензии на руководящее место в вермахте.

Реорганизация военного руководства выражала стремление монополистического капитала еще больше укрепить свою диктатуру, осуществляемую руками фашистской партии с помощью армии, сделать быстро растущий вермахт послушным и слепым орудием фашизма, еще более централизовать верховную власть над ним и вместе с тем несколько рассредоточить исполнительную.

Но чтобы провести такую реорганизацию, Гитлеру нужно было освободиться от тех, кого он стал считать «предостерегающими и боязливыми», хотя они не были ни теми, ни другими, — от Бломберга, Фрича, Бека и им подобных. По логике развития фашистской диктатуры, каждый следующий шаг, сделанный для ее укрепления, должен был автоматически сопровождаться удалением лиц, привыкших к методам предыдущего этапа. И здесь фашизм пустил в ход свой метод грязных интриг, который применялся обычно и против врагов, и против сподвижников, когда в этом появлялась хоть малейшая необходимость.

Против Бломберга была использована его женитьба на женщине легкого поведения. И хотя Гитлер собственной персоной присутствовал на официальной церемонии помолвки, его гневу не было границ, когда он получил от Геринга, видимо состряпанные в гестапо, сведения насчет того, что будущая жена генерал-фельдмаршала зарегистрирована в полицейском участке. Бломберг ушел в отставку.

Одновременно Геринг, мечтавший стать главнокомандующим армией и всем вермахтом, представил своему фюреру материалы, доказывавшие, что генерал Фрич гомосексуалист. Начался скандальный процесс, установивший ложность обвинения. Так называемый «суд чести сухопутных сил» вынужден был не только реабилитировать Фрича, но и сделать вывод о «чудовищном оскорблении, нанесенном всей армии». Однако это мало кого трогало. Гитлер твердо решил распрощаться с Фричем и уволил его из-за «слабого здоровья», выразив «глубокую благодарность за выдающиеся успехи в деле восстановления армии» и назначив впоследствии командиром полка. «Кризис Бломберга — Фрича» представлял собой продуманный шаг на пути к полному сосредоточению военной власти в руках Гитлера.

Тем временем в тиши рейхсканцелярии завершалась выработка новой структуры управления вооруженными силами и обсуждались кандидатуры на руководящие посты.

Гитлер решил упразднить военное министерство, а входившее в его состав управление вооруженных сил превратить в свой личный штаб как штаб верховного командования вооруженных сил (ОКВ). Этим актом должен был замкнуться цикл организационных изменений в высшем военном руководстве, проведенных в точном соответствии с требованиями доктрины «тотальной войны», фундамент которой составляла военная диктатура.

На должность начальника штаба верховного командования («шефа ОКВ») было решено назначить генерала артиллерии Вильгельма Кейтеля. Когда еще осенью 1935 г. генерал Рейхенау получил пост командующего округом, Бломберг назначил Кейтеля на его место. Так началась карьера будущего фельдмаршала, одного из главных советников Гитлера во второй мировой войне.

Вильгельм Кейтель, потомственный прусский военный, начал службу еще в 1901 г. Он участвовал в первой мировой войне и закончил ее начальником штаба корпуса. До прихода к власти нацистов Кейтель продвигался по службе медленно, но уже в 20-е годы он доказал свою абсолютную преданность гитлеровцам. Это и решило вопрос о его выдвижении.

В последних числах января 1938 г. он был вызван в рейхсканцелярию. Гитлер сказал: «Я полагаюсь на вас. Вы должны держаться около меня. Вы мой представитель и мой единственный советчик по вопросам вооруженных сил». Кейтель впоследствии целиком оправдал надежды фюрера. Он стал его верным подхалимом, лизоблюдом, слугой и занял одно из первых мест в иерархии военных преступников.

Возник вопрос о новом главнокомандующем сухопутными силами. Имелись две кандидатуры: Рейхенау и Браухич. Оба командовали военными округами. Геринг возражал против Рейхенау. 28 января 1938 г. Кейтель вызвал в Берлин Браухича и спросил его, может ли он «тесно связать армию с государством и образом мышления фюрера, сумеет ли, если потребует, взять такого же начальника штаба». Ответ был утвердительным. 31 января Гитлер советовался о новой кандидатуре с генералом Рундштедтом. «От имени армии» Рундштедт отклонил Рейхенау, но характеризовал Браухича как хорошего военачальника, «которого армия будет приветствовать»; кроме того, выходец из Силезии Браухич — потомственный военный: его род за полтора столетия дал 12 генералов. Гитлер убедился, что послушный, преданный нацизму генерал Браухич станет ему верно служить и сумеет использовать свой авторитет в армии для воздействия на нее в «нужном направлении».

30 января 1938 г. фашисты помпезно отпраздновали «пятилетие национал-социалистского рейха». Торжество проходило под лозунгом «Германия — снова мировая держава». Официальное юбилейное заседание Гитлер перенес на двадцатые числа февраля — «нужно провести изменения среди персонала и решить один внешнеполитический вопрос». Под «изменениями» подразумевались перестановки в военном командовании,

Директива о реорганизации высшего руководства вооруженных сил была подписана 4 февраля 1938 г. А на следующий день газеты третьего рейха вышли под аншлагами: «Фюрер принимает верховное командование над всем вермахтом. Полная концентрация всей власти в руках фюрера».

Далее следовало:

«Берлин, 4 февраля. Фюрер и рейхсканцлер отдал следующую директиву о руководстве вермахтом: «Командную власть над всеми вооруженными силами отныне осуществляю лично я. Существовавшее доныне управление вооруженных сил военного министерства преобразуется со своими функциями в верховное командование вооруженных сил и в мой военный штаб под моим личным руководством. Во главе штаба верховного командования вермахта находится прежний шеф управления вооруженных сил в качестве шефа верховного командования вермахта. Он произведен в ранг рейхсминистра. Верховное командование вермахта одновременно принимает дела военного министерства... Ему надлежит в мирное время осуществлять по моим директивам единую подготовку обороны рейха во всех областях».

Этим Гитлер сделал последний шаг к полному сосредоточению в своих руках политической и военной власти. Он поставил во главе вооруженных сил лиц, в безоговорочной исполнительности и, конечно, преданности которых был абсолютно уверен. Вместе с тем закрепились та структура высшего руководства всем вермахтом, которая оставалась неизменной вплоть до конца второй мировой войны. Верховному главнокомандующему и его штабу (ОКВ) подчинялись командования видов вооруженных сил: сухопутных (ОКХ), военно-морских (ОКМ) и военно-воздушных (ОКЛ). Главнокомандующие сухопутными силами и ВВС имели свои генеральные штабы. Главнокомандующему флотом подчинялся штаб руководства морской войной.

После отстранения начальника генерального штаба сухопутных сил Бёка Гитлер назначил на его место генерала Гальдера, занимавшего эту должность до осени 1942 г.

Гальдер по происхождению баварец, представитель рода потомственных военных. Сухой, педантичный, расчетливый, воплощение германо-прусских идеалов генштабиста, Гальдер стал впоследствии одной из центральных фигур планирования «блицпоходов» фашистского вермахта.

Затем последовала замена в войсках ряда командиров. Гитлеровская верхушка еще больше укрепила фашистское ядро вооруженных сил. Получили повышения и выдвинулись на руководящие должности те, в ком Гитлер видел самых надежных исполнителей своей воли. Командир корпуса Бласковиц стал командующим 3-й армейской группой, вскоре принявшей участие в походе на Чехословакию. Командир 23-й пехотной дивизии Буш получил назначение командиром 8-го армейского корпуса, а командир танковой дивизии Гудериан — командиром 14-го армейского корпуса. Генерал

Лист, командовавший до 1938 г. 4-м армейским корпусом, получил в командование 2-ю армейскую группу. Генерал авиации Кессельринг 4 февраля 1938 г. стал командующим 1-м воздушным флотом.

Окончательная расстановка действующих лиц завершилась. Военный механизм третьего рейха закрутился с бешеной скоростью. Он мчался к войне.

VI

Всю первую половину февраля 1938 г. нацистская печать подогревала немцев ожиданием назначенного на 21-е «исторического заседания рейхстага» по поводу пятилетия рейха. Когда этот день настал, Гитлер выступил со «всеохватывающей» политической речью. Она называлась «Сила и уверенность Германии». Первая цель, которую преследовал своим выступлением фюрер, состояла в том, чтобы убедить немцев: он, Гитлер, и его фашистская банда «облагодетельствовали» их, и, таким образом, 30 января 1933 г. стало неким «поворотным днем в истории народа сейчас и на все времена».

Затем нацистский главарь пространно разглагольствовал о Германии до его прихода к власти как о «беспомощном объекте международного насилия». Он бил по нервам миллионов своих слушателей броскими, спекулятивными тирадами насчет «ограбления и обнищания немецкого народа». В окрашенном зловещими тонами разделе речи «Программа будущего» Гитлер предъявил миру внешнеполитические требования о колониях, источниках сырья и «жизненном пространстве». Он с презрением говорил о Лиге наций и международных конференциях: «Сталь и железо будут охранять германский народ и германскую родину!» Слоечко «охранять» означало в лексиконе фашизма агрессию, захваты, развертывание военной борьбы за мировую гегемонию.

Касаясь внешнеполитических дел, Гитлер сделал особое ударение на необходимости «некоторых исторически обусловленных поправок». Он недвусмысленно дал понять о претензиях третьего рейха на Австрию и Судеты. Затем следовал «обзор взаимоотношений» Германии с другими державами. С Францией после урегулирования вопроса о Сааре «никаких территориальных разногласий больше не существует». Для полного взаимопонимания дверь остается открытой. С Польшей достигнуто «образцовое урегулирование», которое «родилось из взаимопонимания». Вопрос о «вольном городе Данциг» Гитлер охарактеризовал так: «Польское государство уважает национальные условия в этом городе, а этот город и Германия уважают польское право». Что касается Австрии, то и с ней должно быть достигнуто подобное взаимопонимание. Недоразумения и препятствия устранены, источник опасности для европейского мира нейтрализован, и Гитлер «счастлив, что его понимание вещей совпадает с пониманием австрийского канцлера Шушнига», которого он благодарит и приглашает приехать в Берхтесгаден. Единственный настоящий враг третьего рейха, с которым

он не будет иметь никаких дел, — это Советский Союз, «большевистская Россия». Он, Гитлер, всегда будет «со всей враждебностью стоять против большевизма».

И когда в заключение речи Гитлер, выбившийся из сил, охрипший от собственных воплей в течение нескольких часов, призвал к «европейскому миру», а Геринг «от имени германского народа» поблагодарил фюрера, после чего 741 депутат спел «Хорст Вессель», каждому непредвзятому наблюдателю в любой из стран стало ясно, куда идут дела.

Лживая демагогия нацистской клики, выраженная в речи Гитлера и бесстыдно именуемая «внешней политикой», представляла собой цепь политических маневров и обманов, призванных создать наиболее благоприятные предпосылки для начала реализации планов агрессии в Европе.

Фашистские заговорщики переходили к действию. Чтобы без помех захватить Австрию и Чехословакию, Гитлер постарался успокоить соседей на Западе и Востоке — Францию и Польшу: обеспечить на ближайшее время фланги. Очень скоро подойдет и их очередь! И над всеми этими военно-дипломатическими хитросплетениями возвышалась генеральная конструкция фашистской политики: дать понять западным державам, что гитлеровская Германия со всей ее мощью — единственный, непоколебимый и надежнейший оплот против большевизма, главный и принципиальный антикоммунистический центр. Если она и будет воевать, то лишь против общего для него, Гитлера, и всего Запада врага. Что же надо еще Лондону и Парижу? Пусть только не мешают, пока он будет «утрачивать» разные дела вроде Австрии и Чехословакии. Гитлер понимал, сколько многого он добьется, убеждая в этом обе столицы.

Отравленные стрелы попали в цель.

3 марта британский посол в Берлине Гендерсон добился аудиенции. Он уговаривал Гитлера пойти на широкое соглашение с Англией. Он считал, что Англии нужно «установить основу для истинной и сердечной дружбы с Германией, начиная с улучшения обстановки и кончая созданием нового духа дружественного понимания». Гендерсон говорил о готовности английского правительства «продвинуться на пути к разрешению колониального вопроса» в пользу Германии¹.

Мюнхен последовал всего лишь через семь месяцев после того, как Гитлер выкрикивал свои угрозы и обещания с трибуны в зале оперы «Кроль».

VII

На очереди дня стоял аншлюс Австрии. Присоединение «второго германского государства» к рейху считалось первой, пусть не по важности, но по очередности целью Берлина. Еще в июле 1934 г.

¹ Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. I. М., Госполитиздат. 1948, стр. 59.

потерпела неудачу попытка государственного переворота, нити которого совершенно явственно тянулись в рейхсканцелярию. Затем, внешне смирившись и признав независимость Австрии, фашистские заправилы стали добиваться цели путем последовательного упрочения позиции австрийских нацистов. Угрозы, военно-политический нажим, шантаж, провокация посыпались как из рога изобилия.

Фашистская военщина сыграла свою роль и в принятии решения об аншлюсе, и в проведении его в жизнь. С точки зрения военной верхушки, захват Австрии укреплял позиции рейха в центре континента, открывал Германии путь в Центральную и Юго-Восточную Европу. Находясь в Австрии, вермахт мог стать на границах Венгрии и Югославии, оказывая нажим на страны, лежащие дальше к востоку и юго-востоку, и лишний раз напомнить о себе итальянскому союзнику, что тоже считалось нелишним. Положение Чехословакии при такой ситуации становилось критическим: глубокий охват с юга грозил коротким, за один день, прорывом к сердцу страны. Наконец, немаловажную роль играли расчеты на включение в состав вермахта австрийского федерального войска с его неплохой техникой.

Заговорщики решили больше не ждать.

11 февраля 1938 г., еще до своей речи в рейхстаге, Гитлер вызвал в Берхтесгаден австрийского канцлера Шушнига для «товарищеского обмена мнениями». «Дух товарищества» оказался настолько сильным, что старый канцлер в шоковом состоянии принял требования Гитлера о всеобщей амнистии осужденным нацистам, о разрешении им вести «легальную политическую деятельность». Гитлеровский ставленник Зейсс-Инкварт получил пост министра внутренних дел и государственной безопасности Австрии. Нацист генерал Бем сменил на посту начальника генерального штаба Янсона.

Военные создали необходимый фон для политики своего фюрера: требовалось вынудить президента Микласа быстрее ратифицировать соглашение.

Пожалуй, впервые за послевоенный период военный блеф и угроза применения силы использовались для политического давления в таких размерах. Все проводилось по строго разработанному плану, под непосредственным руководством Канариса:

«1) Не проводить действительной подготовки армии и воздушного флота, не проводить никакой передислокации войск и никакого передвижения;

2) распространять ложные, неправдоподобные слухи, которые могут привести к заключению, что готовится военное выступление против Австрии: а) осуществлять это через наших специальных людей в Австрии; б) через наших таможенных служащих на границе; в) через коммивояжеров;

3) новости и слухи могут носить такой характер: а) ожидается отмена всех отпусков в секторе расположения 7-й армии; б) подвижной железнодорожный состав концентрируется в Мюнхене,

Аугсбурге и Регенсбурге; в) генерал-майор Муфф, военный атташе в Вене, вызван на совещание в Берлин (кстати, это действительно так); г) полицейские посты, расположенные на границе Австрии, затребовали подкрепления; е) таможенные чиновники сообщают об ожидающихся маневрах горной бригады, расположенной в районе Фрейлассинга, Гейхенгалле и Берхтесгадена»¹.

Блеф, слухи, неопределенность оказались эффективным средством: президент Миклас поспешил признать берхтесгаденское соглашение.

Еще 24 июня 1937 г. Бломберг отдал директиву «Об объединенной подготовке к войне всех родов войск». Одной из ее составных частей был план «Отто» — план вторжения в Австрию. «Цель этой операции, — говорилось в плане, — состоит в том, чтобы вооруженной силой заставить Австрию отказаться от идеи реставрации. Надо использовать внутренние политические разногласия в Австрии. Вступление в эту страну произойдет в направлении Вены; и, таким образом, будет сломлено всякое сопротивление...»

Военная подготовка вторжения планомерно велась более полугода. Единственным сдерживающим фактором могла стать твердая позиция Лондона и Парижа. Но когда после встречи в Берхтесгадене Шушниг апеллировал к Англии и Франции, он получил «дружеский совет» принять требования Гитлера — ведь «обстановка вскоре все равно изменится». Существует итало-австро-венгерский пакт. Давление Гитлера на Австрию, считали калькуляторы из обеих западных столиц, вызовет столкновение Германии с Италией, которая будет вынуждена перейти на франко-английскую сторону. Тогда Гитлер окажется в изоляции, что не замедлит положительно сказаться и на судьбе Австрии.

Принимая столь же хитроумные, сколь и недалековидные рекомендации западных держав, австрийское правительство назначило на 13 марта плебисцит. И сразу же в Берлине возникли опасения: он даст крупный перевес сторонникам независимой Австрии. Гитлеровцы решили действовать немедленно, тем более что опасения насчет вмешательства западных держав отпадали.

10 марта все решилось окончательно. Иодль пишет в дневнике: «В ту же ночь на 10 августа он (Гитлер. — Д. П.) вызвал Геринга. Генерал фон Рейхенау отозван обратно из Олимпийского комитета в Каире. Генералу фон Шоберту также приказано вернуться, как и министру Глейзе-Хорстенау, который находился с гаулейтером Бюркелем в Палатинате. Генерал Кейтель сообщил об этом в 9 часов 45 минут. Он приехал в имперскую канцелярию в 10 часов. Я прибыл в 10 часов 15 минут согласно желанию генерала фон Виебана для того, чтобы передать ему разработанный проект подготовки плана «Отто»... В 18 часов 30 минут издается приказ о мобилизации командующему 8-й армией (корпусного района 3), а также 7-му и 13-му армейским корпусам, без резервной армии...»

¹ Нюрнбергский процесс... т. II, стр. 180.

11 марта за подписью Гитлера отдается директива верховного командования вооруженных сил: «Если другие меры окажутся безуспешными, я намереваюсь вторгнуться в Австрию при помощи вооруженных сил... Части армии и военно-воздушных сил, предназначенные для этой операции, должны быть готовы к вторжению или к действию 12 марта 1938 г. самое позднее в 12.00 часов. Я оставляю за собой право дать разрешение пересекать и перелетать границу и принять решение о моменте вторжения».

Под давлением Шушниг отменил плебисцит, но предпринял ряд мер безопасности, что вызвало новое резкое «нет» Берлина. Последовало требование немедленной отставки Шушнига и формирования правительства во главе с Зейсс-Инквартом. Специальный курьер рейхсканцелярии Кепплер самолетом доставил в Вену список нового австрийского правительства, удобного рейху. Поскольку Миклас отклонил все притязания, Зейсс-Инкварт по приказу Геринга и без всяких санкций австрийского президента захватил права ушедшего в отставку Шушнига и вечером 11 марта послал в Берлин продиктованный ему по телефону тем же Герингом текст «просьбы австрийского правительства» правительству рейха «прислать как можно скорее германские войска». Тем же вечером Гитлер отдал директиву № 2 о вторжении в Австрию.

На рассвете 12 марта дивизии вермахта, возглавляемые генералом фон Боком, начали вторжение. Над Веной появились бомбардировщики люфтваффе. 13 марта Австрия была объявлена германской провинцией.

Ни Англия, ни Франция не вмешались. Италия, на которую в Вене по рекомендации Парижа и Лондона возлагалось столько надежд, и пальцем не пошевелила. Более того, Муссолини заявил, что отныне Австрия для него «больше не существует». Это вызвало бурную радость в рейхсканцелярии. Как только Гитлер вечером 11 марта узнал о словах дуче, он передал своему послу в Риме: «Скажите Муссолини, что я никогда не забуду его за это... Никогда, никогда, что бы ни произошло... Как только австрийское дело будет завершено, я буду готов с ним идти в огонь и воду. Ничто другое не имеет значения»¹.

Для вермахта первое испытание оказалось более чем тревожным. Поход в Австрию вскрыл многие недостатки военного механизма третьего рейха. Командиры соединений и высшие штабы были плохо подготовлены к руководству войсками. Особую тревогу вызвало состояние бронетанковых войск: вторжение без малейшего сопротивления австрийской армии обошлось выходом из строя 30 процентов танков. Никуда не годной оказалась постанова ремонта техники. Вскрылись многие недостатки в управлении маршем и снабжении горючим. Словом, «австрийский поход» дал более чем достаточно

¹ Нюрнбергский процесс... т. II, стр. 190.

материала для работы по дальнейшему улучшению механизма агрессии.

Что касается военно-стратегических итогов аншлюса, то позже Иодль сформулировал их так: «Австрийский аншлюс... привел не только к достижению нашей старой национальной цели, но также и укрепил нашу боевую силу и значительно улучшил наше стратегическое положение. До того времени территория Чехословакии вдавалась самым угрожающим образом прямо в Германию (осиная талия в направлении Франции — территория, которая могла стать воздушной базой для союзников, особенно для России). Теперь... ее стратегическое положение стало таким неблагоприятным, что она должна была стать жертвой любой атаки, которая была бы энергично направлена прямо в цель и проведена до того, как могла бы прибыть эффективная помощь с Запада».

Если к этому прибавить, что вступление гитлеровских войск в Австрию вскрыло политическую импотентность Англии и Франции, открытое пособничество Гитлеру со стороны Италии и отсюда — окрепшую уверенность нацистских заправил в собственной безнаказанности, то значение аншлюса для рейха и его оруженосцев станет особенно понятным. Наступила очередь Чехословакии.

VIII

Еще не смолк грохот немецких танков, вступавших в австрийские города, еще не утихли вопли пропаганды насчет аншлюса, как ободренные успехом нацисты переключили внимание на Чехословакию.

Захват Чехословакии рассматривался гитлеровцами с самых различных точек зрения. Здесь сплетались воедино и реваншистские требования «присоединения отторгнутых земель», и националистические тенденции «воссоединения с судетскими немцами», и другие устремления фашистско-геополитического порядка, которые играли политико-идеологическую роль в достижении главной военно-стратегической цели: аннексии Чехословакии как основной преграды на пути к гегемонии третьего рейха в Центральной и Юго-Восточной Европе. Чехословакия с ее развитой экономикой и значительным военным потенциалом, с точки зрения гитлеровских стратегов, всегда оставалась бы при своем выдвинутом положении угрозой флангу германского продвижения как на запад, так и на восток. Захват Чехословакии, с одной стороны, значительно повышал экономическую и военную мощь Германии, с другой — ликвидировал крупнейший естественный барьер на пути германской экспансии во многих направлениях: к бассейну Дуная, Средиземному морю, Черноморским проливам, Польше. После ликвидации этого барьера Германии было бы несравненно легче двигаться к Турции, а затем на Ближний Восток. Прямым следствием ликвидации «чехословацкого барьера» могло стать господство над румынской нефтью и венгерскими

сельскохозяйственными районами. Франция теряла свои важнейшие позиции в Центральной Европе.

Оккупация третьим рейхом Чехословакии явилась бы решающим шагом в подготовке агрессии против СССР. Германский империализм открыл бы себе прямой путь к Украине, которая всегда оставалась предметом его особых вожделений, ибо в первую очередь на Востоке фашизм искал решения проблемы «жизненного пространства».

Уже в середине апреля 1938 г. Гитлер и Кейтель обсуждали предлог для внезапного вторжения и «молниеносного захвата Судетской области».

Если попытаться проследить деятельность германского военного руководства в месяцы, предшествовавшие агрессии против Чехословакии, то можно убедиться, сколь успешно вплеталась она в политику, использовала политические методы, психологический и пропагандистский нажим, включалась в грязные политические комбинации, чтобы создать наивыгоднейшие предпосылки для военного вторжения.

В марте 1938 г. фашистская печать открыла кампанию «в защиту судетских немцев». Активизировалась гитлеровская «пятая колонна» в Чехословакии — партия Генлейна, так называемая «представительница интересов немецкого меньшинства» в Судетах. Смысл психологического наступления фашизма заключался в том, чтобы вести длительную и постоянно усиливающуюся провокационную шумиху против «угнетения чехами судетских немцев», взорвать изнутри Чехословакию, а затем военными средствами присоединить Судетскую область и всю страну к рейху. Это неминуемо привело бы к потере чехословацким государством суверенитета, ибо в Судетах располагалась не только главная система его пограничных укреплений, но и основная часть промышленности.

Германское военное руководство, разумеется, приняло решающее участие в подготовке и проведении всех этих подготовительных мер. Еще раз убедительно раскрылось полное единство во взглядах, методах и целях политических и военных руководителей третьего рейха.

Новые замыслы прикрывались обещаниями, что-де австрийские события не повлияют на германо-чешские отношения. «Я даю вам свое честное слово», — заявил Геринг на этот счет от имени германского правительства чехословацкому послу в Берлине.

Не нужно было иметь особый дар предвидения, чтобы понять, куда идут события.

Приступая к «подрыву изнутри» сил сопротивления Чехословакии, нацистская верхушка тем самым выполняла один из важнейших принципов своей агрессивной политической и военной доктрины: попытаться одержать победу еще до начала войны или максимально облегчить ее ведение.

Глава фашистской партии в Судетах Генлейн 24 апреля громко и ясно потребовал автономии судетских немцев, «права исповедо-

вать нацистскую идеологию», изменения всей внутренней и внешней политики Чехословакии. Геббельс называл Чехословакию «гнездом большевизма» и распространял провокационные слухи о том, что советские войска и самолеты концентрируются в Праге. Под руководством из Берлина и германской миссии в Праге генлейновцы провоцировали беспорядки, инциденты, терроризировали население, убивали политических противников, всячески нагнетая напряжение и страх. Им помогали эсэсовские группы, проникавшие через границу. Денежные субсидии и оружие Генлейн получал из Германии. Его тактика, одобренная Гитлером, состояла в том, чтобы «все время требовать так много, чтобы никогда не удовлетворяться». Германская пропаганда поносила чехов, расписывала режим в Судетской области как «чудовищный», «зверский», кричала о «нежизненности Чехословакии» и т. п. Рейх вел тотальное идеологическое наступление, которое было не чем иным, как психологической подготовкой войны. Одновременно военщина готовила вторжение.

Его общий план существовал давно. Специальный раздел директивы ОКВ «О единой подготовке вооруженных сил к войне» от 24 июля 1937 г. содержал расчеты «внезапной германской операции против Чехословакии».

Директива гласила: «Задача германских вооруженных сил заключается в проведении подготовки таким путем, чтобы основная часть вооруженных сил могла быстро и неожиданно ворваться в Чехословакию, в то время как на западе были бы оставлены минимальные силы для того, чтобы прикрывать это нападение с тыла». В директиве содержались указания о негласном проведении подготовки мобилизации «для того, чтобы поставить вооруженные силы в такое положение, при котором они могли бы начать войну внезапно, что застанет противника врасплох как с точки зрения силы удара, так и в отношении времени»¹.

21 апреля 1938 г. Гитлер и Кейтель обсудили оперативные планы вторжения, после чего последовал ряд приказов политическим и военным инстанциям.

Чтобы предупредить контрдействия Франции и Англии, Гитлер приказал начать строительство укреплений на западной границе. Однако они имели больше символическое, чем военное значение, ибо в рейхе склонялись к мысли, что обе западные державы, как и при аншлусе, не выступят.

28 мая на очередном совещании военной верхушки было решено закончить подготовку нападения не позднее 1 октября. А еще через два дня, 30 мая, появилась новая, уточненная директива о вторжении в Чехословакию (план «Грюн»), озаглавленная «Война на два фронта при сосредоточении главных усилий на Юго-Востоке». Она заменила соответствующий раздел директивы от 24 июня 1937 г.

«Я принял окончательное решение, — говорилось в преамбуле, — разбить Чехословакию путем военных действий в ближайшем

¹ Нюрнбергский процесс... т. II, стр. 258.

будущем. Задача политических руководителей — выждать и обеспечить подходящий момент с политической и военной точек зрения».

Агрессоры считали, что международная ситуация в Европе становится для них чрезвычайно благоприятной. Поэтому нельзя упускать случая. «Правильный выбор, полное и решительное использование благоприятного момента, — говорилось в директиве, — являются самой верной гарантией успеха. Поэтому следует немедленно сделать соответствующие приготовления».

Что касается военно-оперативной стороны подготовки вторжения, то «Зеленый план» определил те методы, которые затем, в более развитом виде, неоднократно применялись нацистами при вторжении в разные страны Европы.

Во-первых, генеральные штабы сухопутных и военно-воздушных сил предусматривали внезапное нападение без объявления войны. Во-вторых, вторжение планировалось не одновременно всеми силами, предназначенными для захвата Чехословакии, а первоначально только частью сил — «армией вторжения», которая должна была создать условия для ввода главных сил уже в ходе военных действий. День начала вторжения был одновременно и первым днем мобилизации армии, предназначенной для агрессии. Этим также достигалась внезапность¹.

Группировка сил для действий против Чехословакии включала 39 дивизий (83 процента всех сухопутных сил), в том числе 24 пехотные, 3 танковые, 6 моторизованных, 3 легкие и 3 горные — всего до 1 млн. 825 тыс. человек, 720 танков².

В первый день военных действий предполагалось ввести «армию вторжения» в составе только 14 дивизий, что представляло четвертую часть всех сил, выделенных для действий против Чехословакии, на второй день — 25 процентов, а остальные силы — с третьего по восьмой день. Все танковые дивизии вводились в первый, моторизованные — в первый и второй дни наступления³. Согласно директиве ОКВ от 30 мая 1938 г., в которой «армия вторжения» именовалась «ударными колоннами», ей предстояло совершить внезапное нападение при поддержке авиации и прорвать на главных направлениях линию чехословацкой обороны. После этого основным силам следовало прорваться к центру Чехословакии, «используя первые успехи ударных колонн и действия авиации».

В-третьих, действия «армии вторжения» должна была поддерживать вся германская авиация. «Весь воздушный флот, за исключением незначительной части, необходимой для оборонительных сил на западе, должен быть брошен в наступление против Чехословакии. Перелет через границу должен произойти одновременно с переходом ее первыми частями армии. Наиболее важной задачей авиации

¹ ЦГАОР, ф. 7021, оп. 148, д. 234, л. 3.

² Там же.

³ Там же.

является уничтожение чешских воздушных сил и их баз снабжения в самый кратчайший срок»¹.

Главное состояло в стремлении достигнуть полной внезапности удара путем проведения мобилизации после того, как военные действия уже начнутся.

Общий стратегический замысел предусматривал развертывание главной массы вооруженных сил против Чехословакии, в то время как на западной границе останется лишь тыловое прикрытие, а восточные границы будут защищены незначительными силами.

В ходе подготовки вторжения принимались меры против западных держав, главным образом Франции, контрдействия которых все же не исключались. ОКВ имело в виду три возможных варианта: Франция вмешается в борьбу между Германией и Чехословакией в ходе проведения плана «Грюн», или начнет военные действия одновременно с Чехословакией, или же, что считалось маловероятным, начнет борьбу в то время, когда Чехословакия еще не подвергнется удару. Во всех случаях предполагалось сначала атаковать Чехословакию, а затем перенести усилия против Франции.

Летом 1938 г. о предстоящих военных действиях были оповещены союзники Германии — Италия и Венгрия. Итальянцы получили заверение, что будут первыми поставлены в известность об окончательном сроке нападения. Хортистская Венгрия, граничившая с Чехословакией, рассматривалась как вероятный участник вторжения. Во время нескольких совещаний с венгерскими руководителями Гитлер и Риббентроп убеждали их «использовать благоприятную возможность» и выступить.

Тот, кто хочет участвовать в еде, цинично заявил Гитлер, должен участвовать и в притотвлении пищи.

Намерения гитлеровцев совпадали с агрессивными притязаниями венгерской правящей верхушки, мечтавшей о «великой Венгрии». После некоторых колебаний, вызванных опасениями насчет позиций Англии, Румынии и Югославии, Хорти решил. 25 августа его министр иностранных дел Канья заявил Риббентропу: Венгрия будет в состоянии принять участие в конфликте с 1 октября. Вскоре Гальдер имел совещание с начальником венгерского генерального штаба Фишером. Теперь уже рассматривались вопросы военно-оперативного характера.

О методах, с помощью которых гитлеровцы собирались добиться внезапности агрессии, можно судить по разработанной ими технике вторжения в Чехословакию после так называемого «инцидента», спровоцированного германской стороной. Примечательно, что эти методы придумали и сформулировали не политики, а военные. Их изложил Йодль в письменном докладе Гитлеру от 24 августа:

«Стремление германских военно-воздушных сил захватить врасплох неприятельские военно-воздушные силы на аэродромах мирного времени справедливо побуждает их противиться мерам,

¹ ЦГАОР, ф. 7021, оп. 148, д. 234, л. 3.

проводимым до приказа «Х» (приказ о выступлении), и требовать, чтобы приказ «Х» был дан за день до выступления, чтобы помешать Чехословакии узнать о мобилизации Германии... К этому следует добавить, что операции по плану «Грюн» будут начаты в результате «инцидента» в Чехословакии, который спровоцирует Германию на военное вмешательство. Первостепенное значение имеет установление точного срока этого инцидента.

Срок инцидента должен быть установлен, когда условия погоды будут благоприятными для действия наших превосходящих военно-воздушных сил, с тем чтобы мы получили об этом известие за день до выступления... В ответ на это в 14.00 за день до выступления может быть дан приказ «Х». Но за два дня до выступления флот, армия и авиация получают лишь предварительное предупреждение.

Если фюрер намеревался следовать этому плану действий, то всякое дальнейшее обсуждение является излишним!»¹

Таким образом, предлагалось не принимать каких-либо ясно выраженных непосредственных подготовительных мер к вторжению раньше, чем за день до его начала. «Иначе, — говорилось в докладе, — будет казаться, что мы сами создали этот инцидент». Приказы о проведении всей необходимой предварительной подготовки должны отдаваться заблаговременно, и самое ее следует замаскировать «многочисленными маневрами и тренировкой». В стремлении обеспечить внезапность Иодль, понимая, что при первых авиационных налетах могут погибнуть немецкие и союзные дипломатические представители и граждане в Чехословакии, все же предлагал предупредить их не отзываться.

Документ завершался следующими «деловыми соображениями»:

«Если по техническим причинам вечерние часы покажутся более подходящими для инцидента, то день выступления должен быть не следующим, а через сутки...

Цель настоящего документа указать на то, что вооруженные силы очень заинтересованы в этом инциденте, и на то, что они должны быть заблаговременно оповещены о намерениях фюрера, поскольку разведывательному управлению не поручена организация инцидента»².

31 августа Гитлер утвердил все предложения Иодля.

Цинизм и вероломство в сочетании с холодным расчетом, использование политических средств для обеспечения стратегических выгод вкупе с шантажом и провокациями — все это как нельзя лучше характеризовало методы германских милитаристов при подготовке агрессии. И эти методы еще полнее, чем прежде, раскрылись летом 1938 г.

Сентябрь 1938 г. стал месяцем решающих событий. Кульминационным пунктом явилось подписание соглашения между Герма-

¹ Нюрнбергский процесс..., т. II, стр. 271—272.

² Там же, стр. 272.

нией, Англией, Францией и Италией о выдаче Чехословакии Гитлеру.

Мюнхенский сговор, этот решающий, поворотный пункт европейской и мировой политики империализма в 30-е годы, открыл путь второй мировой войне.

Стремление удовлетворить претензии гитлеровской Германии за счет государств Центральной Европы и толкнуть фашизм против СССР привело правящие круги Англии и Франции к предательству Чехословакии, которая служила для них лишь разменной монетой в крупной империалистической игре. Западные державы решили пожертвовать Чехословакией в оплату за то, чтобы Гитлер не напал на них и направил бы весь заряд агрессии только на Восток. Захват Германией Украины и других районов СССР казался политическим калькулятором в Лондоне и Париже естественным завершением агрессивного натиска третьего рейха, предпринимаемого во имя приобретения «жизненного пространства».

«Спасители мира» из Лондона и Парижа постарались сделать все, чтобы заставить правительство Чехословакии принять условия Гитлера.

Но Чехословацкая республика могла быть спасена, дальнейшее движение к второй мировой войне можно было предотвратить, если бы правительство Чехословакии согласилось принять помощь Советского Союза. Несмотря на то что отказ Франции дать военную помощь освобождал СССР от его военных обязательств, Советский Союз был готов принять военные меры для выручки Чехословакии, предотвращения германской агрессии. Однако антикоммунизм правящих кругов буржуазной Чехословакии оказался сильнее понимания ими национальных интересов: они предпочли отвергнуть помощь СССР и сдать ее на милость Гитлера.

Мы не ставим своей целью сказать здесь о Мюнхене что-либо сверх того, что уже широко исследовано и опубликовано марксистско-ленинской историографией. В плане данной работы представляет лишь интерес та роль, которую сыграли германские милитаристы во время подготовки и осуществления мюнхенской сделки.

Военное руководство фашистской Германии летом 1938 г. и в решающие сентябрьские дни выступало как самый активный организатор и участник преступной акции. Выше отмечалось, что очень важным штрихом в характеристике германского милитаризма была не только чисто военная, но и военно-политическая деятельность его ведущих представителей. В ряде случаев невозможно было определить, где военщина занимается своим ремеслом, а где выступает в роли фашиствующих политиканов. Военно-политический шантаж, угрозы, постоянная демонстрация силы проводились в размерах, придавших этим действиям характер главного механизма фашистского военно-политического давления как на Чехословакию, так и на «миротворцев» из Лондона и Парижа. Вместе с тем руководители вермахта напряженно и педантично готовили войска к

нападению, согласуя сроки с этапами и содержанием политической подготовки агрессии.

3 сентября Кейтель и Браухич на совещании в Бергхофе докладывали Гитлеру: переброска войск в «район маневров» для осуществления плана «Грюн» завершится 28 сентября. Тогда вермахт будет готов к вторжению. Браухич попросил фюрера оповестить командование сухопутных сил о сроке начала действий не позже полудня 27 сентября. При этом условии все будет осуществляться в полном соответствии с политическими планами. 8 сентября во время совещания Браухича, Иодля и начальника генерального штаба ВВС Ешоннека было условлено, что приказ о нападении поступит за день до его начала в 4 часа, а командование ВВС будет оповещено накануне выступления в 7 часов.

9 и 10 сентября Гитлер уточнял с генералами в Нюрнберге план «молниеносного нападения» на Чехословакию. На ночном совещании, длившемся более 5 часов, Гальдер доложил о задачах четырех армий, назначенных для вторжения. Тем временем Геббельс в речи 10 сентября на съезде нацистов снова объявил Прагу «организационным центром большевистских заговоров против Европы». На следующий день Геринг в крикливом выступлении пугал весь мир немецкой военной мощью и в беспардонных выражениях грозил чехам. Чемберлен не замедлил с ответной речью: если Германия начнет войну, то Англия выступит вместе с Францией. Но если фюрер предпочтет переговоры, то «получит от Чехословакии все, что захочет».

О большем Гитлер и не мечтал. 12 сентября он выступил на съезде сам. Угрозы и оскорбления в адрес чешского народа пересыпались новыми порциями лжи о «мучениях судетских немцев». Тут же следовали мирные обещания Англии, Франции и Польше.

Речь Гитлера стала детонатором новой волны провокационных выступлений генлейновцев. В ряде городов Судет шла стрельба. Хотя чешская полиция подавила выступление, накал достиг предела. И здесь «умиротворители» из Лондона и Парижа сказали решающее слово.

Далее последовали те самые события, которые ныне известны во всем мире с точностью до часа и минуты из бесчисленных исторических описаний и исследований и которые определяются одним словом, превратившимся в синоним предательства: «Мюнхен».

13 сентября после 12-часового заседания французский кабинет министров решил предложить Берлину соглашение за счет Чехословакии. В тот же день Чемберлен послал Гитлеру предложение о встрече, чтобы обсудить «мирное решение» чехословацкой проблемы, «поскольку положение становится все более критическим».

Получив телеграмму британского премьера, Гитлер пришел в восторг. «Как с неба упало!» — воскликнул он, не сомневаясь теперь в том, что Англия и Франция не будут защищать Чехословакию.

Свидание произошло через два дня в Берхтесгадене. На предло-

жение Гитлера об аннексии территорий, где преобладающая часть населения говорит по-немецки, Чемберлен ответил полным согласием.

После визита к фюреру британский премьер, французский председатель совета министров и их кабинеты развили бурную деятельность. 18-го в Лондон прибыли Даладье и министр иностранных дел Бонна. Они согласовали совместные предложения, которые затем предстояло ультимативно предъявить чехам. Территорию Судет, на которой проживало более 50 процентов немцев, Чехословакия отдаст Германии. Взамен Англия и Франция обещают свое участие в «международных гарантиях границ» обломка Чехословацкого государства. В последующие несколько дней «умиротворители» оказывали упорное давление на Прагу и торопили ее — фюрер не хотел ждать.

Чтобы подкрепить требования Гитлера и в равной степени действия Чемберлена и Даладье, германское военное командование усилило нажим и по своей линии. 16 сентября по приказу ОКВ к чехословацкой границе двинулись 10 немецких дивизий. Кейтель, вернувшийся в тот же день из Бергхофа, после восторженных рассказов о результатах совещания Гитлера с Чемберленом отдал секретный приказ руководству железных дорог: к 28 сентября подготовить и предоставить большое количество вагонов для стратегического развертывания армий.

С той же целью военного нажима Генлейн 17 сентября объявил о формировании «добровольческого корпуса» судетских немцев, который будет «создавать беспорядки и столкновения» в Судетах.

Иодль после ряда совещаний с представителями министерства пропаганды разработал «методы опровержения... нарушений международного права и использования нарушений со стороны противника». Штаб оперативного руководства ОКВ совместно с министерством иностранных дел составил подробный список вероятных нарушений немцами международного права. Против каждого пункта нарушений формулировалась дипломатическая позиция, которая должна быть занята немецкой стороной. Например, против пункта 10 («германские самолеты пролетают над польской территорией и втягиваются в бой с чешскими самолетами») значилось: «Следует сначала попытаться опровергнуть этот инцидент; если это окажется безуспешным, последует извинение, обоснованное тем, что летчики ошибочно рассчитали курс, и предложение польскому правительству выплатить возмещение за нанесенный ущерб».

Иодль и штаб верховного командования стали не только проводниками, но и творцами вероломных действий фашистской дипломатии.

В середине сентября военная подготовка вторжения вступила в завершающую стадию. Назначенные для вступления в Чехословакию 2, 8, 10, 12 и 14-я полевые армии получили оперативные задачи и приказ на выдвижение. На западной границе усиленно велось строительство укреплений. Гитлер утвердил план скрытой

мобилизации пяти дивизий в западных областях для прикрытия тыла при осуществлении плана «Грюн». Ночью 21 сентября «добровольческий корпус» захватил город Аш, а отряды СС и СА вступили в Эгер.

Вечером 21 сентября правительство Чехословакии приняло англо-французский план и, таким образом, подписало смертный приговор своей стране. Вторая встреча Гитлера с Чемберленом состоялась 22 сентября в Годесберге, на улицах которого были вывешены фашистские и британские флаги. Под внушительный аккомпанемент моторизованных и танковых дивизий, двигавшихся к чехословацкой границе, Гитлер предъявил требование о немедленной передаче всех территорий с преобладающим немецким населением и оккупации их германскими войсками с последующим «плебисцитом под международным контролем» (в плебисците могли участвовать лишь те, кто проживал на этих территориях в день падения Австро-Венгерской монархии — 28 октября 1918 г.).

24—26 сентября в Лондоне и Париже порознь и совместно обсуждались требования Гитлера. 26 сентября британское и французское правительства объявили, что в случае войны выступят на поддержку Чехословакии. Но в Берлине не верили в правдивость этой угрозы. Там поняли, что английским и французским «умиротворителям» нужно выдержать позу перед мировым общественным мнением.

26 сентября Гитлер выступил в Спортпаласе с новой истерической речью, полной, как и прежде, бешеных угроз Чехословакии и вместе с тем елейных уверений в своих дружеских чувствах к Англии, Франции и Польше. Фюрер благодарил лично Чемберлена. И эту свою благодарность он подкрепил 27 сентября письмом британскому премьеру, где предлагал гарантию независимости тому, что останется от Чехословакии. Он просил Чемберлена «продолжать усилия», чтобы «не дать возможности Праге развязать всеобщую войну».

Чемберлен в полном удовлетворении немедленно предложил Гитлеру совещание четырех держав — Англии, Франции, Германии и Италии, на котором окончательно решится вопрос аннексии территорий, требуемых Германией.

«Ознакомившись с вашим письмом, — телеграфировал Гитлеру Чемберлен, — я преисполнен уверенности в том, что вы сумеете получить все, что вам нужно, без войны и без задержек. Я готов немедленно лично прибыть в Берлин, чтобы обсудить с вами и с представителями чешского правительства и правительств Франции и Италии, если вы пожелаете, планы передачи территории. Я уверен, что в недельный срок мы достигнем соглашения. Я не могу предположить, что вы возьмете на себя ответственность за развязывание мировой войны, которая может разрушить цивилизацию, из-за короткой отсрочки для разрешения этой давнишней проблемы».

К Муссолини из Лондона полетела телеграмма с настойчивой

просьбой добиться согласия фюрера на эту встречу и самому участвовать в ней.

Вместе с тем и Чемберлен, и Даладьё категорически отклоняли предложения Советского Союза о созыве конференции для обсуждения мер по пресечению агрессии Германии.

Несмотря на то что Советский Союз заявил о готовности выполнить свои обязательства в отношении Чехословакии, Лондон и Париж прилагали усилия, чтобы отклонить всякое участие Советского Союза в решении судеб этой страны.

Все делалось так, чтобы подкупить Гитлера ценой предательства Чехословакии, убедить его, что Западная Европа — его вернейший союзник и друг, что никаким обязательствам по отношению к СССР Англия и Франция не придают ни малейшего значения и что, наконец, Советский Союз останется в полной изоляции. Поэтому единственным направлением нацистской агрессии может быть только путь на Восток. Тылы будут надежно обеспечены.

Гитлер принял предложение. После полудня 28 сентября из рейхсканцелярии были отправлены приглашения в три европейские столицы.

29 сентября главы правительств Англии и Франции прибыли на поклон к Гитлеру в Мюнхен, город — колыбель фашизма.

В такой обстановке сначала было решено продемонстрировать не только полную готовность к вторжению, но и стремление «сохранить мир». ОКВ разыграло комедию миролюбия, демонстративно приостановив на короткий срок выдвижение войск к границе.

Конечно, «миролюбивые» жесты ни в малейшей степени и ни на один час не приостанавливали подготовку армии и авиации к вторжению. Верховное командование уточняло последние детали. Все готовилось так, чтобы как можно дольше держать Чехословакию в состоянии неведения и сомнений. И пауза была непродолжительной. Совещание в Мюнхене шло под нараставший грохот танковых дивизий, сопровождалось демонстрацией «всесокрушающей мощи», чтобы исключить любые колебания Чемберлена и Даладьё. Гитлер приказал первый эшелон войск, назначенный для вторжения, двинуть на исходные позиции, с которых он 30 сентября начнет наступление. Приказ гласил:

«28 сентября 1938 года. В 18 часов 27 сентября фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами приказал вооруженным силам начать продвижение с их тренировочных полей на линию наступления.

Эти ударные отряды... должны быть готовы, чтобы начать 30 сентября операцию «Грюн» в соответствии с решением, принятым накануне в 12 часов дня».

Следовательно, в момент мюнхенских переговоров германские вооруженные силы использовались как весомый «аргумент» военно-политического шантажа. Они оглушительно громыхали, создавая весьма убедительный резонанс в головах перепуганных «умиротворителей». Мюнхенская конференция открылась днем 29 сентября и

продолжалась до утра 30-го. Все быстро договорились. Соглашение, подписанное Гитлером, Чемберленом, Муссолини и Даладье, предусматривало начало германского вторжения в Чехословакию 1 октября. Этот срок фюрер установил еще весной 1938 г. Оккупация Судетской области должна была завершиться к 10 октября.

Акт позорного предательства по отношению к чехословацкому народу лишил страну значительной части ее территории и населения, где располагалась вся государственная оборонительная система, включая мощные сооружения — чехословацкую линию Мажино. Страна потеряла половину своей тяжелой промышленности, 66 процентов каменного угля, 70 процентов электроэнергии, 70 процентов черной металлургии, 86 процентов химической промышленности, 80 процентов текстильной промышленности и т. д. Экономический и военный потенциал Чехословакии рухнул без выстрела. То, что осталось от растерзанной и расколотой страны, лежало теперь у ног Гитлера.

Германская военщина ликовала. Иодль записал в дневнике: «Мюнхенское соглашение подписано, Чехословакии как государства больше не существует».

За одну ночь фашистская военная верхушка захватила то, о чем прежде могла только мечтать. Третий рейх получил крупный военно-стратегический перевес в Центральной Европе и подорвал влияние западных держав. Европейские стратегические позиции Франции оказались решительно ослабленными. Потеря союзника — Чехословакии с ее 35 хорошо подготовленными дивизиями, опиравшимися на мощные горные укрепления, лишала Францию возможности компенсировать системой военных союзов собственный, в сравнении с Германией, недостаток сил. Старательно сколачиваемая Парижем коалиция малых государств на восточном фланге третьего рейха начала распадаться. Поскольку стало очевидным, что договоры с Францией ничего не стоят, в столицах Югославии, Румынии и Польши приступили к быстрой смене ориентиров. Лидеры этих государств теперь старались договориться с Берлином и добиться благосклонного внимания фашистского диктатора.

Так, даже не вынимая шпаги из ножен и лишь угрожающе размахивая ею, германские милитаристы нанесли удар Франции, а следовательно, и Англии, подготовив тем самым свой военный успех 1940 года. Мюнхенские «умиротворители» спасли фашистский вермахт от тяжелейших военных неудач, потерь и, возможно, поражения. Совершенно очевидно — не будь Мюнхена, Гитлер открыл бы против Чехословакии военные действия, в которые раньше или позже втянулись бы великие державы. Но германская армия, как единодушно свидетельствовали позже на Нюрнбергском и других процессах гитлеровские генералы, в том числе Кейтель, Иодль, Манштейн, в 1938 г. не была готова к войне большого масштаба. Уделом третьего рейха мог стать лишь проигрыш такой войны. Спасение, пришедшее из Лондона и Парижа, не могло не вызвать восторга фашистской военщины. Кейтель в 1945 г. говорил в Нюрн-

берге: «Мы были невероятно счастливы, что дело не дошло до военных действий, потому что... мы всегда придерживались мнения, что наши средства нападения на пограничные укрепления Чехословакии были недостаточно эффективными».

Отныне генералитет еще теснее объединился вокруг Гитлера и его партии; военное руководство в еще большей, чем когда-либо прежде, степени прониклось духом той наглой самоуверенности, которая вкупе с авантюризмом, органически присущим его военному мышлению, превратила фашистский военный аппарат в опаснейшее для человечества орудие реализации планов мирового господства германского империализма.

Такой оказалась цена мюнхенского предательства.

* * *

В годы, предшествовавшие второй мировой войне, германский милитаризм не только разработал теоретически, но и детально отрепетировал на практике те изощренные приемы военно-стратегического вероломства, которые он затем столь широко и успешно применял, вторгаясь в различные страны Европы. Правда, до 1939 г. вермахту все удавалось без единого выстрела, и это сделало его руководителей еще более дерзкими, еще более убежденными в неотразимой действенности своих методов.

В 1936—1939 гг. германское военное руководство создало и проверило технику вторжения в соседние страны. В ее основе лежало тесное взаимодействие фашистской политики, со всем ее коварным вероломством и разбойничьей подлостью, и военной стратегии, разработанной в полном соответствии с этой политикой. И совершенно естественно, что методы вторжения, примененные вермахтом, включали заблаговременную подготовку провокационных предлогов для агрессии, использование вооруженных сил для устрашения других государств, искусственное создание длительного периода напряжения путем различных маневров и передислокаций войск в приграничной зоне, маскирующих сроки начала агрессии, угрожающие акции, заявления и демонстрации, проводимые не только политическими, но и военными лидерами, — словом, приемы, которые оказались столь присущими фашизму и полностью соответствовали его политической и военной доктрине.

Все эти приемы фашистская стратегия затем широко использовала во второй мировой войне.

I

Ни аншлюс Австрии, ни захват Судет, ни угодничество Чемберлена и Даладье, готовых пойти на все ради укрепления своей надежды, что Гитлер будет двигаться лишь на Восток, никакие политические успехи одной стороны или просчеты другой не могли, конечно, ни снять, ни ослабить объективно существующих империалистических противоречий между западными державами. Наоборот, в начале 1939 г. эти противоречия обострились. Они стимулировали новый политический кризис в Европе, который резко углубился в связи с дальнейшим развитием захватнической политики германского фашизма, усилением конкурентной борьбы между империалистическими державами, продолжением курса попустительства агрессору Парижа и Лондона.

Уступки, сделанные Англией и Францией Германии, не только не сгладили антагонизма между обеими странами и третьим рейхом, но еще больше усилили его, подводя развитие событий к столкновению внутри капиталистического мира.

Гитлеровская банда после Мюнхена действовала с еще большей наглостью, решимостью и последовательностью. Теперь наступала очередь Польши.

1939 год стал годом международной политической кризисной ситуации, которая, неуклонно нарастая, завершилась войной.

Здесь уместно сказать несколько слов о кризисных ситуациях вообще. Опыт последних примерно ста лет показывает в общем и целом довольно стабильную картину динамики военно-политических кризисов, прямым результатом которых становится война. Ситуации развивались неравномерно, с разной интенсивностью на различных этапах, подъемы чередовались спадами.

Основными этапами кризисных ситуаций обычно являлись: разногласия, противоречия, напряженность в отношениях, международные политические кризисы, конфликтные ситуации, наконец, применение военной силы.

Европейская кризисная ситуация 1939 г. прошла через все эти этапы.

Начало ей было положено созданием Германией напряженности в отношениях с Польшей. Смысл возникшей усилиями рейха «польской проблемы» заключался в том, чтобы, прикрываясь требованиями ликвидации «несправедливостей версальской системы» в отношении вольного города Данцига, Польского коридора и «положения фольксдойчей», осуществить агрессию против Польши с целью ее полной оккупации, захвата ее промышленных и сырьевых ресурсов, порабощения польского народа, создания плацдарма для нападения на СССР.

Еще летом 1938 г. гитлеровское правительство сделало ряд шагов, направленных на изоляцию Польши от соседей, прежде всего от возможных контактов с Советским Союзом. В беседе польского посла в Берлине Липского с Герингом, состоявшейся 10 августа 1938 г., последний предложил Польше «план сближения с Германией за счет Советской России», намекнув, что «Польша... может иметь известные интересы непосредственно в России, например на Украине»¹.

Эти предложения, рассчитанные на давние планы польской реакции, встретили у нее интерес и понимание. Политика, проводимая в таком духе польским буржуазным правительством, содействовала в ближайшем будущем еще большей внешнеполитической изоляции буржуазно-помещичьей Польши.

Начиная с осени 1938 г. третий рейх, подготавливая повод для военного нападения, открыл длительный этап дипломатического наступления на Польшу, известного под названием «данцигского кризиса». Сущность этого кризиса состояла в том, чтобы искусственно создать политическое напряжение в отношениях с Польшей, которое могло бы стать поводом для агрессии.

Впервые требование вернуть Данциг в состав германской империи было выдвинуто Риббентропом в беседе с Липским — польским послом в Берлине — 24 октября 1938 г. Сообщив, что «фюрер хочет сделать чистыми все отношения с Польшей», Риббентроп заявил: «Данциг должен быть немецким». Предлагалось следующее решение: 1) Вольный город Данциг возвращается в рейх. 2) Через коридор будет проложена экстерриториальная железнодорожная линия. 3) Польша получит в данцигской области экстерриториальное шоссе или автостраду и железнодорожную линию. 4) Польша получит гарантии своим товарам в данцигской области. 5) Обе нации гарантируют общие границы и территории друг друга. 6) Германо-польский договор будет продлен от 10 до 25 лет². Кроме того, Риббентроп предложил Польше «сотрудничать в колониальном вопросе» и в «совместном выступлении против России в рамках антикоминтерновского пакта».

Польское правительство было уверено, что Германия не примет иных мер, кроме дипломатического нажима, ибо она заинтересована

¹ Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. I, стр. 175.

² *Polnisches Weißbuch*. Basel, 1940, Nr. 44.

в Польше как в антисоветской силе. Поэтому на предложения Риббентропа последовало решительное «нет» с уверениями в неизменной дружбе к третьему рейху. «Вопрос о Данциге — пробный камень польско-германских отношений» — эти слова Пилсудского, сказанные в 1934 г., напомнил польский министр иностранных дел Бек в ответе Риббентропу. Гитлеровцы и не ждали другого ответа от Польши, кроме отказа. Но нужное напряжение было создано.

Вторично вопрос о Данциге был поставлен Германией в середине ноября 1938 г. Однако ни переговоры Риббентропа с Липским 19 ноября, ни беседа германского посла в Варшаве с Бекем 22 ноября не изменили польских позиций. Результатом второго демарша стало решение Гитлера начать подготовку к захвату Данцига силой. В директиве вермахту от 24 ноября 1938 г. он приказал «подготовиться к тому, чтобы внезапно занять вольный город Данциг». В операции должны были принять участие соединения всех трех видов вооруженных сил¹.

Поскольку атмосфера вокруг Польши становилась угрожающей, ее союзник Франция, связанная с Польшей договором от 1921 г., приступила к пересмотру и «уточнению» своих позиций «в соответствии с новой обстановкой». В правящих кругах раздавались настоячивые голоса, что в случае войны следует уклониться от участия в ней на стороне Польши, т. е. отказаться от договора 1921 г.

Эта позиция Франции как бы предопределяла будущие аспекты франко-английской политики относительно Польши в начале второй мировой войны.

Для того чтобы удержать Францию в рамках нейтралитета, отколоть ее от Польши и обеспечить свой тыл во время предстоящей агрессии на Востоке, Германия заключила 6 декабря 1938 г. договор с Францией о «мирных и добрососедских отношениях». Такие отношения, как говорилось в опубликованной в тот же день декларации, «являются важнейшим элементом консолидации положения в Европе и укрепления всеобщего мира». Договор провозглашал: границы между обеими странами — «окончательные» и в случае «международных осложнений» обе стороны «будут консультироваться друг с другом»².

Этот договор и усиление напряженности в отношениях Германии и Польши приободрили «мюнхенцев», дали новый толчок их постоянным усилиям направить агрессию Германии против Советского Союза.

В конце ноября 1938 г. посол США во Франции Буллит говорил польскому послу: «Демократическим государствам нужно еще два

¹ Французский посол в Варшаве Ноэль писал 20 октября 1938 г. в Париж: «Можно думать, что Польша нужна Германии как охрана и как большой вал против СССР и одновременно как подсобная сила для акции против Украины... Не надо удивляться, если Гитлер захочет произвести территориальные ревизии в Польше как компенсацию за его «дружбу», за его «союз» против большевизма и против России».

² Gelbbuch der französischen Regierung. Basel, 1940, S. 38.

года до полного вооружения. В течение этого времени, можно предположить, что Германия направит свою экспансию на Восток. Было бы желательно, чтобы там, на Востоке, дошло до разрешения спорных вопросов путем войны между Германией и Россией»¹.

Буллит выражал надежду, что Германия будет обречена на «длительную и изнуряющую войну»².

В той же беседе американский посол изложил мнение, весьма характерное для реакционных кругов Запада: в Англии, Франции, США горячо верят, что в ближайшие месяцы начнется «великое разрешение вопросов» на Востоке. Данциг станет лишь поводом для вторжения гитлеровского вермахта через Польшу или Румынию в Советский Союз.

В этом же смысле чрезвычайно показательным являлся доклад французского посла в Берлине Ноэля «О последующих целях рейха», направленный в Париж 15 декабря 1938 г. Выражая свое мнение о ближайших целях Гитлера и безусловное желание всей западной реакции, Ноэль писал: «Стремление к экспансии в восточном направлении, существовавшее в третьем рейхе, кажется мне действительно прочно установившимся, как и, по крайней мере, временно решенным отказ от каких-либо завоеваний на Западе; одно вытекает из другого»³.

Западные политики склонны были принять за чистую монету фальшивые уверения Гитлера, что у него «нет абсолютно никаких требований к Франции» и что решение его проблем — только на Востоке. «Мне кажется,— продолжал Ноэль,— уже можно распознать целенаправленность крупного предприятия немцев. Овладение Центральной Европой таким образом, чтобы Чехословакия и Венгрия были подчинены, создание Великой Украины под немецким верховным господством — таковой на сегодняшний день представляется концепция руководящих национал-социалистов и, бесспорно, также концепция господина Гитлера»⁴.

С этой точкой зрения на политику фашистской Германии вполне солидаризировалась британская дипломатия. Английский поверенный в делах в Берлине сообщал в ноябре 1938 г. министерству иностранных дел, что, безусловно, Польше потребуется от Германии

¹ *Polnische Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges*. Berlin, 1940, Bd. 1, S. 8.

² *Polnische Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges*, S. 8. На вопрос польского посла, примут ли США участие в такой войне, Буллит ответил: «Несомненно да, но лишь после того, как Англия и Франция первыми нанесут основательный удар».

³ *Gelbbuch*, S. 45.

⁴ Заметим, что многие буржуазные исследователи ныне вынуждены признать ошибочность этой оценки намерений Гитлера. Например, Фройнд пишет: «Это была на длительное время парализующая и сбивающая с толку идея Запада, что первейшим планом Гитлера является Украина» (*Weltgeschichte der Gegenwart*. Bd. 1, S. 361). Однако ни Фройнд, ни другие буржуазные историки не говорят о том, что это была не просто ошибка в оценке обстановки, а выражение чрезвычайно активного и длительного политического курса «мюнхенцев».

компенсация за Данциг и за дорогу через коридор. «Где же можно найти такую компенсацию?» — спрашивал он. И отвечал: «Только в Литве и России. Совершенно очевидно, что не сразу, так как компенсация за счет третьей державы может осуществиться только в случае успешной войны или военной угрозы, а это требует времени»¹.

Французские политики были склонны думать, что агрессии против СССР не придется долго ждать. «Все национал-социалисты говорят 10 дней об Украине, — радовался Ноэль. — Институт Розенберга, служащие господина доктора Геббельса, организация «Восточная Европа», руководимая бывшим министром Куртиусом, органы шпионажа — все заняты этим вопросом»². Не только Украина, но и кавказская нефть будут, как рассчитывали «мюнхенцы», в ближайшее время захвачены Германией. «Средства и пути» еще окончательно не установлены, однако цель, кажется, неотвратимо определена, — твердо уверял французский посол, — создание Великой Украины, которая должна стать запасной житницей Германии. Для этой цели необходимо покорить Румынию, убедить Польшу; Советская Россия должна быть ограблена. Немецкий динамизм ни перед какой из этих трудностей не остановится, а в милитаристских кругах уже говорят о походе на Кавказ вплоть до Баку»³.

Данцигский кризис рассматривался «мюнхенцами» лишь как одно из средств давления Германии на Польшу, чтобы «убедить» ее принять участие в антисоветском походе. В реакционных кругах Запада с удовлетворением восприняли слова, сказанные Риббентропом Беку во время их встречи в Варшаве 27 января 1939 г.: «Вы очень упрямы в вопросах мореходства. Черное море все-таки тоже море»⁴.

Английский поверенный в Берлине Огилви-Форбс еще 9 ноября 1938 г. писал: «У меня есть данные, что Гитлер, находящийся накануне закрепления на плацдарме Рутении (т. е. Закарпатской Украины. — Д. П.), рассматривает возможность совместного выступления с Польшей в конфликте с Россией в момент, когда Советский Союз слаб и успех обеспечен, с тем чтобы компенсировать Польшу за счет большевиков»⁵. Через месяц он подтверждает эту мысль: «...следующей целью, которая, возможно, будет осуществлена в 1939 г., явится создание — при сотрудинчестве с Польшей или без нее — независимой русской Украины под опекой Германии»⁶. Английский военный атташе в Берлине Мэсон-Макфарлан был убежден, что Гитлер решится в ближайшее время на «инострannую

¹ Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Third series. Vol. III. London, 1950, N 298.

² Gelbbuch. S. 45.

³ Ibidem.

⁴ Бек записал в своем дневнике по этому поводу: «Риббентроп прибыл, не оставляя твердости своих требований о Данциге. В качестве компенсации он предлагал со своей стороны Словакию и в конечном счете попытался втянуть нас в антирусскую комбинацию» (Weltgeschichte der Gegenwart... S. 409).

⁵ Documents... p. 266.

⁶ Ibidem, p. 387.

авантюру», и что она «примет восточное направление». Не исключая теоретически при определенных обстоятельствах наступления Германии против Англии, он считал все же, что возможности удара на восток и на запад должны оцениваться в соотношении 10:1¹.

Непоколебимая уверенность, что следующий удар последует по СССР, оставалась неизменной и весной 1939 г. Британский посол в Берлине Гендерсон писал в Лондон 9 марта 1939 г.: «Мне кажется неизбежным, что Германия хочет оторвать эту богатую страну (Украину. — Д. П.) от огромного русского государства, так как оно представляется его последним врагом... Я не могу, однако, думать, чтобы Советский Союз кротко подчинился немецким интригам в этом отношении... Гитлер заявил в «Майн кампф» совершенно ясно, что «жизненное пространство» для Германии можно получить только путем распространения на Восток. Распространение на Восток делает, однако, столкновение между Германией и Россией в один день в значительной степени вероятным. Я категорически утверждаю... что мы не можем вслепую дать Германии карт-бланш на Востоке. Но не является невозможным достижение соглашения с Гитлером, предполагая, что оно будет ограничиваться условиями, соблюдение которых можно разумно ожидать от Гитлера»².

Доклад Гендерсона заканчивался поистине классической фразой «мюнхенца», сжато формулировавшей суть предвоенной политики западных держав: «Неплохо, чтобы произошел драг нах Остен; драг нах вестен не произойдет до тех пор, пока Гитлеру не будут преграждать путей на Восток». Успех «драг нах Остен» казался обеспеченным, ибо, как уверял нацистов Огилви-Форбс, Советский Союз «совершенно бессилен в военном отношении».

Международная империалистическая реакция всемерно поддерживала Гитлера в его планах экспансии, рассчитывая, что конфликт с Польшей будет разрешен за счет Советского Союза и что приближается долгожданный момент, когда Германия нападет на СССР.

Вместо того чтобы пресечь нацистские интриги в отношении Польши, занять твердую позицию в данцигском кризисе, англо-французская реакция поощряла гитлеровцев в натиске на Польшу. Она тешила себя иллюзиями, что под германским давлением Польша быстрее согласится в той или иной форме участвовать в антисоветском походе. Английские и французские «мюнхенцы» считали, что не должны мешать усилиям Германии, направленным на Восток, позволяя тем самым Гитлеру расширять конфликт с Польшей и в конечном счете напасть на нее.

Середина марта — начало апреля 1939 г. — дни конфликтной ситуации, представлявшие собой важный этап в развитии предвоенного политического кризиса. В этот отрезок времени Германия оккупировала Чехословакию, Англия и Франция предоставили «гарантии» странам Восточной Европы, а нацисты приняли решение о

¹ Documents... p. 551.

² Ibidem, p. 195.

нападении на Польшу. В итоге произошло резкое обострение всей политической ситуации.

Период, следовавший за событиями середины марта — начала апреля, отличался от предыдущей стадии кризиса прежде всего тем, что теперь в Европе стала осуществляться непосредственная подготовка к войне как в политической, так и в военной области, уже был назначен срок развязывания агрессии. Дальнейшее обострение политического кризиса от начала апреля до середины августа 1939 г. вызвало новые конфликтные ситуации, приведшие к войне.

II

Обострение международного политического кризиса весной 1939 г. было связано с захватом гитлеровской Германией той части территории Чехословакии, которая оставалась неоккупированной после аннексии Судет в результате мюнхенского сговора, и с ликвидацией, таким образом, самостоятельности чехословацкого государства.

Директива относительно оккупации всей Чехословакии была отдана Гитлером еще 21 октября 1938 г. От вооруженных сил он потребовал: 1) обеспечить безопасность границ Германии и охрану от возможных воздушных налетов; 2) ликвидировать оставшуюся часть Чехословакии; 3) оккупировать район Мемеля. В этом разбойничьем документе предусматривалось «неожиданное нападение на Чехословакию, чтобы Чехословакия была лишена всякой возможности организованного сопротивления»¹.

На рассвете 15 марта немецко-фашистские войска вторглись в неоккупированную часть Чехии. Вскоре из Пражского Града нацистские захватчики заявили всему миру, что «Чехословакия перестала существовать». В тот же день предатель словацкого народа Тисо отдал Словакию «под защиту» Гитлера.

Захватив Чехословакию, гитлеровская Германия глубоко вторглась в Центральную Европу, в ее восточные районы, создала плацдарм для нанесения удара по Польше с юга. Немецко-фашистские войска могли развернуться на 300-километровой словацко-польской границе. В руки вермахта попали богатые военные трофеи. Гитлер перечислил их, выступая 28 апреля 1939 г. в Берлине: 1582 самолета, 2175 орудий, 735 минометов, 591 зенитное орудие, 43 876 пулеметов, 468 танков. Развитая военная промышленность Чехословакии стала работать на германскую армию.

Оккупация всей Чехословакии нанесла серьезный удар по «мюнхенцам». Европейские позиции Германии резко усилились, равновесие в Центральной Европе нарушилось. Столь неожиданные действия Германии, вопреки расчетам западных держав и мюнхенским условиям, потрясли буржуазную Европу. Шок английских и французских политиков вызвала страшная тревога: неужели Гитлер не

¹ Нюрнбергский процесс... т. II, стр. 294.

считается с интересами Запада, не выполняет своих обещаний и обязательств, идет своим путем? Быть может, их надежды на германо-советский конфликт в самое ближайшее время по меньшей мере недостаточно обоснованны? ¹.

Тревога «мюнхенцев» хорошо видна из доклада французского посла в Берлине Кулондра в Париж от 19 марта 1939 г. «Мы находимся перед совершенно новым положением, — писал он. — Немцы перешли от политики проникновения к политике завоеваний. На переднем плане — милитаризм в чистом виде... Ощутит ли Гитлер... потребность в передышке? Или он, скорее, используя приобретенную быстроту действий и шок среднеевропейских государств, продолжит свое продвижение в восточном направлении? Не окажется ли для него соблазнительным обернуться на Запад и наконец подавить сопротивление западных держав, которые мешают свободе его действий на Востоке?» ².

В Париже, Лондоне и в других европейских столицах стали гадать, куда он направит следующий удар. Западные правители поняли, что захват всей Чехословакии означал прежде всего ослабление позиций Англии и Франции, удар по их престижу, нарушение мюнхенских условий. Теперь гитлеровский рейх угрожал Румынии, мог захватить румынскую нефть и начать военное проникновение на Балканы. В ноте, переданной 20 марта 1939 г. французским министерством иностранных дел британскому послу в Париже, подчеркивалось: «Новые немецкие мероприятия, возможно, и направлены теперь против Востока, но в случае успеха повлекут за собой гегемонию рейха в Европе. Поэтому возникает... эвентуальная угроза безопасности и жизненным интересам Франции и Англии» ³.

Под влиянием новых событий Англия и Франция вступили в более тесный контакт. 22 марта 1939 г., когда гитлеровцы принудили Литву передать Германии Клайпедскую (Мемельскую) область, правительства обеих стран договорились оказывать друг другу помощь при нападении на одну из них «третьей державы». «Это обстоятельство должно было продемонстрировать англо-французское единство и послужить одним из средств давления на Германию в замышляемых широких переговорах с ней» ⁴. Вместе с тем соглашение означало, что в обстановке нарастающего международного кризиса Франция, ориентируясь целиком на союз с Англией, игнорирует франко-советский договор о взаимопомощи от 2 мая 1935 г.

Но отказ от совместных действий с Советским Союзом в складывающейся ситуации явно противоречил требованиям обстановки, здравому смыслу и традициям французской политики.

Англо-французское обязательство от 22 марта представляло со-

¹ Подробнее об этом: М. Панкрашова, В. Сиполс. Почему не удалось предотвратить войну. М., изд-во АПН, 1970, стр. 8—10.

² Gelbbuch der französischen Regierung, S. 38.

³ Documents on British Foreign Policy. Third series. Vol. IV, p. 410.

⁴ История международных отношений и внешней политики СССР 1917—1939, т. I, М., Изд-во ИМО, 1961, стр. 564.

бой лишь жест, который должен был показать Гитлеру «решимость» западных держав не допустить его к румынской нефти и Балканам и одновременно не преграждать пути дальнейшего продвижения на Восток. Защиту румынской нефти Англия и Франция предполагали возложить на Польшу в обмен на обязательство прийти ей на помощь в случае гитлеровского нападения на Данциг. 18 марта 1939 г. британский посол в Париже сообщил в Лондон, что Польша запросила Францию о ее готовности помочь Польше, если Германия нападет на Данциг. Французское правительство ответило, что сделает это при условии, если Польша заключит оборонительный союз с Румынией¹. Такой союз легко мог стать антисоветским союзом.

Германские агрессоры хорошо понимали в те дни уловки и надежды правящих кругов Англии и Франции и продолжали действовать по своим планам.

Словакия быстро превращалась в военный плацдарм рейха против Польши. 23 марта Германия навязала Румынии так называемый «хозяйственный договор». Фактически это было нечто большее, чем договор по экономическим вопросам. Он представлял собой кабальное соглашение и еще один удар по англо-французским позициям в Юго-Восточной Европе.

Положение английского и французского империализма оказалось двойственным: с одной стороны — стремление столкнуть Германию с Советским Союзом требовало пропуска германских войск через Румынию; с другой — формы контактов, которые нацисты устанавливали в Румынии, те методы, которые они использовали, продвигаясь к юго-востоку, вызывали тревогу, что это движение окажется губительным прежде всего для Англии и Франции. Французский посол в Варшаве Ноэль писал: «Англия теперь опасается, что Германия наложит руки на украинский хлеб, румынскую нефть, выйдет к Черному морю, продвинется к Кавказу и в короткий срок создаст угрозу английским позициям на Ближнем, а может быть, и Среднем Востоке. Имелось большое опасение, что рейх, если ему никто не будет противостоять, сможет построить могучую хозяйственную империю»².

Немецко-фашистская правящая клика рассматривала договор с Румынией как свою большую победу над Англией и Францией. Германский дипломатический представитель Вольфат после посещения Бухареста 27 марта 1939 г. докладывал Герингу, что договор — это крупный внешнеполитический успех рейха: «Все страны Юго-Восточной Европы должны видеть, кто в действительности господствует в хозяйственных делах на Дунае... Германия с новыми формами

¹ Weltgeschichte der Gegenwart... S. 47.

² Английский посол в Москве писал 21 марта 1939 г.: «Если немецкий нажим на Румынию представляет собой увертку для нападения на Советский Союз, тогда Советский Союз будет, без сомнения, втянут в дело. Но если это будет предисловием к нападению на Англию и Францию, тогда Советский Союз будет стремиться, если бы ему как-нибудь удалось, прежде всего удержаться от вступления в войну» (Weltgeschichte der Gegenwart... S. 51).

договора или Англия и Франция со старыми обещаниями и пропагандой».

Советский Союз, учитывая растущую угрозу странам Восточной и Юго-Восточной Европы со стороны фашистской Германии, предложил немедленно созвать в Бухаресте конференцию заинтересованных государств (Великобритании, Франции, Польши, Турции, Румынии, СССР), чтобы обсудить меры помощи Румынии. Западные державы, опасаясь политической переориентации Польши и Румынии в сторону Советского Союза, не поддерживали советского предложения. Это было только на руку фашистской Германии.

Захват Гитлером Чехословакии вызвал большую тревогу во всех европейских странах, особенно в Польше, над которой нависла непосредственная угроза. В трудах польских историков, особенно в работах Е. Козловского, М. Турлейской, Т. Юрта, Т. Ендрущака, В. Беганьского, Т. Равского и других, дано широкое исследование проблем политики и военной стратегии польского руководства накануне второй мировой войны. Из этих работ, основанных на документах польских архивов, а также из опубликованных материалов в других странах мы узнаем все подробности того пагубного политического маневрирования польского правительства и правительства западноевропейских государств, которое все больше развязывало руки Гитлеру и не позволило преградить путь войне.

Сразу после захвата Чехословакии гитлеровцы резко усилили нажим на Польшу. 21 марта Риббентроп в беседе с Липским решительно потребовал передачи Данцига Германии. Ответ, направленный на следующий день Беком Липскому для передачи нацистскому министру иностранных дел, вновь повторял прежние позиции Варшавы. Кроме того, в ответе говорилось: «После недавних мероприятий Германии против Словакии, а также против Литвы (захват Мемельской области. — *Д. П.*), о которых польское правительство до последнего момента не было уведомлено, хотя эти акты совершались в областях, которые граничат с республикой, общая атмосфера требует выяснения»¹.

В результате захвата войсками фашистской Германии Мемельской области северная германо-польская граница увеличилась на 150 километров. Польское правительство, сильно встревоженное этим обстоятельством, 23 марта приступило к частичной мобилизации 9, 20, 26 и 30-й пехотных дивизий, 1-й кавалерийской бригады, к призыву некоторой части резервистов².

Предложение Советского Союза о конференции переполошило «мюнхенцев». Их пугало, что Польша может склониться к более реальной возможности получения помощи от восточного соседа и тем изменить ориентацию своей политики. Галифакс писал 27 марта послу в Варшаве Кеннарду: «Должно быть ясно, что все

¹ Weißbuch der polnischen Regierung. Basel, 1940, Nr. 62.

² Polskie Siły Zbrojne w drugiej wojnie światowej. Londyn, 1951, т. 1, cz. 1, S. 298—299.

наши попытки консолидировать положение будут уничтожены, если Советское правительство будет открыто участвовать в этом плане»¹.

Правящие круги Англии и Франции, все больше опасаясь контактов Польши и Румынии с Советским Союзом или уступок со стороны поляков и румын нажиму Германии, что оторвало бы Польшу от западных держав, стремились дать обоим странам гарантии. 31 марта Чемберлен объявил в палате общин, что английское правительство берет на себя обязательство «оказать польскому правительству всякую поддержку, какая будет в его силах», если «будут предприняты с чьей-либо стороны действия, угрожающие независимости Польши»². Взяв обязательство, правящие круги Англии и Франции попытались крепче привязать Польшу к своей политике, ликвидировать малейшую возможность поворота польского политического курса на установление контактов с Советским Союзом. «Гарантии» были, по выражению Ллойд Джорджа, безответственной, азартной игрой, ибо не подкреплялись соглашением с СССР³.

Английские «гарантии» Польше, заверительные речи, вызванные боязнью ее поворота в сторону СССР и желанием успокоить общественное мнение в Англии, теперь использовались Гитлером как политический предлог для непосредственной подготовки агрессии.

25 марта Гитлер дал указание Браухичу «подготовить разрешение польского вопроса» в таком плане: «...Польшу необходимо так разбить, чтобы в ближайшие десятилетия не было нужды считаться с ней как с политическим фактором»⁴.

1 апреля 1939 г. Гитлер выступил с речью-ответом Чемберлену. Он недвусмысленно пригрозил расторгнуть англо-германское морское соглашение. А через два дня, 3 апреля, ОКВ получило указания фюрера разработать оперативный план военного разгрома Польши. В этих указаниях говорилось, что «директива о единой подготовке к войне вооруженных сил на 1939/40 г. будет издана заново. Части I («Охрана границ») и III («Данциг») останутся прежними. Часть II (план «Вейс») будет приложена заново». Гитлер потребовал начать и вести подготовку нападения на Польшу таким образом, чтобы вторжение можно было осуществить в любое время с 1 сентября 1939 г.⁵.

Через неделю, 11 апреля, ОКВ издало «Директиву о единой подготовке к войне» с приложением плана «Вейс» — плана военного разгрома Польши.

В это тревожное время польское правительство делает попытки превратить обещания Чемберлена в обязательство Англии. Бек вы-

¹ Documents on British Foreign Policy 1919—1939, pp. 515—516.

² Нюрнбергский процесс... т. II, стр. 336.

³ См. М. Панкратова, В. Сиполс. Указ. соч., стр. 22.

⁴ M. T u r l e j s k a. Rok przed klęską. Warszawa, 1959, S. 216.

⁵ IMT, Bd. XXXIV, S. 380.

летает в Лондон. После переговоров 6 апреля публикуется англо-польское коммюнике, в котором были повторены заверения английского правительства в духе выступления Чемберлена 31 марта. Польша берет обязательство поддержать Англию в случае нападения на нее. Но, опубликовав коммюнике, английские руководители не заключили формального пакта о взаимопомощи. Он был подписан лишь 25 августа, за несколько дней до вторжения Германии в Польшу, когда начинать организацию военной поддержки Польше было уже поздно.

Вскоре последовали новые англо-французские «гарантии». Прежде всего западных партнеров беспокоили румынская нефть и их позиции на Балканах, которые поколебались, особенно после вторжения итальянских войск в Албанию 7 апреля 1939 г. 12 апреля совет министров Франции решил «гарантировать Румынии такую же помощь, как и Польше». На следующий день английское и французское правительства сообщили о своих гарантиях независимости Румынии и Греции. Месяцем позже, 12 мая, была опубликована англо-турецкая декларация о взаимопомощи, а 23 июня — франко-турецкая.

Английские и французские гарантии малым странам преследовали вполне определенные цели. Обе державы стремились оказать нажим на Германию, делали запоздалую попытку создать коалицию, укрепить свои позиции в Юго-Восточной Европе, чтобы восстановить политическое равновесие, обеспечить более выгодные условия для торга с Германией за счет Советского Союза и, возможно, за счет тех же стран, которым давались гарантии. Прав академик И. М. Майский, считающий, что «гарантии», которые правительство Чемберлена стало раздавать странам Восточной Европы, заведомо зная о невозможности их выполнения, были вызваны в значительной мере желанием успокоить до крайности взволнованное общественное мнение Англии. События могли привести к отставке правительства, если бы оно не приняло активных ответных мер на новые агрессивные шаги Германии. «Гарантии» были вызваны и стремлением «утихомирить» внутреннюю оппозицию, «произвести известное психологическое воздействие на Гитлера и Муссолини и задержать осуществление ими новых актов агрессии, невыгодных для Англии»¹.

Нацисты, отчетливо представляя себе смысл англо-французских заверений, использовали их для нового резкого обострения международной обстановки. 27 апреля Германия денонсировала англо-германское морское соглашение 1935 г., а на следующий день — соглашение о ненападении с Польшей. Наряду с этим, как ответ на англо-французские договоры и как новый шаг к укреплению фашистского блока и обострению международной обстановки, Герма-

¹ И. М. Майский. Кто помогал Гитлеру. М., Изд-во ИМО, 1962, стр. 106.

ния и Италия 22 мая 1939 г. подписали так называемый «Стальной пакт»¹.

23 мая Гитлер созвал секретное совещание, которое стало важным этапом непосредственной подготовки германского фашизма к развязыванию мировой войны. На совещании присутствовали все высшие руководители вооруженных сил. В пространной речи Гитлер дал «оценку положения в мире», охарактеризовал политику рейха и поставил задачи вермахту.

Это была фашистская программа разрешения империалистических противоречий в Европе и внутреннего кризиса третьего рейха, опирающаяся на чисто нацистские методы, на фашистскую идеологию и на давнюю программу завоеваний, выработанную нацистами. В основе дальнейшей политики Германии, по словам Гитлера, должно было находиться стремление к захвату «жизненного пространства», что невозможно без вторжения в другие страны, без войны.

«Польская проблема» рассматривалась не как изолированный вопрос искусственно нагнетаемого германо-польского конфликта, а в связи с империалистической борьбой против Англии и Франции². «Проблеме «Польша», — говорил Гитлер, — нельзя отделить от спора с Западом».

Поскольку гитлеровская клика считала войну неизбежной, то ее ход представлялся так. Если конфликт сначала возникнет на Западе, быстрый успех станет проблематичным. Неизвестно, какой будет позиция Польши, если война на Западе окажется затяжной. Польша, по мнению Гитлера, усматривала для себя большую опасность в успешных для Германии военных действиях против Франции и Англии. Поэтому она постарается помешать победе над западными державами. Следовательно, заявлял он, «отпадает вопрос о том, чтобы пощадить Польшу, и остается решение при первой возможности атаковать Польшу. На повторение чешского варианта нельзя рассчитывать. Будет борьба. Задача состоит в том, чтобы изолировать Польшу. Успех изоляции является решающим».

Гитлер стремился не допустить одновременного столкновения Германии с Англией и Францией. «Главное — полемика с Польшей, — говорил он на совещании. — Начиная наступление против Польши, успех будет только в том случае, если Запад остается вне игры. Если это будет невозможно, тогда будет лучше напасть на Запад и одновременно разделаться с Польшей». Конечно, внезапные «молниеносные» удары массами танков и авиации должны были гарантировать успех в любом из направлений.

¹ Пакт включал широкие обязательства обоих фашистских государств. Он, в частности, предусматривал, что если одна из сторон будет втянута в военный конфликт, то другая сторона «немедленно выступит на помощь как союзник, чтобы оказать помощь всеми своими силами — сухопутными, морскими и воздушными».

² Заметим, что после войны многие историки ФРГ описывают германо-польскую войну как изолированный конфликт, не связанный с общим ходом мировой войны.

Итак, на совещании 23 мая 1939 г. фашистская клика подтвердила зловещее решение о развязывании войны в Европе путем нападения на Польшу. Теперь подготовка к войне приняла самые конкретные формы и велась в расчете начать военные действия не позже 1 сентября 1939 г.

Тем временем на Темзе и Сене все больше запутывались в хитросплетениях своей собственной политики. Ответственные руководители в Лондоне и Париже настойчиво искали соглашения с Германией против СССР и за счет Польши. Одновременно они стремились крепче привязать к себе страны Восточной Европы, включая ту же Польшу, чтобы не допустить их контакта с Советским Союзом. Но вместе с тем уже в начале апреля они стали зондировать почву для соглашения с СССР, стремясь оказать на Германию политическое давление и успокоить общественное мнение в своих странах. Они брали многочисленные обязательства без реальных возможностей их выполнения, вели переговоры, носившие демонстративный характер, везде раскидывали сети, в которые теперь никто не попадался.

Одним из таких обязательств, сыгравшим роковую роль для Польши, было обязательство Франции, взятое в мае 1939 г. Оно предусматривало, что в случае нападения Германии на Польшу Франция «предпримет наступление против Германии главными силами своей армии на пятнадцатый день мобилизации».

Двумя днями раньше в Париже был подписан секретный протокол, в котором Франция обещала Польше военную помощь в случае угрозы Данцигу со стороны Германии¹.

Одновременно Англия и Франция начали переговоры с Советским Союзом.

Еще 14 апреля британское правительство предложило СССР дать Польше и Румынии односторонние гарантии. В ответ Советское правительство, желая решительно поставить барьер на пути распространения фашистской агрессии, 17 апреля выдвинуло предложение о заключении между СССР, Англией и Францией тройственного пакта взаимопомощи и в подкрепление этого пакта соответствующей военной конвенции². События, происшедшие в конце апреля (аннулирование Германией морского соглашения с Англией и договора о ненападении с Польшей), показывали, насколько важно и крайне необходимо было заключение такого пакта.

Английское и французское правительства шли на переговоры с Советским Союзом, как и прежде, лишь под влиянием общественного мнения своих стран, растущей тревоги перед новыми актами гитлеровской агрессии и в целях зондажа. Одновременно правящие круги Англии стремились таким путем оказать косвенное давление на Германию, с которой они вступили в секретные переговоры.

С самого начала англо-франко-советских переговоров стало ясно, что западные державы на деле не хотят заключить с Советским

¹ J. Beck Dernier Rapport Paris (без даты), pp. 345—346.

² См. М. Панкратова, В. Сиполс. Указ. соч., стр. 30—31.

Союзом соглашения о создании системы коллективной безопасности, о совместной борьбе против агрессии. Английское правительство отклонило советское предложение о созыве совещания стран, заинтересованных в отпоре гитлеровским притязаниям в Юго-Восточной Европе, и выдвинуло предложение подписать декларацию о координации действий Англии, Франции, СССР и Польши на случай угрозы независимости любому европейскому государству. Но когда Советское правительство выразило готовность подписать такую декларацию, английское правительство заняло отрицательную позицию и отказалось от этого предложения.

Предложение французского правительства Советскому Союзу подписать двустороннюю декларацию, которая предусматривала бы оказание помощи Советским Союзом Польше и Румынии, но из которой не следовало, что эти страны должны будут помочь СССР при нападении на него Германии, разумеется, не удовлетворяло Советский Союз, ибо ставило его в неравноправное положение.

Англия и Франция отказались предоставить гарантии прибалтийским странам, которые могли быть захвачены фашистами и стать плацдармом для антисоветской агрессии. В дополнение к демаршу Парижа английское правительство предложило Советскому Союзу сделать одностороннее заявление о принятии на себя обязательства помощи любому европейскому соседу, если он подвергнется агрессии. Тем самым в случае нападения Германии на соседние страны СССР втягивался в войну с Германией один на один.

Ответ на советское предложение от 17 апреля Англия и Франция дали только 8 мая. Отклоняя его по существу, Англия вновь предлагала Советскому Союзу взять на себя односторонние обязательства помощи западным державам в случае вовлечения их в войну.

Такая позиция не создавала основы для конструктивного соглашения о системе коллективной безопасности. Переговоры продолжались два месяца, но безрезультатно из-за упорного саботирования западными державами советских предложений. Англо-французская дипломатия, представленная в Москве второстепенными лицами, не имевшими полномочий на подписание договора, каждый вариант предложений о соглашении бесконечно оговаривала, сводя на нет существо вопроса.

Английские и французские представители уклонялись от конкретных обязательств, занимали сугубо негативную позицию относительно гарантий прибалтийским странам, горячо спорили по второстепенному вопросу: называть или нет в пакте страны, которым давались гарантии. Соглашаясь предоставить их Прибалтийским государствам в случае прямой агрессии, они отказывались от совместных гарантий при косвенной агрессии, которая больше всего угрожала этим странам со стороны гитлеровской Германии.

Ход московских переговоров убеждал, что Англия и Франция не желают договора о взаимопомощи с Советским Союзом и тройственного соглашения. Правящие круги этих стран сорвали пере-

говсры, завели их в тупик. Главная причина такой позиции правящих кругов западных держав заключалась в опасениях США, Англии и Франции, что англо-франко-советская коалиция может преградить путь гитлеровской агрессии против СССР, о которой империалисты Запада не переставали думать.

В то же самое время, когда второстепенные чиновники британского министерства иностранных дел вели переговоры в Москве, английское правительство через своих высших официальных лиц, включая министра иностранных дел, вступило в секретные переговоры с гитлеровской Германией. О цели этих переговоров ясно говорил 21 июля английский министр по делам внешней торговли Хадсон приехавшему из Германии Вольтату, заявляя, что в мире существуют большие области, «в которых Германия и Англия могли бы найти широкие возможности приложения своих сил». Такими «областями» помимо британской империи, где Англия хотела, естественно, хозяйничать одна, считались Китай и Россия. В ходе беседы, как записал германский посол в Лондоне Дирксен, «Хадсон высказался затем подробнее о разграничении сфер английских и германских интересов»¹. Затем Хадсон предложил разработанную с одобрения Чемберлена программу политического, военного и экономического сотрудничества Англии и третьего рейха, предусматривающую заключение пакта о ненападении, а также пакта о невмешательстве, «который должен включать разграничение расширенных пространств между великими державами, особенно между Англией и Германией»².

Конечно, целью англичан, как свидетельствует запись Дирксена, являлась «широчайшая англо-германская договоренность по всем важным вопросам, как это первоначально предусматривал фюрер», причем, согласно разъяснению принявшего участие в переговорах ближайшего советника Чемберлена Вильсона, «заключение пакта о ненападении дало бы Англии возможность освободиться от обязательств в отношении Польши»³.

Заключение такого пакта означало бы полный отказ Англии от всех гарантий, данных странам Восточной Европы. Кроме того, предлагались переговоры о развитии внешней торговли, «об экономических интересах Германии на Юго-Востоке», о сырье и ряд других. Что понимала Англия под «экономическими интересами на Юго-Востоке», достаточно полно разъяснил Дирксену в неофициальной беседе 29 июля один из лидеров лейбористской партии Чарлз Бакстон: «Великобритания обещает полностью уважать германские сферы интересов в Восточной и Юго-Восточной Европе. Следствием этого было бы то, что Великобритания отказалась бы от гарантий, предоставленных ею некоторым государствам в германской сфере интересов. Далее, Великобритания обещает действовать

¹ Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. II, стр. 71.

² Там же, стр. 72—73.

³ Там же, стр. 75.

в том направлении, чтобы Франция расторгла союз с Советским Союзом и отказалась бы от всех своих связей в Юго-Восточной Европе... Великобритания обещает прекратить ведущиеся в настоящее время переговоры о заключении пакта с Советским Союзом».

В аналогичном плане 9 августа вел беседу с Дирксеном британский министр иностранных дел Галифакс.

Следовательно, ведя политические переговоры с Советским Союзом, английское правительство одновременно по своей инициативе вступило в контакт с гитлеровской Германией и добивалось соглашения с ней прежде всего за счет Советского Союза. Это и определило неуспех и срыв англо-франко-советских политических и начавшихся 12 августа 1939 г. военных переговоров¹. Ход последних убедительно показал, что Англия и Франция не желают серьезного военного сотрудничества с Советским Союзом. По их вине переговоры были сорваны и прекращены 21 августа. Политика английских и французских правящих кругов, поддерживаемых империалистами США, летом 1939 г. была еще одним звеном их старого политического курса, направленного на изоляцию СССР, создание антисоветской империалистической коалиции и разгром Советского Союза руками гитлеровской Германии.

Вместе с тем пагубную, самоубийственную позицию заняли руководители Польши. В сложившейся ситуации они стояли перед выбором: или принять растущие требования Гитлера и тем превратить страну в вассала третьего рейха, или подготовиться к отпору агрессии в рамках блока антигитлеровских государств, прежде всего в союзе с СССР. Польское правительство лавировало, проявляя решительность лишь в одном аспекте: полном отказе от какого-либо сотрудничества с Советским Союзом.

Внутренняя ситуация не позволяла ему принять германские требования: польский народ единодушно стоял за независимость страны, за ее равноправие с любой другой страной, за отпор агрессии, если она последует. Поскольку равноправные отношения с третьим рейхом исключались, речь могла идти лишь о сопротивлении фашистской Германии совместно с другими странами. Но союз с наиболее последовательным борцом против фашизма — Советским Союзом польская реакция исключала, гарантии же Запада носили мифический характер. Поэтому Польша в конечном итоге ставила себя в положение политической и военной изоляции, предопределяя тем самым военное поражение в случае нацистской агрессии².

В сложной обстановке предвоенного политического кризиса Советский Союз отстаивал единственный способ предотвращения ката-

¹ Документы и материалы военных переговоров в Москве в августе 1939 г. впервые были опубликованы в журнале «Международная жизнь» № 2, 3 за 1959 г. Оценка переговоров приводится в «Истории международных отношений и внешней политики СССР» (т. I, стр. 586—592), в работе М. Панкрасовой, В. Сиполса «Почему не удалось предотвратить войну» и в других работах.

² M. Turlejska. Op. cit. S. 194—239.

строфы: создать на пути агрессии германского фашизма, уже поглотившего Австрию, Чехословакию, Клайпедскую область и угрожавшего Польше, непреодолимый вал системы коллективной безопасности.

Коммунистическая партия и Советское правительство видели и в полной мере оценивали военную угрозу. Пакт о взаимопомощи и военный договор, предложенный Советским Союзом Англии и Франции, мог закрыть дорогу войне. Но руководители западных держав, отвергая миролюбивую политику СССР, неуклонно следовали курсу международной изоляции социалистического государства, вели секретные переговоры с Гитлером и одновременно провоцировали нападение Германии на Советский Союз.

Срыв английскими и французскими «мюнхенцами» московских переговоров поставил Советский Союз перед альтернативой: или оказаться в изоляции перед угрозой неизбежного нападения фашистского рейха, динамизм агрессии которого еще не знал преград, или, исчерпав все возможности для заключения союза с Англией и Францией, подписать предложенный Германией договор о ненападении, отодвинуть от себя угрозу войны, выиграть время, чтобы лучше подготовиться к отпору агрессору. Обстановка сделала неизбежным второй выбор, и 23 августа договор был подписан.

Вопреки расчетам западных политиков, мировая война началась вскоре внутри капиталистического мира.

Провал правящими кругами западных держав англо-франко-советских переговоров о заключении пакта, который мог предотвратить мировой военный конфликт, имел решающее значение для дальнейшего развития событий: он создал обстановку, позволившую Гитлеру развязать вторую мировую войну.

Таков общий ход международного политического кризиса 1939 г. (до середины августа), когда его обострение достигло крайней степени.

III

Одновременно и синхронно с развитием политических событий действовала военная верхушка третьего рейха.

Общие стратегические соображения немецко-фашистского политического и военного руководства по планированию войны в Европе складывались задолго до 1939 г. Они развивались особенно интенсивно после совещания 5 ноября 1937 г. и стали принимать наиболее конкретные формы перед войной.

Главный вопрос, который германские стратеги пытались решить в последние месяцы перед войной, заключался в том, чтобы определить возможные контрдействия Англии и Франции при нападении Германии на Польшу. Удастся ли «решить польскую проблему» без вмешательства Запада или будет война? В Берлине понимали, что теперь, нельзя рассчитывать на австрийский или чехословацкий варианты. Но все же колебались: а вдруг получится новый Мюнхен?! Гитлер сначала надеялся на лучшее: если атаковать Польшу

внезапно, решительно и добиться ее молниеносного разгрома, то можно поставить Англию и Францию перед свершившимся фактом прежде, чем они будут готовы к выступлению, а затем политическими средствами «урегулировать» вопрос.

Но факты заставляли думать и о другом. «Гарантии», которые Англия и Франция стали раздавать в мае 1939 г. странам Юго-Восточной Европы, и англо-польское коммюнике сначала были восприняты Берлином всерьез. 23 мая 1939 г. Гитлер констатировал вероятность войны с Англией и Францией. Обе державы при вторжении рейха в Польшу, как он теперь заключал, вероятнее всего, выступят на помощь полякам. Главной целью политики поэтому явится по возможности изолировать Польшу, чтобы избежать войны на два фронта. Итальянский министр иностранных дел Чиано соглашался, что конфликт с Польшей «вырастет во всеобщую европейскую войну». Однако тревоги были не очень долгими. Когда в двадцатых числах августа Париж и Лондон активизировали свои попытки сделки с Гитлером и вновь стали настойчиво искать соглашения с ним («во имя мира»), в Берлине возобладало мнение, что удастся избежать войны на Западе. Выступая перед командующими на совещании в Оберзальцберге 22 августа 1939 г., Гитлер уверенно говорил о невмешательстве Англии и Франции. В его выступлении сквозили растущая надежда на продолжение правящими кругами обеих держав мюнхенского политического курса и вместе с тем — недооценка потенциальных военных возможностей Англии и Франции. «В Англии нет настоящего вооружения. Только пропаганда», — заявил Гитлер. «Это говорит о том, — делал он вывод, — что Англия не хочет действительно помогать Польше... Англия не в состоянии ничем помочь Польше. Военное выступление исключено. С длительной войной никто не считается»¹. Аналогичные оценки давались и политике Франции.

На основании этих оценок фашистские заправилы приходили к заключению о необходимости немедленных действий против Польши независимо от позиции западных держав. Гитлер говорил: «В настоящее время еще возможно, что Запад не будет вмешиваться. Мы должны пойти на риск с непоколебимой решимостью»². И далее: «Мы будем удерживать Запад пока не завоеваем Польшу... Уничтожение Польши на первом плане... Даже если на Западе начнется война, уничтожение Польши — на первом плане»³.

Германская военная разведка, на основе многочисленных данных, приходила к выводу: «Можно предполагать, что западные государства рассчитывают на затяжную войну с державами «оси». Они надеются при этом на возрастающее влияние их политических, военных и экономических средств, которые смогут обеспечить им военную победу. Поэтому имеется вероятность, что они сначала откажутся от попытки добиться военного решения посредством на-

¹ Weltgeschichte der Gegenwart ... Bd. III, S. 195—196.

² Нюрнбергский процесс... т. I, стр. 630.

³ Weltgeschichte der Gegenwart ... Bd. III, S. 197—198.

ступления на суше... Франция будет стремиться сохранить свободу действий и не станет активно втягиваться в войну»¹. Такая оценка возможных действий Франции и была положена в основу стратегического планирования.

Непосредственно перед войной Гитлер в беседе с Чиано выразил уверенность в быстром разгроме Польши — за несколько недель, после чего армии будут повернуты на запад. «Что касается общего положения Франции, — говорится в записи этой беседы, — то фюрер заявил: в случае всеобщей войны после уничтожения Польши, что не займет много времени, Германия сможет сосредоточить сотни дивизий вдоль западного вала, и Франция будет вынуждена сконцентрировать все колониальные войска, а также войска, снятые с итальянской границы, для защиты линии Мажино, где будет вестись стремительная борьба... Поскольку Польша всем своим поведением показала, что при любом конфликте она будет на стороне врагов Германии и Италии, то быстрая ликвидация ее очень желательна ввиду неизбежного конфликта с западными державами»².

Распределение военных сил для решения стратегических задач на Восточном и Западном театрах целиком подчинялось этой стратегии. Всего на Востоке и Западе предполагалось развернуть сухопутные силы в составе 107 дивизий (из них к 1 сентября 1939 г. было развернуто 103, в том числе на Западе — 23)³. Против Польши — 57 соединений, в их числе 15 танковых и моторизованных дивизий, 2000 самолетов, на Западе — при полном развертывании — 33 дивизии, 1500 самолетов. В резерве — 17 дивизий.

В случае активного выступления Англии и Франции сразу после начала вторжения германских войск в Польшу предусматривалась переброска с Востока на Запад прежде всего авиации. Об этом говорили указания Геринга командующим воздушными флотами: «Мероприятия в случае войны на Западе... б) Если при возникновении войны на Западе не потребуются прекратить операцию «Вейс» (войну против Польши. — *Д. П.*), то предназначенная для этого авиация будет держаться наготове для переброски на Запад». Речь шла о немедленной переброске из Польши на Запад главных сил 4-го воздушного флота (всего до 550 самолетов, снимаемых с направления главного удара немецко-фашистской армии).

Очевидно, если бы Англия и Франция выполнили свои обязательства о военной помощи Польше, то ее положение в сентябре 1939 г. могло стать менее катастрофическим: 25 процентов авиации из немецкой группировки, наносившей главный удар, оказались бы на Западе.

Установка на агрессию, отданная Гитлером 5 ноября 1937 г., послужила отправным пунктом для начала мобилизации вооруженных сил. Процесс мобилизации вермахта перед второй мировой

¹ U. L i s s . Westfront, 1939/1940. Neckargemünd, 1959, S. 73.

² Нюрнбергский процесс... т. II, стр. 344—345.

³ По данным: N. V o r m a n n . Der Feldzug 1939 in Polen. Weissenburg, 1958, S. 66—68.

войной может быть правильно понят лишь в том случае, если его рассматривать не как быстрый акт во второй половине августа 1939 г., когда была официально объявлена мобилизация, а в тесной связи с мероприятиями 1938 г., первой половины и середины 1939 г. Заметим, что все буржуазные авторы, например Б. Мюллер-Гиллебрандт, утверждают, что в Германии мобилизация началась лишь за шесть суток до вторжения в Польшу, а предмобилизационные мероприятия — только немного раньше. Видимо, они хотят снять ответственность с милитаристов за мобилизационную подготовку к агрессии заблаговременно, в течение длительного срока, когда в Европе господствовали в общем и целом мирные отношения.

Процесс мобилизации немецко-фашистской армии имел несколько этапов: первый был связан с событиями 1938 г., второй охватывает весну и лето 1939 г., третий включал завершение мобилизации непосредственно перед войной (двадцатые числа августа 1939 г.).

В 1938 г., в связи с аншлюсом Австрии и оккупацией Судет, был сформирован ряд новых соединений, часть которых комплектовалась по штатам военного времени и оставалась в этих штатах до войны. Другая часть имела организацию весьма близкую к военной, позволявшую осуществить отмобилизование в кратчайший срок. Некоторые соединения германской армии, доукомплектованные в 1938 г. до штатов военного времени, не переводились, вплоть до войны, в прежние сокращенные штаты.

Весной и осенью 1938 г., в связи с мобилизацией части вооруженных сил для аншлюса, по штатам военного времени были созданы три управления «подвижных корпусов». Весной и летом 1938 г., после аншлюса, когда в состав вермахта были включены австрийские войска и осуществлялось дальнейшее развертывание сухопутных сил для войны, формируются еще три корпуса. К 10 ноября 1938 г. завершилось создание по штатам военного времени новых пяти дивизий.

Одновременно с созданием новых соединений, организация которых соответствовала нормам военного времени или весьма приближалась к ним, шел важный для подготовки армии к войне процесс скрытого отмобилизования кадровых частей. В апреле 1938 г. таким путем были приведены в готовность 4 кадровые дивизии. Пограничные пехотные полки получили 11 вновь сформированных батальонов. Осенью 1938 г. заново создаются 24 пехотных батальона, которые были использованы для доукомплектования ряда имевшихся пехотных полков двухбатальонного состава. Следовательно, эти пехотные полки, главным образом из тех, которые оккупировали Судеты, получили третьи батальоны; иными словами, части уже в мирное время скрытно доводились до состояния военного времени¹.

¹ В результате проведенных мероприятий в конце 1938 г. пехота имела 89 полков трехбатальонного состава и только 34 полка — двухбатальонного. Всего имелось 347 батальонов.

Не менее убедительным примером заблаговременной скрытой отмобилизации сухопутной армии в мирное время для последующего быстрого развертывания новых соединений была подготовка в 1938 г. так называемых учебных батальонов, представлявших собой хорошо подготовленные подразделения. До 1938 г. в германской армии их насчитывалось 55. В течение 1938 г. были сформированы 74 новых батальона, и в результате к концу года общее их количество достигло 129¹. Эти батальоны в 1938 г. использовались для скрытого отмобилизования 98 пехотных полков в 15 военных округах. Создание затем на их основе новых дивизий требовало лишь минимальных усилий и времени. Когда перед войной началась открытая мобилизация, из этих полков за кратчайший срок удалось развернуть 14 новых дивизий².

В апреле 1938 г. австрийская армия дала вермахту 11 новых артиллерийских полков. До 1938 г. немецкая артиллерия имела 19 учебных батарей. Теперь их стало 129 (85 — легких, 44 — тяжелых). Их распределили по округам, как и учебные батальоны. При общей мобилизации развернулось 14 новых артиллерийских полков.

Так действовало гитлеровское командование, чтобы заранее и постепенно привести армию в готовность. Скрытая мобилизация фактически началась более чем за год до войны и задолго до того времени, которое принято некоторыми буржуазными исследователями за срок начала германской мобилизации (август 1939 г.).

В марте 1939 г. в связи с оккупацией Чехословакии мобилизация не проводилась. Однако ряд соединений «первой волны» приводится в состоянии «готовности к использованию в кратчайший срок» без призыва резервистов, что равнялось почти полной готовности этих соединений. Ведь их организация приближалась к военному времени.

После того как в апреле 1939 г. Гитлер решил напасть на Польшу, мобилизационные приготовления ускорились. В мае 1939 г. часть армии (11 корпусов, 24 дивизии) была переведена в состояние «специальной боеготовности». В июле 1939 г. началась мобилизация в Восточной Пруссии; одновременно доводились до штатов военного времени 6 дивизий³.

В начале августа 1939 г. под видом подготовки к осенним маневрам ОКХ провело частичное развертывание пехотных дивизий «второй и третьей волн». В период между 18 и 24 августа было отдано несколько приказов о готовности к мобилизации тех соединений, которые развертывались заново, о приведении в готовность пограничной охраны, подготовке железных дорог к большим военным перевозкам и др. К 25 августа — дню начала общей скрытой мобилизации («Fallx») — армия фактически находилась в состоянии почти полной боеготовности.

Система мобилизации сама по себе позволяла закончить весь

¹ Tessin. Op. cit. S. 35.

² Ibidem, S. 36.

³ PSZ, t. 1, cz. 1, S. 443.

процесс в минимальные сроки, чему немало способствовала и продуманная система районов отмобилизования: они располагались в корпусных округах таким образом, чтобы сократить до минимума объем перевозок. Запасы материальных средств находились в складах, расположенных вблизи пунктов формирования. Дальность перевозок призывников во всех случаях не превышала 30—40 километров, а большинство пополнения проживало в том городе, где дислоцировался полк.

Подобная ярко выраженная территориальная система комплектования позволяла резко сократить сроки мобилизации и объем перевозок.

Итак, широкие тайные приготовления в 1938 г. и в первой половине 1939 г. представляли собой не частные, изолированные действия германского военного руководства, предназначенные только для данной локальной задачи, а растянутый во времени единый процесс постепенного скрытого развертывания вооруженных сил для «большой войны».

Мобилизация немецко-фашистского вермахта практически была начата не 25 августа 1939 г., когда о ней последовало официальное объявление и как порой пишут об этом буржуазные историки, а за полтора года до войны.

Постепенное наращивание предмобилизационных и мобилизационных мероприятий, содержание значительной части армии и авиации в штатах военного времени позволили привести вооруженные силы к 25 августа в такое состояние, при котором завершающий акт мобилизации до предела облегчался: он включал несравненно меньшую часть дел, чем та, которая была осуществлена раньше.

IV

Конфликтная ситуация, приведшая непосредственно к войне, возникла в двадцатых числах августа.

Главная тенденция англо-французских политических маневров состояла теперь в попытках сохранить позиции в Восточной Европе по возможности без войны; создать видимость твердости своей политики в польском вопросе и в отношении «гарантируемых» стран Юго-Восточной Европы; всемерно оттянуть начало военного конфликта, а если это не удастся — по возможности пойти на новый Мюнхен за счет Польши; в случае если война окажется неизбежной — выиграть время за счет поляков и усилиться в военном и политическом отношении. Срыв Англией и Францией переговоров с Советским Союзом о создании системы коллективной безопасности открыл Гитлеру путь к войне.

Гитлеровская политика в условиях конфликтной ситуации сводилась к полной изоляции Польши в политическом и военном отношении, к стремлению, учитывая мюнхенские тенденции англо-французского курса, политическими средствами удержать Англию и

Францию от активного вступления в войну; не допустить одновременного столкновения на двух фронтах.

Советский Союз, поставленный перед необходимостью заключения договора с Германией, ликвидировал непосредственную угрозу создания единого антисоветского империалистического блока и сорвал расчеты «мюнхенцев» на войну Гитлера против СССР в ближайшее время.

22 августа 1939 г. Гитлер во время совещания с высшим генералитетом дал прямую установку на вторжение в Польшу.

В тот же день в Лондоне собрался на заседание британский кабинет. Итоговое коммюнике, поразительное по своей отрешенности от реального положения в Европе, гласило: «Правительство теперь, как и прежде, придерживается мнения, что в возникшем между Германией и Польшей споре нет ничего, что могло бы оправдать применение силы и вовлечение в европейскую войну со всеми ее трагическими последствиями»¹. По мнению английского кабинета, говорилось далее в коммюнике, «в Европе нет ни одного вопроса, который не мог быть решен мирными средствами». Вслед за этим британские политики сделали новую попытку заключить сделку с Гитлером за счет Советского Союза. 23 августа английский посол в Берлине Гендерсон вылетел в Берхтесгаден с личным письмом Чемберлена: премьер-министр старался убедить Гитлера в «твердости» позиции Англии насчет польского вопроса и вместе с тем в желании сотрудничать с Германией². Вручая письмо премьер-министра, Гендерсон заявил, что английское правительство «ошеломлено сведениями о германо-советском пакте». В дальнейшем следовало откровенное изложение главной цели британской политики: «В Англии считают, что для блага Европы требуется германо-английское сотрудничество». Оно должно проводиться за счет Советского Союза. Гендерсон объявил, что «он лично никогда не верил в англо-франко-русский пакт». По его мнению, «Россия путем проволок хочет избавиться от Чемберлена и после этого получить выгоду от войны»³.

Письмо Чемберлена и две беседы с Гендерсоном послужили для Гитлера очень важной разведкой позиции Англии непосредственно перед войной. Он не мог не понять желания английских политиков за показной твердостью пойти на сделку с третьим рейхом.

¹ Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Berlin, 1939, S. 288.

² В письме говорилось далее: «Какой бы характер ни имело германо-советское соглашение, оно не повлияет на обязательства Великобритании в отношении Польши... В случае необходимости правительство его величества решило и готово немедленно ввести все находящиеся в его распоряжении силы, и невозможно предвидеть конец однажды начавшихся военных действий». Вслед за этим следовали призывы к переговорам, которые могли бы решить «затрагиваемые проблемы» в интересах как Англии, так и Германии. Documents on British Foreign Policy. Third series. Vol. VIII. London, 1954, pp. 170—172.

³ Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten. Bd. III, S. 230—234. Гитлер сразу понял цель приезда Гендерсона и в свою очередь постарался убедить его в твердости своих намерений относительно Польши.

Тем временем во Франции также уточнялась политическая линия в условиях конфликтной ситуации. Особое значение имело заседание Национального совета обороны, открывшееся 23 августа 1939 г. Во вступительной речи министр иностранных дел Боннэ после краткого обзора международной обстановки пришел к выводу, что «нависла угроза всеобщей войны из-за Данцига и коридора». Далее он продолжал: «Какова должна быть наша позиция? Должны ли мы только слепо придерживаться нашего союза с Польшей? Не было бы лучше, напротив, толкнуть Варшаву к компромиссу? Мы сможем тогда выиграть время, чтобы усовершенствовать наше вооружение, увеличить наши военные силы, улучшить нашу дипломатическую ситуацию. Тогда мы сумели бы оказать Германии действительное сопротивление, если она повернет против Франции, чтобы на нее напасть»¹.

Эта мысль Боннэ раскрывает политику французских правящих кругов непосредственно перед началом второй мировой войны и в ее ходе вплоть до весны 1940 г., т. е. до вторжения Германии во Францию. «Компромисс», о котором идет речь, — это второй Мюнхен, теперь за счет Польши. О нем стали думать некоторые французские политики, как только нависла реальная угроза и создалось положение, при котором Франция должна была выполнить взятые перед Польшей обязательства («миссия Касшицкого»).

Однако имелся один сдерживающий момент: «Но компромисс имеет опасность, — говорил Боннэ, — ослабить франко-польский союз. А этот союз всегда рассматривался главнейшим для обороны самой Франции»². «Мюнхенцы» рассчитывали, что, быть может, удастся путем компромисса удержать Польшу в своей колеснице, использовать ее как силу, способную в случае нападения Германии на Францию оттянуть хотя бы часть немецких войск на Восток.

На заседании Национального совета обороны премьер-министр Даладье поставил перед собравшимися три вопроса: «1) Может ли Франция смотреть, не реагируя, на исчезновение с карты Европы Польши и Румынии или одной из этих двух держав? 2) Какие средства имеет Франция, чтобы противиться этому? 3) Какие необходимо провести конкретные мероприятия?»³

По первому вопросу мнение Боннэ сводилось к необходимости воздержаться от выполнения обязательств Польше⁴.

¹ G. Bonnet. Op. cit. S. 303.

² Ibidem, S. 203.

³ Ibidem, S. 305.

⁴ «Лучше ли ввиду такого положения, — говорил Боннэ, — оставаться верным своим обязательствам и вступить непосредственно в войну или следует снова пересмотреть нашу позицию и извлечь пользу из имеющегося срока, который мы используем, чтобы повысить нашу военную мощь, так как, само собой разумеется, Франция стоит перед опасностью подвергнуться нападению в срок, вероятно не больший чем несколько месяцев». (Ibidem) Боннэ как на совещании, так и после него рьяно отстаивал мнение, что в войну вступать не следует.

Несколько иным оказалось мнение военных. Главнокомандующий генерал Гамелен, которого спросили, сколько времени могут оказывать сопротивление Польша и Румыния, ответил, что он «верит в честное сопротивление Польши, это сопротивление воспрепятствует, вероятно, тому, чтобы масса немецких вооруженных сил повернулась против нас до наступления следующей весны. К этому времени Англия будет уже нас поддерживать». Военные вместо обещанной помощи полякам сами ожидали польской помощи Франции. В итоге обмена мнениями было решено, что выжидание усилит не только Францию, но и Германию, которая к тому же, возможно, приобретет дополнительно ресурсы Польши и Румынии. Поэтому обстоятельства все же вынудят Францию объявить войну Германии, если она нападет на Польшу.

Обсуждение второго вопроса, поставленного Даладье, показало, что французские руководители накануне войны заблуждались в истинном состоянии вооруженных сил своей страны, смотрели на военные проблемы чересчур оптимистически. Особенно это касалось оценок авиации, оказавшейся впоследствии чрезвычайно слабым звеном вооруженных сил¹.

Наиболее характерным было заявление генерала Гамелена и адмирала Дарлана: «Сухопутная армия и флот подготовлены. К началу конфликта они мало что смогут сделать против Германии, однако были бы в состоянии нанести сильный удар по Италии, если эта держава вступит в войну. Кроме того, французская мобилизация сама по себе может принести существенное облегчение полякам, так как она свяжет на наших границах значительное количество крупных немецких соединений»². Даладье напомнил о мощных французских укреплениях, «которые гарантируют оборону границ». В итоге все пришли к выводу, что «при нынешней ситуации мы в состоянии обеспечить нашу безопасность в такой степени, какая возможна благодаря нашим укреплениям»³.

Как видим, вопрос о состоянии вооруженных сил рассматривался не в плане выполнения союзнических обязательств перед Польшей («на 15-е сутки после начала мобилизации перейти в наступление главными силами», как говорилось в договоре Франции и Польши от 19 мая 1939 г.), а в плане ведения пассивной обороны за укреплениями, выжидания, использования в своих интересах польского сопротивления Германии. Единственную помощь полякам должен был оказать сам акт мобилизации французской армии,

¹ Министр авиации Гиля-Шамбр заявил на заседании, что военно-воздушные силы развиваются по сравнению с сентябрем 1938 г. «в очень больших масштабах». Что касается истребителей, то, по его словам, «мы сейчас располагаем современными машинами, которые серийно выпускают наши заводы, и франко-английские средства отлично удерживают равновесие с германо-итальянскими средствами». Такая оценка не вполне отвечала действительности.

² G. Bonnet. Op. cit., p. 303.

³ Ibidem.

которая проводилась, естественно, во имя французских интересов, а не польских.

Гамелен и Дарлан 23 августа объявили о готовности армии и флота к войне. Но через десять дней они сообщат полякам, что ни армия, ни флот не готовы.

По третьему вопросу на совещании было решено «прогрессивно продолжать развертывание оборонительных сил таким образом, чтобы сосредоточение в случае начала военных действий было бы выдвинуто как можно более вперед. Это заставляет нас последовательно отдавать распоряжения на расстановку сил прикрытия по их местам и на общую мобилизацию»¹.

Выработанные на совещании принципы дальнейшего военно-политического курса Франции определяли французскую и в целом союзническую политику и стратегию на решающем, последнем этапе кануна войны, а затем в ее начале и в течение периода, названного впоследствии «странной войной». Этот курс определялся решением, в случае нападения Германии на Польшу, формально вступить в войну, но фактически не воевать, а обороняться на пограничных укреплениях.

Надежды на польское сопротивление до весны 1940 г. побуждали использовать этот срок для дальнейшего укрепления обороноспособности Франции. А затем не исключалось, что столкновение Германии и СССР после ликвидации Польши могло бы направить ход истории в нужном французской реакции направлении.

Вместе с тем в Париже не теряли надежд на мирный сговор с Германией за счет Польши — на «новое издание» Мюнхена. Однако имела опасность, что, зайдя слишком далеко в уступках Германии, можно потерять за короткий срок не только Данциг и Польский коридор, но и всю Польшу. А это нанесло бы удар европейским позициям обеих западных держав. Курс Мюнхена мог проводиться на этот раз первоначально в рамках сравнительно ограниченных уступок. Но при определенных условиях не исключались и далеко идущие компромиссы за счет Польши в надежде развязывания в конечном счете германо-советского конфликта.

В этом же направлении продолжали действовать и в Лондоне.

24 августа выступили с речами в нижней и верхней палатах Чемберлен и Галифакс. Выразив еще раз недовольство германо-советским договором, они вновь сделали недвусмысленные предложения о соглашении с Германией. Чемберлен говорил о создании «международного порядка, который покоился бы на взаимном понимании» с Гитлером, о создании «ситуации доверия», о «надеждах на конструктивную деятельность по строительству мира». В полном противоречии с подтвержденными в том же выступлении гарантиями Польше звучало провозглашение английским премьер-министром «первой основы» британской внешней политики: «решимости сопро-

¹ G. Bonnet. Op. cit., p. 307.

тивляться методам силы»¹. «Мы не думаем, — говорил в это же время в верхней палате министр иностранных дел Галифакс, — требовать от Германии, чтобы она жертвовала национальными интересами». Затем следовал призыв к переговорам «по всем проблемам», которые «внушают страх миру». Итак, захват польских территорий уже признавался «национальным интересом» гитлеровского рейха!

Оба эти выступления дали Берлину новые основания считать английскую политику продолжением мюнхенского курса. Они еще больше побудили Гитлера к решительным действиям.

Вместе с тем Берлин продолжал усилия по изоляции Польши от ее западных партнеров.

Во второй половине дня 24 августа Геринг в беседе с польским послом Липским заявил, что «решающее препятствие для дружественных отношений между рейхом и Польшей — не данцигский вопрос, а союз Польши с Англией». Заявление Геринга польский министр иностранных дел Бек признал чрезвычайно важным и немедленно сообщил о нем премьеру Рыдз-Смиглы, президенту Мосцицкому и английскому послу в Варшаве Кеннарду, который сразу же телеграфировал о нем в Лондон².

Гитлер, получив утром 25 августа сведения о содержании выступлений Чемберлена и Галифакса, понял, что имеет дело с намеками на новый вариант сговора за счет Польши. Он увидел — а это было для него особенно важно, — что Англия не вступит из-за Польши в войну. Теперь оставалось лишь убедить английских и французских «мюнхенцев» в «правильности» их «мирной политики». Он пообещает им столь желанный мир с третьим рейхом, но ценой разгрома и оккупации Польши, и сразу же отдаст приказ на вторжение.

Все это произошло в период от полудня до вечера 25 августа.

После ознакомления с лондонскими речами Гитлер вызвал в 13.00 25 августа английского посла Гендерсона и, поддерживая тон лондонских «умиротворителей», заявил, что «**после решения польской проблемы**» (подчеркнуто нами. — Д. П.) он «готов обратиться к Англии с большими, всеохватывающими предложениями сотрудничества и мира между Англией и Германией» (так называемые «большие предложения» Гитлера). Он намекнул, что после разрешения польских дел, если ему в этом не помешают Англия и Франция, он больше не будет «интересоваться западными проблемами»; он оставлял «мюнхенцев» в их старых надеждах на восточный по-

¹ Blaubuch der britischen Regierung. Basel, 1939, Nr. 64.

² Телеграмма была получена в Лондоне 25 августа в 2.35. Кеннард писал о «намёках на другой способ», с помощью которого германское правительство, как говорил Бек, надеется «получить свободные руки в Восточной Европе». Он советовал реагировать немедленно: «ответ должен быть категорически отклоняющим». (Weltgeschichte der Gegenwart... Bd. III, S. 266). Переговоры Липского с Бекем, последнего — со Смиглы и президентом, телеграмма Кеннарда и ее обсуждение в Лондоне заняли примерно 12 часов. Телеграмма была получена Чемберленом и Галифаксом после их выступлений 24 августа (начавшихся в 17.00).

ход Германии против Советского Союза. «Существующая западная граница рейха будет окончательной», — заявил фюрер.

25 августа 1939 г. в 14.50 Гитлер отдал приказ на вторжение в Польшу в 4.45 следующего дня.

В 17.30 состоялась его беседа с французским послом Кулондром, протекавшая в том же духе, что и с английским послом. Целью беседы было удержать Францию от выступления на помощь Польше. «Я не буду наступать на Францию», — обещал Гитлер Кулондру и просил немедленно передать это Даладьё. «Мысль, что я был бы должен бороться против вашей страны, сильно угнетает меня»¹. Это был открытый призыв к соглашательским элементам Франции, к капитулянтам и сторонникам фашизма, готовившим предательство Польши.

Казалось, цель изоляции Польши достигнута. Пожелания «мюнхенцев» нашли отзвук в обещаниях Гитлера. Но внезапно возникли два затруднения. После телеграммы Кеннарда из Варшавы, полученной в Лондоне в ночь на 25 августа, английское правительство чрезвычайно обеспокоилось, что Польша в результате двойной игры фашистов будет упущена без солидной компенсации. Поэтому оно делает угрожающий жест и подписывает вечером 25-го договор с Польшей о взаимных гарантиях².

Сведения об этом были получены Гитлером сразу же от шеф-корреспондента германского агентства связи из Лондона. Одновременно, около 18 часов, в Берлин пришло известие, что Италия в случае войны будет придерживаться нейтралитета.

Под влиянием этих двух обстоятельств Гитлер в 20.30 отменил приказ о вторжении в Польшу, назначенном на 26 августа.

Днем 26 августа Гитлер получил личное послание Даладьё. Французский премьер напоминал, что оба они — фюрер и Даладьё — «фронтовые бойцы в последней войне»; «ни один француз не сделал больше, чем я, — писал Даладьё, — чтобы укрепить между нашими народами не только мир, но и действительное сотрудничество». А поэтому он горячо призывал Гитлера к миру, к «хорошей

¹ В донесении Боннэ об этой беседе Кулондр сообщал о заверении Гитлера, который, по его словам, «не имеет враждебных чувств к Франции». Гитлер сказал французскому послу: «Я не хочу никакого конфликта с вашей страной, и я в дальнейшем не надеюсь ни на что иное, кроме хороших взаимоотношений. Вследствие этого для меня чрезвычайно болезненна мысль, что я должен буду бороться с Францией из-за Польши». Фюрера «чрезвычайно угнетало», что «прольется германская и французская кровь, кровь одинаково храбрых народов». Кулондр вполне понял фюрера и добавил от себя, что не только прольется кровь, но в итоге войны может быть только один победитель — революция. (Gelbbuch der französischen Regierung. Basel, 1939, Nr. 242).

² В договоре, подписанном Галифаксом и Рачинским, указывалось: «§ 1. Если одна из договаривающихся сторон будет втянута во враждебные действия с европейской державой... то другая сторона немедленно окажет ей любую поддержку и любую помощь, которая будет в ее силах». В секретном приложении к договору было оговорено, что под понятием «европейская держава» подразумевается Германия. (Weltgeschichte der Gegenwart... Bd. III, S 277—282, Nr. 253).

гармонии» между Францией и Германией, к «дружественному союзу», ибо «до сегодняшнего дня нет ничего, что помешало бы мирному решению международного кризиса... если на обеих сторонах имеется одинаковое стремление к миру». Наконец, следовало торжественное обещание «приложить все усилия, которые только может дать искренний человек, чтобы привести эту попытку к успешному концу»¹. Большого гитлеровцам и не требовалось. «Расстроганность чувств» и слюняйство французского премьера могли восторгать лишь циничное презрение нацистской шайки.

У Гитлера и его сподвижников не осталось сомнений, что действительные планы западных держав после подписания англо-польского договора не изменились.

Лишний раз их убедили в этом мольбы о сохранении мира французского посла при вручении письма Даладье. Кулондр писал о своем свидании с фюрером в Париж: «Я просил его (Гитлера. — Д. П.), который построил рейх без пролития крови (!!!)... не проливать крови ни солдат, ни женщин, ни детей... Однако ничего не получилось». «Это бесполезно, — ответил мне господин Гитлер. — Поляки не отдадут Данциг; а я хочу возвратить Данциг — порт рейха в состав рейха»². В письменном ответе Гитлера Даладье 27 августа не только вновь ясно проводилась прежняя линия — Франция не должна мешать военному решению «польского вопроса», тогда Германия не будет воевать с Францией, — но выдвигалось новое требование: вместо экстерриториальной дороги через коридор Гитлер требовал теперь отдать Германии весь коридор³.

25—26 августа были решающей политической точкой конфликтной ситуации. Если англо-французская политика отошла бы в этот момент от самоубийственных мюнхенских тенденций, если руководители обеих западных держав проявили бы последовательность и твердость, возможно, события приняли бы иной оборот и не была бы исключена какая-то, пусть временная, «деэскалация» конфликтной ситуации. Но теперь, по существу, все вопросы были решены. Гитлер вновь отдал приказ о вторжении.

Оставшиеся пять суток были заполнены дипломатическими маневрами гитлеровцев, направленными на создание возможно более полной гарантии безопасности западных границ Германии в период войны против Польши и на изоляцию последней. Выдвигались все новые и новые требования, все новые, запутывающие предложения, которые уже ничего не меняли. Гитлеровцы теперь, более чем

¹ Gelbbuch der französischen Regierung. Nr. 253.

² I b i d e m, Nr. 261.

³ Гитлер писал Даладье, подделываясь под его тон: «Как старый солдат, я как и Вы, знаю ужасы войны. Из этих соображений... я искренне хочу устранить источники конфликта между нашими двумя народами... Строительство больших западных укреплений, поглощающих многие миллиарды, представляет ныне для Германии факт признания и утверждения окончательного характера границы рейха». Далее говорилось о необходимости ревизии версальского диктата, о требовании «возвращения Германии Данцига и коридора». (Weltgeschichte der Gegenwart... Bd. III, S. 290—293).

когда-либо прежде не верили, что на Западном фронте во время войны с Польшей произойдет наступление союзников.

После «больших предложений» Гитлера от 25 августа, которые английский посол Гендерсон представил на следующий день в Лондоне, 27 августа последовали новые предложения Чемберлену: 1) Германия желает заключить союз или пакт с Великобританией; 2) Англия должна помочь Германии получить Данциг и Польский коридор; 3) Германия обязуется гарантировать польские границы; 4) должна быть достигнута договоренность о возвращении Германии колоний; 6) Германия обязуется защищать Британскую империю своими вооруженными силами, если на последнюю будет совершено нападение¹.

Конечно, эти предложения были грубой ложью, фантастикой, не имеющей ничего общего с действительными планами гитлеровцев, рассчитанными лишь на капитулянтов, издавна мечтавших о мирном договоре с третьим рейхом за счет Советского Союза, а предложение «защищать Британскую империю» — оскорблением, издевкой, чем угодно, только не серьезной политикой. Но в Лондоне все перенесли стоически: вместо того чтобы решительно отвергнуть пустые и наглые «предложения», английское правительство ухватилось за них и вступило в торг по каждому из пунктов новой «мирной программы» нацистов. Наиболее важным для истории и понимания дальнейших событий фактом явилось немедленное согласие английских политиков с первым «предложением» Гитлера — заключить союз с Англией ценой уступок требованиям Гитлера о Данциге и коридоре. В замечаниях от 27 августа британского помощника государственного секретаря Кадогана к германским предложениям говорилось: «К пункту 1. Англия в принципе готова заключить с Германией договор, который обеспечил бы мирное развитие в политической и экономической областях; однако должно быть подчеркнуто, что детали такого договора необходимо выработать в особых переговорах»².

Итак, через два дня после подписания договора с Польшей британские «умиротворители» были готовы подписать договор с Германией, фактически противоречащий всему духу англо-польского соглашения. В тот же день Чемберлен заявил: «Максимум польских уступок должно быть: Данциг с условием сохранения особого польского права и экстерриториальное шоссе для Германии через коридор при международных гарантиях»³. Следовательно, уже признавалась необходимость «уступок»! Британское правительство уверенно подводило события к новому Мюнхену. И когда утром 28 августа ответ английского правительства был вручен Гитлеру, он заявил, что согласен с ответом, при условии если он будет официально подтвержден прилетающим вскоре в Берлин Гендерсоном⁴.

¹ См. Нюрнбергский процесс... т. II, стр. 406.

² Weltgeschichte der Gegenwart... Bd. III, S. 300.

³ Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Vol. VII, p. 282

⁴ См. Нюрнбергский процесс... т. II, стр. 407.

В переданном вечером 28 августа официальном ответе английского правительства на «большие предложения» Гитлера хотя и напоминалось, что Англия связана гарантиями Польше, но весь смысл ответа был таков, что не оставлял сомнений в отсутствии у британского правительства желания выполнять эти гарантии и в стремлении пойти на сделку. Предлагались «прямые германо-польские переговоры», вслед за которыми должны последовать «переговоры о широком и всеохватывающем взаимопонимании между Великобританией и Германией»¹.

Такой политический курс все более открытого предательства в отношении польского союзника — катастрофически влиял в решающие дни конфликта на подготовку Польши к отпору агрессии. 27 августа, после того как польское правительство узнало о содержании беседы Гитлера с Гендерсоном, оно решило провести всеобщую мобилизацию, о чем в 22.47 Кеннард телеграфировал Галифаксу².

Это немедленно вызвало протест Лондона. Британский министр иностранных дел сообщил в Варшаву, что он «был бы в затруднении, если бы ему пришлось объяснить, какие особые места в выражениях Гитлера против сэра Невилля (Чемберлена. — Д. П.) побуждали польское правительство на такой шаг, как мобилизация»³.

Под нажимом Англии Варшава дала согласие на прямые переговоры с Гитлером⁴. Польская мобилизация была отменена.

Так, 27—28 августа по вине Англии и слепо доверившихся ей польских правителей перед прямой угрозой отмобилизованных и развернутых сил германского вермахта было решено не проводить той меры, которая являлась в сложившихся условиях самой правильной, единственно необходимой и осуществление которой было долгом польского и английского правительства перед польским народом. Оправдать смысл своего существования оба правительства могли сейчас лишь в обеспечении быстрой и решительной мобилизации польской и британской армий, что произвело бы военное, моральное и политическое воздействие на весь мир. Но мобилизация не состоялась.

События все более шли по «чехословацкой модели» 1938 г.: выступая «посредником» между агрессором и Польшей, английское правительство стремилось, как и тогда, «отечески убедить» Польшу отказаться от военного сопротивления, начать переговоры и уступить требованиям Гитлера. Но у того теперь имелось гораздо больше сил, чем в 1938 г. Гитлер верил, что Англия и Франция не вмешаются, когда он совершит нападение на Польшу. Поэтому он теперь несколько не сомневался, что агрессией добьется гораздо большего, чем переговорами. Оставалось дать дипломатический и

¹ Blaubuch der britischen Regierung. Nr. 74.

² Documents.. p. 311.

³ I b i d e m.

⁴ I b i d e m, pp. 314—315.

пропагандистский повод для вторжения, о котором после 27—28 августа было решено окончательно.

Вместе с расчетами на новую сделку с Гитлером у английских правящих кругов, конечно, не исчезали, а росли опасения, что дело может не ограничиться Данцигом и коридором, что Гитлер поглотит всю Польшу и этим нанесет тяжелейший удар английскому империализму в Европе. Поэтому в переговорах 29—31 августа, когда военные планы Гитлера вырисовывались все яснее, в дряблой, колеблющейся и ложной английской политике стала все более ясно звучать нота: Данциг и решение проблемы коридора — но не больше. И тогда — дружба и союз Англии с Германией. Эта позиция определенно прослеживалась в беседе Гендерсона с Гитлером при вручении английским послом 29 августа ответа британского правительства на «большие предложения».

Во время беседы Гендерсон «демонстрировал» решимость Англии «бороться за независимость Польши»¹. Английские политики не без наивности, видимо, думали, что, после того как подрывали собственные позиции в европейских делах и до самых последних дней подчеркивали свои соглашательские намерения, нацисты всерьез поверят их ничем не подкрепляемым угрозам, их словесной «решительности» и напугаются хмурых взглядов английских дипломатов.

В беседе с Гендерсоном Гитлер выдвинул новое требование: присоединить польскую Силезию с немецким населением. Такова логика агрессии: когда ей не ставят преград, она разворачивается все дальше. В марте 1939 г. Гитлер требовал Данциг и дорогу через коридор; 26 августа — Данциг и весь коридор; 29 августа — Данциг, весь коридор и Силезию. Гитлер «согласился» с английскими предложениями о прямых переговорах с Польшей, но лишь на основе выдвигаемых им и заведомо неприемлемых для Польши требований, а также при условии, что чрезвычайный уполномоченный Польши прибудет в Берлин не позже полуночи 30 августа.

¹ Гендерсон заявил Гитлеру, что Англия будет «бороться за Польшу, если появится угроза ее независимости или ее жизненным интересам». Гитлер ответил, что «надеется на дружбу с Англией». Посол возразил, что дружба может быть при взаимном сотрудничестве. «Премьер-министр (Чемберлен. — Д. П.) мог бы проводить свою политику понимания только тогда, если бы господин Гитлер был готов к сотрудничеству... Мы предлагали дружбу, однако только на основе мирного и свободно согласованного решения польского вопроса». Гитлер выдвинул требование возвращения Данцига, всего коридора и, кроме того, новое требование: «поправок в Силезии, где девяносто процентов населения голосовало во время послевоенного плебисцита за Германию». Гендерсон заявил, что тогда нет надежд на мирное решение. Этой взаимной пикировке обе стороны, видимо, не придавали серьезного значения. Гендерсон писал Галифаксу в отчете о беседе, что «беседа велась... в полностью дружеской атмосфере». (Blaubuch der britischen Regierung. Nr. 75).

Оценивая положение, Чемберлен сообщил 29 августа нижней палате: «Катастрофа еще не над нами, но я не могу надеяться, что опасность пропала». (Ibidem. Nr. 77).

Гендерсон воспринял требования как ультиматум. Так и было на самом деле. И сразу же английская решимость занять более твердую позицию развеялась как дым.

Это видно из решения, навязанного польскому правительству 29 августа английским послом Кеннардом в связи с новой попыткой поляков начать всеобщую мобилизацию. Ее необходимость поляки ясно сознавали в связи с непрерывно получаемыми сведениями о подготовке вермахта к вторжению.

Согласно записям статс-секретаря польского министерства иностранных дел Шембека, он по распоряжению Бека пригласил в 16.00 29 августа английского и французского послов и передал им следующее заявление: «Ввиду сосредоточения немецких войск на нашей границе, вступления их в Словакию, продолжающихся пограничных инцидентов и германских пограничных интриг в Данциге, не может больше быть никаких сомнений об агрессивных намерениях третьего рейха против Польши. В связи с таким положением, а также в связи с полученными из определенных источников предостережениями и, кроме того, ставшим вчера известным сообщением от британского посла о том, что Германия собирается внезапно напасть на Польшу, президент республики по предложению правительства приказал начать всеобщую мобилизацию»¹.

Английский посол немедленно возразил и потребовал отменить мобилизацию. Он сказал: «Слово «мобилизация» таково, что создаст во всем мире впечатление, будто мы вступаем в войну. Но в настоящий момент еще ведутся британо-германские переговоры. Лондон ожидает ответа из Берлина. Было бы крайне желательно, чтобы мы дождались этого ответа прежде, чем объявим открытую мобилизацию»².

И самое поразительное заключалось в том, что польская мобилизация, которая уже давно представляла собой самое жизненно необходимое мероприятие, вторично была отменена. Что могло бы еще больше поощрить агрессора?!

После ультимативных требований Гитлера о прибытии польских представителей до 24.00 30 августа английский посол стал настаивать, чтобы к Гитлеру немедленно выехал Бек. Французский посол стоял за предоставление полномочий Липскому. Бек отказался выезжать, «чтобы не следовать по стопам Гахи». Сразу же был составлен ответ английского правительства на германские предложения от 29 августа: «Британское правительство разделяет желание улучшить отношения»³. Далее говорилось, что Англия «не может жертвовать интересами своих друзей» и что решение польской проблемы должно быть обеспечено международными гарантиями.

Ответ был вручен Гендерсоном Риббентропу около полуночи 30 августа, когда ожидался приезд польского уполномоченного. Но прибыть он не смог, так как срок, данный Гитлером, был заведомо

¹ Weißbuch der polnischen Regierung. Nr 98.

² Ibidem.

³ Нюрнбергский процесс... т. II, стр. 363.

мал¹. К этому времени вопрос о начале войны 1 сентября Берлин решил бесповоротно. Поэтому все политические маневры последних двух дней представляли собой только блеф и не играли практической роли.

В полночь 30 августа в кабинете Риббентрона произошел эпизод, показывающий, как мало считалась фашистская верхушка с Англией.

Беседа Гендерсона, вручившего ответ на германский ультиматум, с Риббентропом протекала в напряженной атмосфере. Риббентроп заявил, что, поскольку польские представители не прибыли, нормальных переговоров с Польшей быть не может. Затем он зачитал по-немецки текст подготовленных Германией «предложений», которые якобы предполагалось обсуждать во время германо-польских переговоров. Предложения назывались «Союз народов» и содержали 16 пунктов, принятие которых означало бы для Польши полную потерю суверенитета². Когда Гендерсон, в соответствии с дипломатическим обычаем, попросил дать ему текст документа для перевода его и передачи правительству, то получил отказ³.

Эта открытая провокация не оставляла ни малейших сомнений, что гитлеровцы не желают никаких переговоров и стремятся только к войне, что вся затея с вызовом польских представителей и меморандумом «Союз народов» представляли собой лишь создание политического предлога для начала агрессии.

Но даже и это не обескуражило английских политиков. Они вдохновенно продолжали цепляться за «возможность соглашения». Гендерсон рано утром 31 августа сообщил Липскому: имеется «текст детальных германских предложений» и Липский должен их получить. Шведский посредник Далерус ночью был у Геринга и уговорил его «исправить ошибку Риббентрона», ознакомить поляков с «предложениями». Сделав выписку из текста «предложений», он отправился к Липскому. Последний, ознакомившись с текстом, заявил, что «этот план означает потерю польского суверенитета и является полностью недискуссионным»⁴. Бек или какой-либо другой польский представитель не должны ехать в Берлин. «Польша готова бороться и погибнуть в одиночестве».

Но английское правительство и слышать ничего не хотело: поляки обязаны вступить в «прямые переговоры». В 12.00 31 августа Галифакс телеграфировал в Варшаву Кеннарду: «Вы должны совместно с французским коллегой сообщить польскому правитель-

¹ Ответ Гитлера от 29 августа был направлен в Лондон, а лишь оттуда — в Варшаву.

² Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Nr. 466.

³ Посланник Шмидт, присутствовавший при беседе, записал: «Я не поверил ушам, когда Риббентроп с усмешкой сказал: «Нет, эти предложения я не могу вам передать». Гендерсон подумал, что неверно понял и повторил вопрос. Риббентроп снова отказался. Он бросил документ на стол и разъяснил: «Теперь бесполезно переводить, так как польские представители не явились».

⁴ Documents... Vol. VII, pp. 445—446.

ству, что ему следует передать германскому правительству... о своей готовности принять принцип прямых переговоров»¹.

Насколько анекдотической, бесполезной и позорной была подобная «стратегия» британских соглашателей в день, когда до начала второй мировой войны оставались считанные часы, свидетельствует хотя бы тот факт, что те же английские политические деятели 31 августа точно знали, что германское вторжение в Польшу начнется следующим утром. В 9.05 Гендерсон сообщил Кулондру: «Из достоверных источников я узнал, что если польское правительство до 12 часов не пришлет уполномоченного для переговоров, то немецкое правительство будет считать, что поляки отказались от мирного решения конфликта и немецкие войска получают приказ на наступление»².

В середине дня польское правительство под нажимом англичан все же дало указание Липскому о «прямых переговорах» с Риббентропом, в которые никто в Варшаве, конечно, не верил.

Телеграмма Бека Липскому по этому вопросу была отправлена из Варшавы в 12.40.

Но в 12.40 Гитлер отдал приказ о наступлении против Польши 1 сентября в 4.45³.

Липский, получив телеграмму, направился в 13.00 в министерство иностранных дел. После проволочек посол был принят в 18.00 Риббентропом. Под предлогом отсутствия у Липского особых полномочий Риббентроп отказался вести переговоры. Он «доложит фюреру»⁴.

В 13.45 Галифакс отправил в Варшаву Кеннарду телеграмму с требованием немедленно сообщить польскому правительству, чтобы оно дало Липскому директиву узнать: «Если только германское правительство имеет какие-нибудь предложения, он готов передать их своему правительству для того, чтобы оно их немедленно изучило и смогло положить начало немедленным переговорам»⁵.

Все это выходило за рамки нормальных не только дипломатических, но и вообще человеческих суждений. Только правительство, намеренно зажавшее ушные раковины и закрывшее глаза, могло действовать подобным образом в часы, когда на германских аэродромах уже подвешивались бомбы к самолетам, а фашистские отряды вторжения подползли к самой польской границе. В умах британских политиков созданные ими ложные политические стереотипы заслонили реальную жизнь.

В 18.30 Бек сообщил в Лондон о согласии польского правительства вести переговоры на английских условиях. Но он, конечно, не знал, что в 19.00 Гитлер сказал находившемуся у него итальянско-

¹ Blaubuch... Nr. 94.

² Weltgeschichte der Gegenwart... Bd. III, S. 371. Сведения были получены от итальянского посла Аттолико.

³ I b i d e m, S. 384.

⁴ Polnisches Weißbuch. Nr. 159.

⁵ Blaubuch... Nr. 95.

му послу Аттолико: «...теперь все кончено. Наступил срок, после которого приказ на вторжение в Польшу, отданный после полудня, обратно взят быть не может»¹.

В 21.00 германское радио начало передачу «предложений», которые накануне Риббентроп показывал Гендерсону. Это те предложения, говорил диктор, которые предназначались для обсуждения, но, поскольку польский представитель не прибыл в Берлин, германское правительство считает, что они отвергаются Польшей². Собственно, только сейчас, вечером 31-го, из сообщения германского радио поляки узнали о содержании германских предложений («Союз народов»).

Нацисты считали, что созданы достаточные дипломатические и пропагандистские поводы для вторжения.

Последним дипломатическим эпизодом двадцатилетнего периода между двумя мировыми войнами был так называемый «примирительный демарш» Муссолини.

Итальянский фашизм, опасаясь быть втянутым в европейскую войну, к которой не был готов, и вместе с тем чувствуя неловкость перед германским партнером, предпринял 31 августа попытку «деэскалации конфликта»³.

После того как утром 31 августа Рим получил сведения, что война вот-вот начнется, Муссолини в 11.00 предложил созвать 5 сентября конференцию с участием Германии, Франции и Англии, на которой будут пересмотрены условия Версальского договора⁴. Первая реакция Чемберлена на план римского владыки была сдержанной: он опасался, что, имея полностью отмобилизованную мощную армию, Гитлер предъявит такие неумолимые требования, которые нанесут британскому империализму непоправимый удар. Поэтому английский премьер сразу выдвинул условие для переговоров: предварительная демобилизация⁵.

Идея «мирной конференции» повисла в воздухе. Занимался рассвет 1 сентября 1939 г.

V

Резкое усиление политической напряженности представляло собой лишь одну сторону конфликтной ситуации двадцатых чисел

¹ Weltgeschichte der Gegenwart... S. 390.

² См. Нюрнбергский процесс... т. II, стр. 358.

³ В 9.00 посол в Берлине Аттолико позвонил в Рим Чиано и сообщил, что «Германия через короткое время вступит в войну, если не случится ничего нового». Таким «новым» может быть телефонный разговор дуче с фюрером или прибытие Липского для переговоров. Чиано сообщил об этом Муссолини, который, однако, сказал, что ему неудобно звонить фюреру и что, по его мнению, наилучшим выходом была бы мирная конференция. (Weltgeschichte der Gegenwart... S. 377).

⁴ Аттолико сразу же стал зондировать почву по этому вопросу в Берлине, а Чиано обратился в Париж и Лондон. (Weltgeschichte der Gegenwart... S. 379).

⁵ Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Vol. VII, pp. 442—443.

августа. Другую, не менее существенную сторону составлял тот комплекс мер, на реализацию которых направляла усилия нацистская военная иерархия. Политическая ситуация оказалась необычайно благоприятной: «мюнхенцы» создали максимум условий для германского военного успеха. Нагнетание политического конфликта стимулировало и определяло действия военщины. Но верно и другое: без ее активнейших действий третий рейх не смог бы создать конфликта и развязать войну. Военная верхушка в эти дни, действуя синхронно с политиками, не меньше, а, может быть, больше, чем они, нагнетала военно-политическую напряженность. Весь педантизм, вся штабная точность механизма агрессии были вложены в последний акт перед прыжком.

25 августа 1939 г. в 15.02 после передачи штабам округов сигнала „Angriff“ началась официальная скрытая мобилизация, которая по плану должна была завершиться 31 августа. Как сказано выше, к 1 сентября предстояло развернуть 102 дивизии и 1 кавалерийскую бригаду.

Весь этот процесс после официального объявления мобилизации был до предела облегчен предшествующими мерами. Почти все соединения «первой волны» были приведены к организации военного времени или близкой к ней. В результате тщательной подготовки заключительного акта мобилизации он завершился в намеченные сроки, согласно заранее разработанному календарному плану.

Оперативное сосредоточение и развертывание гитлеровской армии подчинялось общему замыслу — обеспечению внезапного первого удара мощной группировкой. Оно началось 26 июня 1939 г., задолго до намеченного срока вторжения, и продолжалось с нарастающим напряжением более двух месяцев, до последних чисел августа¹.

С 26 июня до начала мобилизации (25 августа) в районы, прилегающие к германо-польской границе, были переброшены 5 танковых дивизий, 4 моторизованные и 4 легкие пехотные дивизии. Их сосредоточили вблизи польской границы якобы для «крупных маневров моторизованных соединений».

Восемь дивизий «первой волны», полностью отмобилизованные, в конце июня развернулись вдоль польской границы «для производства оборонительных инженерных работ»². На территорию Восточной Пруссии передислоцировались морским путем в начале августа: 12-я пехотная дивизия, 4-я танковая бригада, 7-й танковый полк, полк войск СС «Дойчланд» и некоторые другие части³. В середине августа 10 соединений 3-й армии, расположенные в Восточной Пруссии, выдвинулись непосредственно к польской границе.

Таким образом, заблаговременно, в течение двух месяцев, с 26 июня по 25 августа 1939 г., производились перевозки и передви-

¹ Roos. Op. cit. S. 498.

² Vogtman. Op. cit. S. 63.

³ См. Б. Мюллер-Гиллебрандт. Указ. соч., т. II, стр. 13.

жения сухопутных сил, осуществлялось развертывание, в котором приняли участие 31 соединение и ряд отдельных частей. А когда 31 августа был отдан окончательный приказ на вторжение, развернутыми вблизи польской границы находились 54 соединения.

Выдвижение основной массы войск из районов сосредоточения на исходные позиции в пограничной зоне происходило в строгой последовательности. Сначала эшелонированно двигались пехотные дивизии, а танковые соединения оставались позади рассредоточенно; далее, в тылу, находились моторизованные дивизии. Все эти «подвижные войска» вышли в исходные районы к границе только вечером 31 августа, за несколько часов до вторжения, чтобы поляки не успели распознать их прибытия и вероятного направления действий.

31 августа в 12.55 Геринг, как главнокомандующий ВВС, отдал приказ о готовности к открытию огня зенитной артиллерией и в 18.15 разрешил условным сигналом «Полет Остмарк» перелет границы для внезапного нападения следующим утром на аэродромы польских военно-воздушных сил.

Гитлеровская авиация заняла полевые аэродромы для первых своих налетов во второй мировой войне.

Перед рассветом 1 сентября 1939 г. оруженосцы третьего рейха завершили путь, начатый двадцать лет назад. Их долгие, упорные усилия теперь воплощались в том, к чему они готовились так страстно: в войне. И на рассвете 1 сентября открылась перед ними новая дорога, по которой они двинулись радостно, с надеждой на победы, величие, славу...

Но конечно, в то утро они не знали, что в кремешной тьме, которую они опустили на мир, их ждали позор, ненависть человечества и полная катастрофа.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Введение	3
Глава I. Путь к фашистской диктатуре	5
Глава II. У власти	56
Глава III. Военно-теоретическая подготовка агрессии	91
Глава IV. Без выстрела	117
Глава V. Тысяча девятьсот тридцать девятый год	153

Прозектор Даниил Михайлович
ОРУЖЕНОСЦЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Редактор *А. В. Голунов*
Технический редактор *Р. Ф. Медведова*
Корректор *К. В. Смирнова*

* * *

Г-84622

Слано в набор 28.1.71 г. Подпласано в печать 2.8.71 г.
Формат 60×90¹/₁₆ — 12¹/₂ печ. л. = 12.5 усл. печ. л. = 14,358 уч. изд. л.

Гипографская бумага № 2. Тираж 30000 экз.

Изд. № 2/7633. Цена 1 руб. Зак. № 375.

* * *

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство Министерства обороны СССР
Москва, К-160

2-я типография Воениздата
Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10

Прозктор Д. М.

П84 Оруженосцы третьего рейха. М., Воениздат, 1971.
200с.

«Оруженосцы третьего рейха» — история германских вооруженных сил между двумя мировыми войнами. На большом историческом материале в книге показано, как немецкие милитаристы после поражения кайзеровской Германии в первой мировой войне создавали армию реванша, как они, сомкнувшись с фашизмом, привели к власти Гитлера, а затем подготовили и развязали вторую мировую войну.

1-12-2
38-71

9 (М) 71

Цена 1 руб.

Д.М.ПРОЭКТОР ОРУЖЕНОСЦЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА